

• ИСТОРИЧЕСКАЯ • БИБЛИОТЕКА •

КРИС
БРЭДФОРД

ЮНЫЙ САМУРАЙ. ПУТЬ ВОИНА

КРИС БРЭДФОРД

ЮНЫЙ САМУРАЙ
ПУТЬ ВОИНА

КРИС БРЭДФОРД

КРИС БРЭДФОРД

ЮНЫЙ САМУРАЙ
ПУТЬ ВОИНА

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

Б87

Chris Bradford

YOUNG SAMURAI: THE WAY OF THE WARRIOR

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Intercontinental Literary Agency и Andrew Nurnberg

Перевод с английского *О. Василенко*

Серийное оформление *А.А. Кудрявцева*

Брэдфорд, К.

Б87 **Юный самурай: Путь война / Крис Брэдфорд; пер. с
англ. О. Василенко. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. —
350, [2] с. — (Историческая библиотека).**

ISBN 978-5-17-054130-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-403-00627-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Джек Флетчер, сын штурмана, мечтает стать настоящим моряком, покорять моря и океаны.

Но коварная судьба будто подслушала его мечты и посмеялась над ним.

На торговый корабль «Александрия» нападают... японские пираты. Единственного оставшегося в живых мальчика спасли самурай. Теперь и Джеку предстоит стать настоящим японским воином: носить кимоно, научиться есть хаши, а не вилкой, освоить кюдзюцу, кэндо и кэндзюцу. Но главное — познать Путь война — моральный кодекс самурая!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

Подписано в печать 23.01.2009 г.
Формат 84×108^{1/32}. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 3000 экз. Заказ № 572

© Chris Bradford, 2008

© Школа перевода В. Баканова, 2009

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

Благодарности

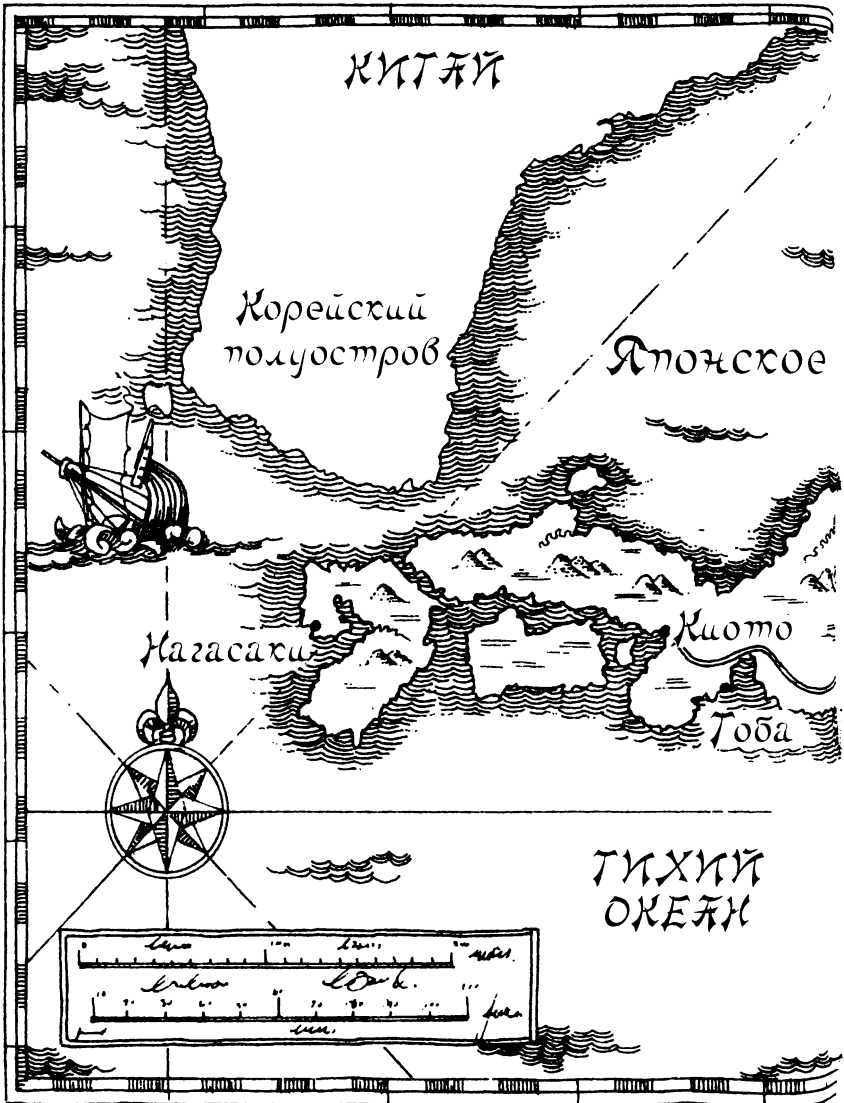
Я хотел бы поблагодарить людей, которые помогли мне создать «Путь воина»: Чарли Вайни, моего агента, за то, что он с самого начала поддержал замысел книги и сделал все возможное, чтобы воплотить этот замысел в реальность; Сару Хью, моего редактора, за критику, безжалостную, как меч настоящего самурая, которая превратила рукопись в закаленную в схватках книгу; Пиппу Ле Кесн за квалифицированные советы и проницательные предложения во время редактирования; Тессу Гирван за ее неукротимость; общество Сасакава и Союз писателей за присуждение премии, позволившей мне совершить поездку в Японию для сбора информации в процессе написания книги; сэнсэя Акеми Соллоуэй за организацию замечательной и познавательной поездки в Японию — аригато годзаимасита; сотрудников издательства за их энтузиазм и трудолюбие; Стива Коули и всех сэнсэев в его Академии воинских ис-

кусств за то, что помогли мне получить черный пояс в тайдзюцу; Хироко Такаги за перевод японских фраз; Кэтрин Хэмингуэй за то, что поделилась со мной своими знаниями о Японии; Мэтта Боулда за тщательность; моих родителей за их неизменную поддержку и веру в меня; и мою жену Сару за то, что она стала моей первой читательницей!

Предупреждение: «Юный Самурай», хотя и основан на исторических событиях и упоминает реальные личности и места, является художественным произведением и всего лишь отражает дух эпохи, не претендуя на историческую точность.

Предупреждение: Не пытайтесь воспроизвести описанные в книге приемы без руководства опытного инструктора. Указанные техники могут оказаться чрезвычайно опасны и привести к летальному исходу. Ни автор, ни издательство не несут ответственности за травмы, полученные в результате попыток воспроизвести описанные в книге приемы.

Моему отцу посвящается

КИТАЙ

Корейский
полуостров

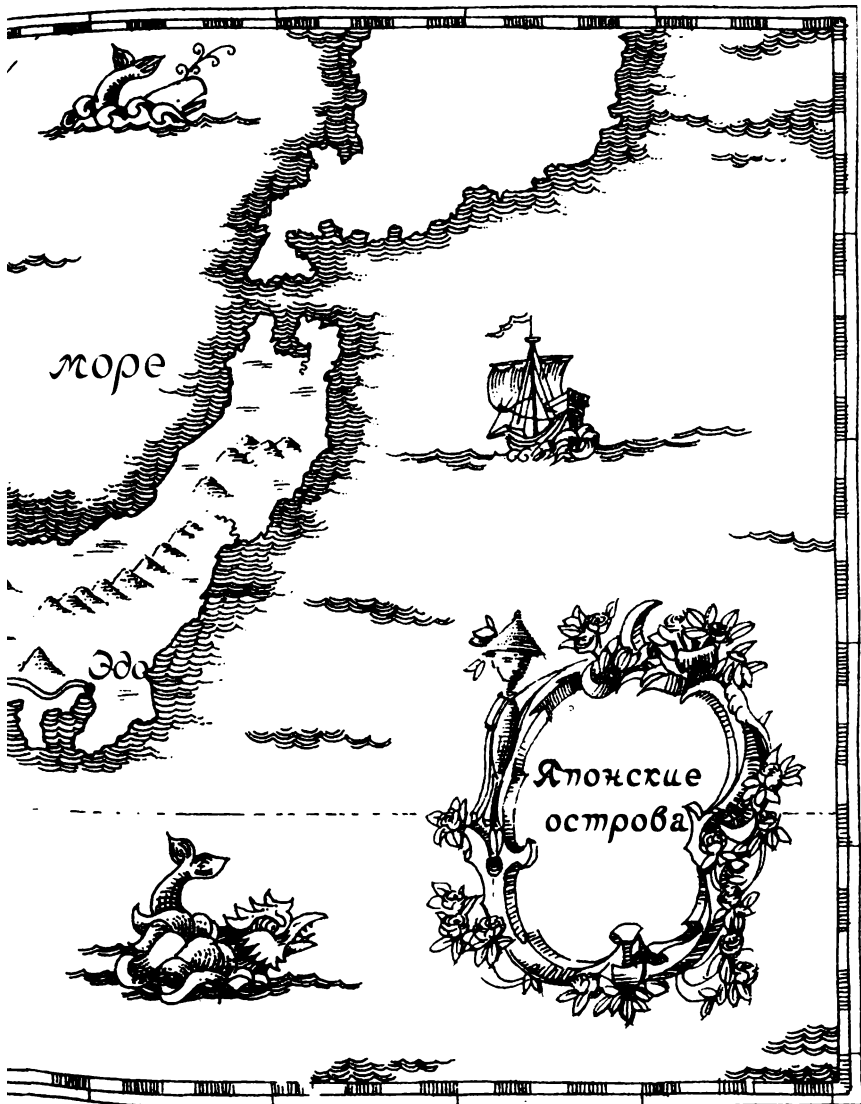
Японское

Нагасаки

Киото

Тоба

ТИХИЙ
ОКЕАН

море

Эдо

Японские
острова

Пролог Масамото Тэнно

Япония, город Киото, август 1609 года

Мальчик резко открыл глаза.

И схватился за меч.

В комнате был кто-то чужой. Тэнно затаил дыхание. Глаза постепенно привыкали к темноте, и он настороженно вглядывался: не шелохнутся ли ночные тени. Никого не видно, только призрачный свет луны сочится сквозь полупрозрачные бумажные стены. Может, почудилось? Однако инстинкты самурая предупреждали об опасности...

Тэнно вслушивался изо всех сил: не выдаст ли себя незваный гость малейшим шорохом? Вишневые деревца в саду слегка шелестели под ветерком; как обычно, журчала струйка воды, вытекающая из фонтанчика в прудике с рыбками, да где-то поблизости без умолку стрекотал сверчок. В доме царил полная тишина.

Напрасно он так встревожился. Наверное, просто злой *ками** спать помешал...

Целый месяц весь клан Масамото гудел, как расстроенный улей: ходили слухи, что будет война. Поговаривали о каком-то восстании, и отца Тэнно вызвали, чтобы помочь навести порядок. Миру, которым наслаждалась Япония последние двенадцать лет, вот-вот придет конец, и люди боялись нового кровопролития. Тут волей-неволей встревожишься!

Тэнно расслабился, поудобнее устраиваясь на *футоне*, — можно еще поспать. И вдруг сверчок застрекотал чуть громче. Мальчик сжал в ладони рукоять меча. Однажды отец сказал: «Самурай должен всегда доверять своим инстинктам», а сейчас инстинкты твердили об опасности.

Надо бы проверить, в чем дело.

Тэнно поднялся.

Из темноты вылетела серебристая звездочка.

Мальчик метнулся в сторону, но все же опоздал: *сюрикэн* порезал ему щеку и впился в изголовье постели — как раз там, где только что лежала голова. По лицу потекла горячая струйка крови. Вторая звездочка со стуком воткнулась в соломенные маты на полу. Тэнно одним движением вскочил на ноги и выставил перед собой меч.

Одетая в черное с головы до ног фигура выплыла из теней, как привидение.

Ниндзя! Ночной убийца!

* Значения японских слов см. в конце книги. — *Примеч. пер.*

Нарочито медленно ниндзя вытащил из ножен смертоносный клинок — короткий, прямой, идеально приспособленный для колющих ударов и совсем не похожий на длинный и слегка изогнутый меч Тэнно.

Словно кобра, готовая к прыжку, ниндзя молча сделал шаг вперед, замахиваясь *танто*.

Предвосхищая атаку, Тэнно ударил мечом вниз, пытаясь разрубить нападающего пополам. Ниндзя легко ушел от клинка и, развернувшись вокруг своей оси, врезал мальчику пяткой в грудь.

От удара Тэнно вылетел сквозь затянутую бумагой дверь и грузно шлепнулся посреди внутреннего садика, хватая воздух ртом. В голове помутилось.

Ниндзя выпрыгнул сквозь пробитую дыру и, как кошка, приземлился рядом.

Тэнно попытался подняться и отбить атаку, но колени подгибались: ног он совсем не чувствовал. Хотел закричать, призывая на помощь, однако горло распухло и горело огнем — крики превратились в судорожные вздохи.

Фигура ниндзя то расплывалась, то снова обретала четкость и наконец исчезла в клубах черного дыма.

В глазах потемнело. Тэнно понял, что сюрикэн был отравлен и теперь яд растекался по телу, парализуя мышцу за мышцей. Мальчик беспомощно лежал, распростертый перед убийцей.

Ослепший, он прислушивался, ожидая приближения ниндзя. Ничего, кроме стрекота сверчков. Отец как-то говорил, что ниндзя подражают стрекотанию

насекомых, чтобы незаметно подобраться к цели. Теперь понятно, как убийца проскользнул мимо охраны!

Зрение ненадолго вернулось, и в бледном свете месяца мальчик увидел закрытое маской лицо. Ниндзя нагнулся так близко, что донеслось его горячее дыхание — кислое и вонючее, как дешевое *саке*. Сквозь щель в капюшоне виднелся горящий ненавистью зеленый глаз.

— Это послание твоему папочке, — прошипел ниндзя.

Грудь вдруг кольнуло холодное лезвие.

Один резкий удар, и все тело обожгло нестерпимой болью...

А потом пустота...

Масамото Тэнно ушел в Вечное Ничто.

7. Огненный шар

Тихий океан, август 1611 года

Мальчик резко открыл глаза.

— Свистать всех наверх! — взревел *боцман**. — Джек, тебя тоже касается!

Из темноты появилось обветренное лицо боцмана, и мальчишка резво выскочил из раскачивающегося гамака и приземлился на деревянный пол.

Для своих двенадцати лет Джек был высок, худощав и мускулист: два года в море даром не прошли. От матери ему досталась копна белокурых волос — густых и давно нечесанных. В ярко-голубых глазах горело упорство.

Уставшие от долгого плавания матросы «Александрии» тяжело слезали с коек и протискивались мимо Джека, торопясь выбраться на палубу. Джек виновато улыбнулся.

* Объяснения морских терминов см. в конце книги. — *Примеч. пер.*

— А ну, пошевеливайся! — прорычал в ответ боцман.

Внезапно раздался оглушительный треск, деревянная обшивка протестующе заскрипела. Крохотная масляная лампа, подвешенная под потолком, яростно закачалась.

Джек упал на груду пустых бутылок из-под грога, которые разлетелись во все стороны. В полумраке кубрика еще несколько чумазных полуголодных матросов, спотыкаясь, протиснулись мимо. Джеку никак не удавалось подняться, и тут его ухватили за шиворот и поставили на ноги.

Гинзель!

Широкоплечий коротышка ухмыльнулся, показав неровный ряд сломанных зубов, которые делали его похожим на акулу. Вопреки суровому виду, к Джеку голландец относился по-доброму.

— Опять в шторм попали. Прямо-таки все врата ада распахнулись настежь! — заметил Гинзель. — Дуйка ты на бак, пока боцман с тебя шкуру не спустил!

Джек торопливо взлетел по *трапу* вслед за Гинзелем и остальными матросами — и оказался в самом центре бури.

В черных тучах грозно грохотало, ворчание моряков заглушал ветер, без умолку свистевший в *снастях*. Остро пахло морской солью, в лицо бил колючий ледяной дождь. Не успел Джек все это почувствовать, как корабль накрыла гигантская волна.

Джек мгновенно промок насквозь. Под ногами вспенилось море, потоки воды потекли с палубы че-

рез шпигаты. Пока парень лихорадочно глотал воздух, на корабль обрушился еще один ревущий вал. На этот раз Джек не устоял на ногах, и его едва не смыло: в самый последний момент он успел ухватиться за поручень.

Ночное небо прорезала ослепительная молния и ударила в *грот-мачту*. На секунду весь корабль засиял призрачным светом, и стало видно, что на трехмачтовом торговом судне царит полная неразбериха. Матросов раскидало по палубе, словно щепки. Группа моряков боролась с ветром, отчаянно пытаясь убрать *грот*, пока его не разорвало или, что еще хуже, пока не опрокинуло весь корабль.

На *полуюте* третий помощник, гигант семи футов ростом с огненно-рыжей бородой, повис на *штурвале*. Рядом стоял капитан Уоллес, суровым голосом выкрикивая команды, которых никто не слышал: ветер уносил слова прежде, чем они успевали долететь до чьих-нибудь ушей.

Кроме капитана и помощника на *полуюте* был еще один человек: могучий моряк высокого роста с каштановыми волосами, стянутыми на затылке ремешком, — отец Джека, Джон Флетчер, *штурман* «Александрии». Он не отрывал глаз от горизонта, словно пытался пронзить взглядом бурю и высмотреть безопасный причал.

— Эй, вы! — Боцман показал на Джека, Гинзеля и пару других матросов. — А ну наверх! Отдать *формарсель*!

Матросы рванулись через главную палубу к фок-мачте. Неожиданно сверху на них обрушился огненный шар — он летел прямо на Джека.

— Берегись! — крикнул один из матросов.

Джек, уже побывавший за время путешествия в нескольких настоящих переделках, инстинктивно пригнулся. Его обожгло порывом горячего воздуха — огненный шар с воем пронесся мимо и упал на палубу. Вот только упал он совсем не так, как падает пушечное ядро: без ужасающего треска дерева, разбиваемого железом. Послышался глухой, безжизненный стук — будто тюк сукна уронили.

Чувствуя нарастающую тошноту, Джек неохотно опустил взгляд: никакое это не ядро. Перед ним лежал пылающий труп матроса, в которого ударила молния.

Джек ошеломленно замер, чувствуя, что его вот-вот вывернет наизнанку. Лицо мертвеца застыло в агонии и было обожжено до неузнаваемости.

— Пресвятая Богородица! — воскликнул Гинзель. — Неужто и небеса против нас!

Больше он ничего добавить не успел: волна перехлестнула через борт и смыла труп в море.

— Держись рядом со мной! — Гинзель схватил потрясенного мальчишку за руку и потянул к фок-мачте.

Джек не двинулся с места. В ноздрях все еще стоял запах обгорелого мяса — точно так же пахнет подгоревшая свинина на вертеле.

Разумеется, Джек не первый раз видел мертвеца — и вряд ли последний. Отец предупреждал, что пересечь два океана, Атлантический и Тихий, — опасное предприятие. Джек видел, как люди умирали от обморожения, цинги, тропической лихорадки, ножевых ранений и пушечных ядер. И все же близкое знакомство со смертью не делало ее менее ужасной.

— Идем! — поторопил Гинзель.

— Я просто помолился за него, — наконец ответил мальчик. Гинзель прав: надо идти вместе с ним к матросам, однако в этот момент потребность быть рядом с отцом перевесила чувство долга.

— Куда?! — завопил Гинзель, когда Джек рванулся к юту. — Ты нужен нам наверху!

Но Джек уже ничего не слышал, отчаянно пробилая дорогу к отцу сквозь штормовой ветер. Жесткая качка бросала корабль из стороны в сторону.

Едва он успел добраться до *бизань-мачты*, как «Александрию» накрыл новый гигантский вал. На этот раз Джека не только сбило с ног, но и протащило через всю палубу, до самого левого борта.

Корабль снова накренился, и Джека бросило за борт, в бурлящую черноту океана.

2. Марсовой

Вопреки ожиданиям Джек не ухнул в пучину, а повис за бортом, прямо над беснующимися водами. Подняв взгляд, он увидел татуированную ручищу, клещами стискивающую его запястье. Якорь, выколотый на предплечье моряка, словно прогнулся от напряжения.

— Не бойся, малый, я тебя держу! — проворчал спаситель, и тут же новая волна захлестнула Джека.

Боцман выволок мальчика на палубу, чуть не вывихнув ему плечо, и тот обессиленно повалился под ноги своего спасителя, откашливая соленую воду.

— Ничего, выживешь. Ты прирожденный моряк, весь в отца, — ухмыльнулся боцман. — А теперь скажи мне, какого дьявола тебя понесло на ют?

— Я... бежал с поручением к отцу.

— Каким еще поручением? Я велел тебе оставаться на палубе! — заорал боцман. — Хоть ты и сынок штурмана, за неподчинение приказу я тебя все рав-

но выпорю! Живо лезь на фок-мачту и распускай плетус, не то отведаешь моей плетки!

— Сию минуту, боцман, — пробормотал Джек, поспешно бросаясь обратно к носу. Ему еще повезло. Плетка-девятихвостка была отнюдь не пустой угрозой: других матросов драли за гораздо меньшее.

И все же, добравшись до носа, Джек остановился в нерешительности: фок-мачта повыше шпиля церкви, а в бурю еще и ходуном ходит. Ледяные пальцы даже не чувствовали канатов, а мокрая насквозь, тяжелая одежда мешала двигаться. И чем дольше он будет стоять столбом, тем сильнее замерзнет и скоро вообще шевельнуться не сможет.

«Давай же, — подбодрил себя Джек. — Тебе ли бояться?»

В глубине души он знал, что боится. Честно говоря, все поджилки тряслись. За время долгого путешествия из Англии на Острова Пряностей Джек стал опытным *марсовым*: научился лазать на *мачту*, чинить паруса и распутывать канаты на головокружительной высоте и делал это едва ли не лучше всех, хотя не отличался ни особым бесстрашием, ни сноровкой — на самом деле его подгонял панический ужас.

Джек поднял взгляд на грозное небо: клубящиеся вихри черных туч то и дело закрывали бледную луну. В темноте едва виднелись Гинзель и остальные матросы, вцепившиеся в *ванты*. Мачту так трясло, что моряки были похожи на яблоки, которые вот-вот попадают вниз.

В тот день, когда Джеку впервые пришлось лезть в «воронье гнездо», отец сказал: «Не бойся жизненных штормов: все мы должны научиться вести свой корабль сквозь бури».

Джек вспомнил, как новички пытались взобраться в бочку, прикрепленную на мачте: мачта ходила ходуном, снасти дрожали от ветра — все как один или замирали на месте от ужаса, или их выворачивало наизнанку — прямо на стоявших под мачтой матросов. Когда подошла очередь Джека, его коленки затряслись от страха.

«Каждый раз, когда мы смотрим в лицо своему страху, мы становимся сильнее, смелее и увереннее в себе, — сказал отец, ободряюще стискивая плечи Джека. — Сын, я в тебя верю. Ты сможешь».

Слова отца придали Джеку сил: он полез вверх по канатам и не смотрел вниз, пока не перевалил через край бочки, где бояться было уже нечего. Измученный, но счастливый, Джек восторженно завопил и замахал отцу, который с такой высоты казался не больше муравья. Страх загнал Джека на самую верхушку мачты. А вот как слезать обратно — это уже другой вопрос...

Наконец, ухватившись за ванты, Джек полез вверх — пока не растерял остатки храбрости. Совсем скоро он втянулся в привычный ритм, и это его слегка успокоило. Проворно работая руками, он быстро набирал высоту и вскоре уже смотрел на вспененные гребни волн сверху вниз. Теперь ему угрожали не столько волны, сколько непрерывный ветер. Ле-

дяные шквалы пытались оторвать мальчишку от канатов и унести в ночь, но Джек упрямо лез вверх — он и оглянуться не успел, как уже стоял рядом с Гинзелем на *нок-рее*.

— Джек! — закричал Гинзель. Вид у него был измученный, глаза налились кровью и запали. — Один из сезней запутался. Парус не распускается. Придется тебе залезть туда и распутать веревку.

Джек задрал голову и увидел толстый канат: подвешенный на нем блок опасно раскачивался.

— Да ты с ума сошел! Почему я? Почему не кто-то другой? — Джек кивнул на двух окаменевших от страха моряков, отчаянно вцепившихся в снасти.

— Уж извини, Джек, ты наш лучший марсовой.

— Это самоубийство! — запротестовал Джек.

— А кругосветное путешествие — по-твоему, что? И все же мы на него решились! — Гинзель попытался ободряюще улыбнуться, однако неровные, как у акулы, зубы придавали ему пугающий вид. — Без формарселя капитану корабль не спасти. Так что деваться некуда, надо лезть — причем именно тебе.

Джек понял, что выбирать не приходится.

— Ладно, только смотри, будь готов поймать меня.

— Поверь мне, братишка, уж я постараюсь. Привяжи вокруг пояса веревку, а я возьму другой конец. И ножик мой тоже захвати — пригодится канаты разрезать, чтобы высвободить сезень.

Джек привязался страховочной веревкой, зажал в зубах грубо сделанный нож и полез на *стенгу*. На такой высоте снастей оставалось мало, и хвататься

было почти не за что. Джек осторожно, со скоростью улитки, полз по *рангоуту* к запутавшемуся сезню, а ветер вцеплялся в него тысячами невидимых рук. Далеко внизу, на полуюте, Джек едва разглядел отца — и мог бы поклясться, что тот помахал ему.

— Берегись! — крикнул Гинзель.

Джек обернулся: оторвавшийся блок несло ветром прямо на него. Мальчик метнулся в сторону — и сорвался.

Уже падая, он сумел ухватиться за один из *фалов*. Руки заскользили, грубая пенька глубоко врезалась в ладони.

Джек повис, вцепившись в фал и словно летя по воздуху.

Море. Корабль. Парус. Небо. Все кружилось...

— Не бойся, я тебя держу! — закричал Гинзель.

Потянув за страховочную веревку, перекинутую через стенгу, Гинзель подтащил Джека выше. Мальчик подтянулся, обхватил ногами *рангоут* и вскарабкался на него. Несколько секунд Джек приходил в себя, со свистом втягивая воздух сквозь зубы — между которыми по-прежнему был зажат нож.

Когда боль в ободренных ладонях приутихла, Джек снова пополз по *рангоуту*. И вот уже запутавшийся сезень прямо перед носом. Джек взял нож и принялся пилить намокшую веревку. Однако лезвие оказалось тупым, и волокна поддавались с трудом. Пальцы промерзли до костей, а окровавленные ладони стали скользкими — того и гляди сорвешься. Порыв

ветра оттолкнул Джека в сторону. Пытаясь сохранить равновесие, он не удержал в руках нож.

— Не-е-ет! — завопил Джек, безуспешно пытаясь подхватить падающее лезвие.

Совсем измученный, он повернул голову к Гинзелю:

— Я перепилил только половину каната! А теперь что делать?

Гинзель махнул рукой: возвращайся! Но тут очередным шквалом корабль трянуло так, будто он с размаху налетел на скалы. Мачта задрожала, и формарсель дернулся, потянув запутавшийся сезень. Наполовину перерезанный канат лопнул, парус раскрылся и, резко хлопнув, поймал ветер.

Корабль рванулся вперед.

Гинзель и остальные моряки завопили от радости, и такая неожиданная удача приободрила Джека.

Увы, радость оказалась недолгой: раскрывшийся парус притянул запутавшийся блок к мачте, тот оторвался и теперь камнем летел вниз — прямо на Джека.

И увернуться было невозможно.

— Прыгай! — закричал Гинзель.

3. Между акулами и иезуитами

Джек разжал руки и прыгнул, уходя от летящего на него блока. Гинзель изо всех сил вцепился в другой конец страховочной веревки, удерживая мальчика. Описав дугу, Джек влетел в снасти фок-мачты и ухватился за канаты.

Блок падал вниз, прямо на Гинзеля, однако угодил в стоявшего позади Сэма. Удар отбросил беднягу в море.

— Сэм!.. — завопил Джек, торопливо карабкаясь вниз по вантам в надежде помочь товарищу.

Спрыгнув на палубу, Джек подбежал к поручню, но мог лишь беспомощно смотреть, как Сэм барахтается в гигантских волнах, пропадая и снова выныривая. Наконец он жалобно закричал и скрылся под водой.

Джек удрученно повернулся к подошедшему боцману.

— Ничего не поделать, — сказал боцман. — Помянешь его завтра утром — если мы сами до утра доживем.

Заметив отчаяние на лице мальчика, он немного смягчился:

— Ты молодчина, на мачте здорово справился. Ступай теперь к отцу — он у себя в каюте вместе с капитаном.

Джек рванул к трапу — хорошо, что не надо торчать на палубе в такой шторм!

В брюхе корабля буря пугала не так сильно: сюда доносилось только приглушенное завывание. Джек пробрался на корму, в маленькую комнатку с низким потолком.

Отец склонился над столом, внимательно изучая карту.

— Штурман, ты должен нас отсюда вытащить! — рывкнул капитан, стукнув кулаком по столу. — Ты же сказал, что знаешь эти места! Обещал, что мы скоро доберемся до берега, — а прошло уже две недели! Целых две недели, черт побери! На этой посудине я могу плыть в любой шторм, но надо же знать, куда плыть! А может, и нет никаких Японий? Может, все это враки? Проклятые португальцы выдумали их, чтобы нас погубить!

— Капитан, Япония существует на самом деле, — спокойно ответил отец. — Моя карта утверждает, что Японские острова находятся между тридцатью и сорока градусами северной широты. Согласно моим вычислениям, до берега осталось всего несколько лиг. Вот, посмотрите.

Джон Флетчер указал на грубо нарисованную карту в хорошо знакомой Джеку тетради с кожаным переплетом.

— Капитан, отсюда рукой подать до японского порта Тоба — вот здесь. Правда, мне говорили, что все это побережье кишит пиратами. Тоба не очень-то гостеприимный порт. Скорее всего, нас они тоже примут за пиратов. Хуже того, один штурман на острове Ява рассказывал, что здесь обосновались португальские иезуиты. Построили католическую церковь и заморочили головы местным жителям. Даже если мы доберемся до берега, нас прирежут как еретиков-протестантов!

Из глубины корабля донесся глухой удар, протестующе заскрипели *шпангоуты*: борт «Александрии» погладила огромная волна.

— Штурман, в такую бурю мы должны во что бы то ни стало добраться до берега. Если нам приходится выбирать, пойдём ли мы на корм акулам или попадём в лапы к иезуитам, то лично я предпочитаю святых отцов!

— Капитан, у меня есть предложение получше. В паре миль к югу от Тоба можно найти удобные бухты — безопасные, закрытые и достаточно уединенные, — хотя добраться до них нелегко: доступ преграждают опасные *риффы*.

Джек посмотрел на карту: отец показывал на маленькие ряды ломаных линий.

— И ты уверен, что сможешь нас туда провести?

— Если будет на то воля Божья, то проведу.

Капитан собрался выйти из каюты и тут заметил Джека.

— Парень, молись, чтобы твой отец оказался прав: в его руках жизнь этого корабля вместе с экипажем.

Он поспешно вышел за дверь, оставив Джека наедине с отцом.

Джон аккуратно завернул тетрадь в пропитанную маслом клеенку. Подошел к стоявшему в углу *рунду*-ку и, приподняв тонкий тюфяк, спрятал тетрадь в потайной ящичек.

— Помни, Джек, это наш с тобой маленький секрет, — заговорщицки подмигнул отец, расправляя тюфяк. — Такие ценные карты нельзя оставлять на виду. Как только прознают, что мы доплыли до Японских островов, станет ясно, что у нас есть карта.

Мальчик промолчал, и Джон озабоченно посмотрел на него:

— С тобой все в порядке?

— Нам ведь до берега не добраться, верно? — прямо спросил Джек.

— Вот еще, непременно доберемся. — Отец пригнул его к себе. — Ты же сумел поставить фор-марсель. С такими моряками, как ты, у нас обязательно все получится, — улыбнулся он.

Джек попытался улыбнуться в ответ, хотя в глубине души уже потерял надежду. И по-настоящему испугался — сильнее, чем когда висел на вантах. Еще никогда за время всего изнурительного путешествия его не охватывал такой ужас.

Отец наклонился, заглядывая сыну в глаза:

— Выше нос! У моря вздорный характер, но мне приходилось видеть бури гораздо хуже этой, и я все-таки выжил. И теперь мы тоже прорвемся.

По дороге на полуют Джек старался держаться поближе к отцу: его непоколебимое спокойствие давало надежду в самом безнадежном положении.

— Лучший способ надраить палубу — это попасть в хороший шторм! — пошутил отец, обращаясь к третьему помощнику, который все еще доблестно сражался со штурвалом. Раскрасневшееся от напряжения лицо горело так же ярко, как рыжая борода. — Держи курс на северо-северо-запад. Имей в виду, впереди рифы. Пусть *впередсмотрящие* глядят в оба.

Вопреки убежденности отца, что они движутся в верном направлении, нигде не было ни малейшего признака земли, и волна за волной продолжали обрушиваться на «Александрию». Уверенность Джека в благополучном исходе вытекала вместе со стружкой песка в песочных часах.

Только после второй *склянки* послышался крик «Земля!». Весь экипаж охватила волна радости и облегчения. Почти полночи они сражались с бурей, а теперь появилась слабая надежда, что удастся переждать шторм за каким-нибудь мысом и спрятаться в бухте.

Однако вспыхнувшая было надежда быстро погасла.

— Рифы по правому борту! — закричал впередсмотрящий.

И тут же:

— Рифы по левому борту!

Отец Джека принялся отдавать указания третьему помощнику:

— Право руля! Так держать! Держать... держать... держать...

«Александрия» взмывала вверх и падала вниз, в бурлящие волны, обходя рифы и направляясь прямым курсом к темневшей на горизонте земле.

— Лево руля, лево руля! — завопил отец и сам бросился к штурвалу, навалившись на него всем телом.

Руль с усилием прорезал бурлящее море. Палуба угрожающе накренилась. Корабль развернуло... но было уже поздно. «Александрия» ударилась о риф. *Штаг* разорвался, и ослабевшая фок-мачта треснула, надломилась и упала.

— Руби снасти! — во все горло завопил капитан.

Матросы на палубе бросились рубить снасти топорами, высвобождая сломанную фок-мачту. Толку от этого не было: корпус явно получил пробоину.

«Александрия» шла на дно!

4. Страна восходящего солнца

Ночь напролет, несмотря на явно безнадежное положение, экипаж «Александрии» отчаянно пытался удержать корабль на плаву. Трюм залило, и Джек наравне со всеми лихорадочно вычерпывал воду, а она все прибывала и вскоре поднялась до самого горла мальчика. Джек изо всех сил старался не паниковать. Пойти на дно, где крабы будут ползать по твоему безжизненному телу, выковыривая клещами невидящие глаза из глазниц, — это худший кошмар любого моряка.

Четвертый раз за утро Джек свесился за борт, и его вывернуло наизнанку: лучше и не вспоминать, как соленая вода плескалась у самых губ... А потом, задерживая дыхание, продолжал работать помпой. Что еще оставалось делать? Они либо спасут корабль, либо пойдут с ним на дно.

Удача им улыбнулась: они все же добрались до бухты. Море заметно успокоилось, и «Александрию»

перестало валять, вода быстро спала, послышался глухой стук брошенного якоря.

Теперь Джек сидел на юте. От чистого морского воздуха в голове прояснилось, и тошнота отступила.

Мальчик смотрел, как волны лениво лижут корпус корабля. Вместо рева бури слышалась утренняя песня птиц, да иногда поскрипывали снасти. Вскоре из океана выплыл алый диск солнца — и осветил поразительное зрелище: «Александрия» стояла посреди живописного залива, защищенного от моря холмистым мысом. На холмах зеленели пышные кедры и сосны, на пляже золотился песок, а изумрудные воды залива кишели разноцветной рыбой.

На мысе что-то блестело под солнцем, и Джек взял подозрную трубу отца. В лесу стояло изящное сооружение, словно выросшее прямо из скалы. Мальчик в жизни не видел ничего подобного.

Массивное каменное основание поддерживало ряды колонн из темно-красного дерева. Каждую колонну покрывали позолоченные изображения — что-то вроде драконов и странных знаков-завитушек. Над колоннами поднимались искусно сделанные черепичные крыши с загибающимися вверх уголками. Самую верхнюю крышу венчал тонкий шпиль из золотых колец. Перед зданием, прямо из земли, выросал громадный камень; на нем тоже были вырезаны узоры из знаков.

Джек внимательно разглядывал узоры, пытаясь сообразить, что они могут обозначать, когда краем глаза заметил какое-то движение.

Рядом с огромным камнем стоял на привязи великолепный белый жеребец, а возле него — худенькая темноволосая девочка, едва достававшая макушкой до седла. Она казалась призраком: белоснежная кожа и длинные, ниже пояса, волосы цвета воронова крыла. Алое как кровь платье ярко горело в туманном свете утреннего солнца.

Джек замер от изумления. Даже на таком расстоянии он чувствовал пристальный взгляд девочки. Помедлив в нерешительности, он приветственно помахал. Она не шевельнулась. Джек снова махнул рукой. На этот раз девочка чуть заметно поклонилась.

— Чудный денек! — воскликнули за спиной Джека. — Особенно после вчерашней бури.

Джек обернулся: отец восхищенно следил, как рубиново-красный диск солнца поднимается над океаном.

— Папа, смотри! — воскликнул Джек, показывая на девочку.

Отец перевел взгляд на мыс:

— Что, сынок, говорил же я тебе! Здесь полно золота! — Он притянул мальчика к себе. — Они даже храмы из золота строят...

— Да я не про храм! Смотри, девчонка и... — Девочка и лошадь исчезли, словно их ветром сдуло. Остался лишь громадный камень.

— Какая еще девчонка? Похоже, ты слишком долго не видел берега! — поддразнил отец с понимающей улыбкой, которая тут же исчезла, будто унесенная позабытым воспоминанием. — Куда дальше, чем

следовало... — Он замолчал, уныло разглядывая холмы. — Не стоило мне брать тебя с собой. Глупо я поступил.

— Но я сам хотел! — Джек заглянул в глаза отцу.

— Твоя мать — пусть земля ей будет пухом — никогда бы этого не допустила. Она бы предпочла, чтобы ты остался дома с сестрой.

— Да ведь мама меня вообще никуда не отпускала — даже проходя через порт, заставляла держать ее за руку!

— И правильно делала! — улыбнулся отец. — Ты вечно ищешь приключений на свою голову. Прыгнул бы на корабль, отплывающий куда-нибудь в Африку, только бы мы тебя и видели!

Отец вдруг стиснул его в медвежьих объятиях.

— Ну а теперь вот до Японии добрался. И поверь мне, сынок, вчера ты показал, на что способен. Когда-нибудь из тебя получится отличный штурман.

Джек почувствовал, как отцовская гордость за него проникает в каждую клеточку тела. Он уткнулся отцу в грудь — так и бы стоял целую вечность!

— Если ты увидел кого-то на берегу, — продолжал отец, — то нам лучше держать ухо востро. Эти воды кишат вако.

— А кто такие вако? — спросил Джек, поднимая голову.

— Пираты. Да не какие-нибудь, а японские — опытные и безжалостные, — объяснил отец, внимательно осматриваясь по сторонам. — Они не задумываясь убивают всех подряд — испанцев, голландцев,

португальцев и англичан. Именно они настоящее проклятие этих морей.

— И именно из-за них мы должны поторопиться с ремонтом «Александрии», — прервал подошедший сзади капитан. — Ну как, штурман, первый помощник доложил список повреждений?

— Так точно, — ответил отец, отходя вместе с капитаном к штурвалу. — Наши худшие опасения подтвердились.

Джек оставался поблизости, улавливая обрывки разговора и продолжая высматривать таинственную девочку на берегу.

— «Александрии» здорово досталось... — говорил отец. — Понадобится недели две, чтобы все залатать...

— «Александрия» должна быть на плаву к новолунию.

— Да ведь до него не больше недели! — запротестовал отец.

— Штурман, экипажу придется стоять двойные вахты, если мы не хотим разделить судьбу «Гвоздики»... никого не осталось: всем головы отрубили...

Команда не очень-то обрадовалась, услышав, что придется стоять двойные вахты, однако никто не жаловался: слишком боялись боцмана и его плетки-девятихвостки. Следующие семь дней Джек вкалывал вместе с остальными. Под жарким солнцем Японии пот тек с матросов ручьями.

Занимаясь починкой *фока*, Джек невольно то и дело поглядывал на красивое здание в лесу: здание дрожало в жарком мареве и, казалось, парило над землей. Каждый день Джек высматривал девочку — и уже начал думать, что она и впрямь ему пригрезилась.

Возможно, отец прав: он слишком долго не видел берега.

— Мне это не нравится. Совсем не нравится, — пожаловался Гинзель, вырывая Джека из задумчивости. — Мы возьмем сукно, ценные породы дерева и ружья. Да любой пират, если он хоть чего-нибудь стоит, тут же поймет, что мы богатая добыча, которую можно взять голыми руками!

— Так ведь у нас больше сотни матросов, сэр, и пушка тоже есть, — заметил голландец Христиан — мальчик лет двенадцати, тихий, как мышка, и такой же маленький. — Разве им с нами справиться?

— Много ты понимаешь, малек! — недовольно рявкнул Пайпер, тощий и костлявый мужичонка, обтянутый прозрачной, словно пергамент, кожей. — Это же Япония! Японцы тебе не какие-нибудь глупые и беззащитные дикари. Они дратья гораздо — настоящие головорезы! Ты о *самураях* слышал?

Христиан молча помотал головой.

— Говорят, что самураи — самые свирепые воины в мире. Только увидят тебя — сразу зарежут!

Христиан в ужасе распахнул глаза. Джека и то в дрожь бросило, хотя он и знал, что Пайпер любит приврать.

Пайпер замолчал, разжигая маленькую глиняную трубку, и неторопливо затянулся. Матросы сбились вокруг него в кучку.

— Самураи самому дьяволу служат. Я слышал, что они рубят головы только за то, что ты им недостаточно низко поклонился.

Христиан ахнул. Несколько матросов расхохотались.

— Так что, парни, если встретите самурая, кланяйтесь как можно ниже — земные поклоны бейте!

— Хватит тебе, Пайпер! Нечего панику разводить! — рявкнул боцман, который стоял на юте, приглядывая за моряками. — А ну за работу! К рассвету корабль должен быть готов выйти в море.

— Есть, боцман! — хором ответили матросы, поспешно возвращаясь на места.

Ночью команда не находила себе места: по кораблю разнеслись слухи о самураях и вако, а дозорные заметили в лесу какое-то движение.

На следующий день все то и дело посматривали на берег и, хотя он оставался пустынным, работали с лихорадочной поспешностью.

Ремонт закончили, когда уже темнело. Боцман выстроил команду на палубе. Вместе с остальными Джек тревожно ждал решения капитана.

— Молодцы, быстро управились, — сказал капитан Уоллес. — Если ветер будет попутный, то утром пойдем в Нагасаки — там нас ждут золотые горы! А сегодня всем выдать лишнюю кружку пива!

Команда дружно завопила от радости: капитан не часто расщедрился на лишнюю кружку. А когда крики затихли, послышался вопль дозорного с мачты:

— Корабль! Корабль!

Все как один повернулись и посмотрели на море.

Вдалеке виднелся зловещий силуэт корабля... с красным флагом пиратов вако!

Б. Тежи в ночи

Серп убывающей луны совсем растаял, и непроглядная чернота ночи поглотила пиратский корабль.

Капитан удвоил дозоры на палубе, в кубрике тревожно перешептывались матросы. Выбившийся из сил Джек молча лежал на койке, бездумно уставившись на трепещущий огонек масляной лампы. В ее тусклом свете лица моряков выглядели изможденными и призрачными.

Потом он, должно быть, задремал, а открыв глаза, вдруг увидел, что лампа погасла. Что же его разбудило? В ночной тишине слышался лишь храп спящих. И все же Джек отчетливо ощущал неясную тревогу.

Он спрыгнул на пол и зашлепал вверх по трапу. На палубе царила полная темнота — ни звездочки не видеть. Джеку стало не по себе. Он пошел на ощупь — и никого не встретил по дороге. От этого он встревожился еще больше.

Внезапно Джек налетел прямо на дозорного.

— Ах ты болван! — зарычал матрос. — Перепугал меня до смерти!

— Извини, Пайпер, — ответил Джек, заметив белую глиняную трубочку моряка. — А чего лампы-то не горят?

— Чтобы вако нас не увидели, дурья твоя голова! — грубо прошептал Пайпер, посасывая незажженную трубку. — А ты почему на палубе? Вот сейчас как дам по уху!

— Ну... не спалось мне.

— Не спалось ему... Нашел место для прогулок! Нам выдали ружья и сабли на случай атаки пиратов, так что вали отсюда. Не хотелось бы испортить твое хорошенькое личико.

Беззубый Пайпер ухмыльнулся и показал Джеку ржавый клинок. Джек не стал выяснять, пошутил Пайпер или всерьез пригрозил, — лучше уж убраться подобру-поздорову.

Уже спускаясь по трапу, Джек бросил последний взгляд на Пайпера: тот перегнулся через борт, зажигая трубку. Табак засветился красным огоньком — единственная искорка в темноте.

И вдруг крохотный огонек исчез, заслоненный тенью. Послышался тихий вздох, трубка со стуком упала, и Пайпер беззвучно осел на палубу. Тень пролетела по воздуху — вверх, на ванты.

Ошеломленный Джек не мог даже закричать. Что это было?

Глаза уже привыкли к темноте, и он заметил тени, расплзавшиеся по всему кораблю. Они приблизи-

лись к двум дозорным на баке, и те тоже упали. Самое странное, что все происходило в полной тишине.

И тут Джек понял: на них напали.

Он слетел вниз по трапу и побежал в каюту отца.

— Папа! — закричал он. — Пираты!

Джон Флетчер моментально вскочил с койки, подхватив саблю, кинжал и два пистолета. Он спал не раздеваясь, словно ждал беды, и теперь торопливо застегивал портупею. Кинжал и пистолеты он засунул за пояс.

— А почему дозорные молчат? — недовольно спросил отец.

— Так ведь нет дозорных! Убили их всех!

Джон на мгновение застыл на месте. Недоверчиво обернулся, но один взгляд на бледное лицо сына убедил его, что мальчик сказал правду. Отец вытащил кинжал и протянул его Джеку:

— Ни в коем случае не выходи из каюты, понял? Что бы ни случилось, сиди здесь!

Слишком ошеломленный происходящим, чтобы спорить, Джек послушно кивнул и взял из рук отца еще и ключ.

Джек впервые видел отца таким озабоченным. Проплывая мимо берегов Южной Америки и через печально известный Магелланов пролив*, они вместе сражались с португальскими военными кораблями, и отец никогда не заставлял его закрываться в каюте, позволяя быть рядом и перезаряжать пистолеты.

* Магелланов пролив — пролив, разделяющий континентальную Южную Америку и архипелаг Огненная Земля, узкий и в некоторых местах очень опасный для мореплавания.

— Запрись и жди моего возвращения, — приказал отец, закрывая за собой дверь.

Было слышно, как он идет по коридору, выкрикивая приказы команде:

— Свистать всех наверх! Орудия к бою! Приготовиться к отражению абордажной атаки!

Джек запер дверь.

Не зная, что теперь делать, с кинжалом в руках он уселся на койку. По коридору забухали шаги: матросы выбегали на призыв отца.

Джек прислушивался изо всех сил, но слышал только поскрипывание досок: матросы осторожно обходили палубу. Кажется, они были в недоумении.

— А кто напал-то? — спросил один из матросов.

— Да вроде нет никого... — отозвался другой.

— Тихо! — приказал отец, и все замолчали.

Полная тишина действовала на нервы.

— Смотрите! — раздался голос Гинзеля. — Пайпер убит.

И тут началось черт знает что: грянул выстрел из пистолета, потом еще, раздалось крики.

— Они на вантах! — заорал кто-то.

— Рука! Моя рука! Ой!.. — Вопли несчастного вдруг оборвались.

Зазвенели сабли, по палубе загрохотали шаги. Покряхтывая и чертыхаясь, моряки сошлись в рукопашной схватке с пиратами. Джек растерялся. Что делать: прятаться или драться?

Застонали раненые, но Джек все еще слышал, как отец созывает экипаж на полуют, — по крайней мере, отец пока жив!

В дверь каюты чем-то ударили. Джек испуганно соскочил с койки. Дверная ручка задержалась, однако замок держал.

— Помогите! Помогите ради бога! Впустите меня! — отчаянно закричал тоненький голосок: в каюту ломился Христиан. — Нет! Нет! Пожалуйста, не надо...

Поддверью лихорадочно заскреблись. Что-то мягкое с негромким стуком упало на пол. Послышался жалобный стон.

Джек подбежал к дверям. Пальцы дрожали, и он уронил ключ, прежде чем сумел вставить его в замок. Трясущимися руками все же открыл дверь, держа наготове отцовский кинжал.

Христиан ввалился в каюту: в животе у него торчал короткий метательный нож. Теплая и липкая кровь залила пол.

Джек втащил друга в каюту и сорвал простыни с койки отца, чтобы остановить кровотечение. И тут услышал, как вскрикнул отец. Джек решил пока оставить Христиана в каюте и пошел навстречу тням, прячущимся в темноте.

6. Лихорадка

Джек закричал от невыносимой боли.

Еще не рассвело, но в темноте ослепительно вспыхнул белый свет.

Вокруг звучали чужие, непонятные голоса.

Над ним склонился какой-то мужчина — с лицом, наполовину покрытым оспинами и ужасными шрамами. Как ни странно, мужчина смотрел на Джека с искренней заботой. А потом протянул к нему руку.

У Джека вся рука, от кисти до плеча, вдруг словно пламенем вспыхнула. На лбу выступили крупные капли пота. Задышавшись, он попытался вырваться из тисков нестерпимой боли, однако сознание стало расплываться, а тело точно повисло в воздухе над соломенным тюфяком...

Джек стоял на полуоте.

Отец что-то кричал. Вокруг, прямо друг на друге, лежали мертвые и умирающие моряки. Покрытый кровью, Джон Флетчер сражался как лев. Его окру-

жили сразу пятеро нападающих — одетых с головы до ног в черное, только для глаз оставлена единственная прорезь. Джон крутил над головой шлюпочный якорь, не давая им подобраться.

Один из пиратов бросился на Джона.

Штурман резко ударил якорем вниз и попал в висок нападающему. Раздался тошнотворный треск... одна черная тень рухнула на палубу.

— Ну давайте же! — рявкнул отец. — Может, вы и привидения, но все-таки смертные, как все люди!

Еще двое призрачных воинов ринулись в атаку. Один был вооружен ужасающего вида лезвием на цепи, а другой быстро вращал две маленькие косы, однако им так и не удалось подойти поближе. Нападающие кружили вокруг Джона и ждали, когда он выбьется из сил.

Джек не мог двинуться с места: от страха ноги словно приросли к палубе. Он никогда в жизни не использовал нож в битве! Дрожащей рукой мальчик поднял отцовский кинжал, собираясь с духом, чтобы нанести удар.

И вдруг одна из теней бросила сверкнувшую в темноте звездочку...

Свет ослеплял. Джек прищурился на солнце. Он весь горел, в голове шумело. Тупая боль пульсировала в левой руке. Он лежал, не в силах пошевелиться, и смотрел на потолок из полированного кедра. Ведь это же не корабль...

* * *

Отец зарычал от боли и с отвращением вырвал из плеча металлическую звездочку. Из раны потекла тонкая струйка крови. Он засмеялся: да разве это оружие!

Однако сюрикэн бросили лишь для того, чтобы отвлечь внимание. Молчаливая тень спрыгнула с вант на палубу прямо за спиной Джона — словно паук, набрасывающийся на добычу.

Джек хотел закричать, но горло сдавило от страха.

Тень набросила на шею отца удавку и резко дернула. Джека охватило чувство беспомощности: врагов слишком много! А он всего лишь мальчишка. Разве может он спасти отца?

В полном отчаянии Джек завопил и храбро замахнулся отцовским кинжалом...

Джек повернул голову. Шея болела: мышцы затекли. Где это он? Что происходит?

Рядом с ним стояла на коленях маленькая, смутно знакомая женщина. Впрочем, трудно сказать наверняка: перед глазами все расплывалось.

— Мама? — позвал Джек.

Женщина придвинулась поближе. Да, наверное, это мама, ведь она всегда ухаживала за ним, когда он болел. Только как мама попала сюда?

— Ясундэ, гайдзин-сан*. — Женщина была одета во все белое. Она приложила прохладную мокрую ткань ко лбу Джека, и ее длинные черные волосы

* Отдыхайте, господин чужеземец (яп.).

задели его щеку. Такие же пушистые, как у сестры... У Джесс тоже мягкие волосенки... но ведь Джесс в Англии... а эта женщина... нет, девочка... на ангела похожа... вся в белом... на небеса он попал, что ли?..

На Джека снова навалилась тьма.

Единственный ярко-зеленый глаз призрачного воина светился злорадством: пальцы пирата сомкнулись на горле мальчика, медленно выдавливая из него жизнь.

Джек выронил кинжал.

— Карта? — прошипел зеленоглазый, поворачиваясь к Джону Флетчеру.

Ошеломленный внезапным требованием, отец перестал сопротивляться удавке.

— Карта? — повторил пират, вытаскивая меч из ножен на спине и направляя его острый конец в грудь Джека.

— Оставьте его... он всего лишь мальчишка! — выдохнул отец, отбиваясь.

Глаза Джона Флетчера горели от ярости. Он извивался, пытаясь дотянуться до сына, но все напрасно. Державший его пират затянул удавку. Джон задохнулся и перестал вырываться.

— Каюта... мой стол... — прохрипел он. Вынул из кармана ключик и бросил его на палубу.

Зеленоглазый, похоже, не понял.

— В моей каюте. В письменном столе, — повторил Джон Флетчер, показывая сначала на ключ, а потом в направлении своей каюты.

Пират кивнул одному из своих, тот поднял ключ и исчез.

— А теперь отпусти моего сына, — взмолился отец. Зеленоглазый хрипло засмеялся и занес меч для удара...

Джек закричал и резко открыл глаза. Лихорадочно огляделся. В углу комнаты мерцала одинокая свеча. Дверь скользнула в сторону, и появилась та самая девочка. Подошла и опустилась на колени рядом с ним.

— Ясундэ, гайдзин-сан, — сказала она тем же самым тихим голосом, который запомнил Джек. Опять положила ему на лоб прохладный компресс и поправила подушки.

— Что? Я... не понимаю, — заикаясь, пробормотал Джек. — Кто ты? Где мой отец?..

Смех не затихал.

Осознав, что зеленоглазый намерен убить Джека, Джон Флетчер взорвался от ярости. Резко закинув голову назад, он сломал державшему его пирату нос и в отчаянной попытке спасти сына бросился к валявшемуся на палубе кинжалу, схватил его и воткнул в ногу зеленоглазому.

Тот зарычал от боли, не успев нанести смертельный удар. Джек почти без сознания повалился на палубу. Пират развернулся, отражая нападение, и с воинственным воплем «киай!» воткнул меч в грудь Джона.

7. Самурай

Безукоризненно чистый пол комнатки был покрыт прямоугольными ковриками из мягкой соломы. Бумажные стены смягчали солнечный свет, заставляя сам воздух странно сиять.

Джек лежал на толстом футоне, укрытый шелковым одеялом. Под шелковым одеялом он спал впервые в жизни; ткань щекотала кожу, точно тысячи мотыльков гладили его крылышками.

Он попытался сесть. После долгого путешествия по морю от неподвижности пола кружилась голова. Джек пошевелился, пытаясь удержать равновесие, и левую руку пронзила острая боль. Рука распухла и посинела — похоже, перелом. Причем кто-то уже успел наложить деревянную шину.

Что произошло?

В голове замелькали картинки: умирающий Христиан на пороге каюты; тени в ночи; убитые матросы «Александрии»; отец с удавкой на шее и тем не

менее продолжающий сражаться; зеленоглазый пират вонзает меч в грудь отца...

Джеку казалось, будто он пролежал на залитой кровью палубе целую вечность. Решив, что он мертв, призрачные пираты пошли грабить корабль. Потом, словно вынырнув из глубины на поверхность, Джек услышал шепот отца:

— Джек... Джек... сынок...

Преодолевая слабость, Джек подполз к умирающему отцу.

— Джек... ты жив... — На окровавленных губах появилась слабая улыбка. — Карта... возьми... по ней доберешься обратно... домой...

Глаза отца погасли, и с губ сорвался последний вздох.

Пытаясь сдержать рыдания, Джек уткнулся отцу в грудь — словно утопающий, который хватается за страховочный канат.

Когда слезы наконец утихли, Джек понял, что остался совсем один — и в совершенно чужой стране. Единственной надеждой вернуться домой была карта.

Он побежал на нижнюю палубу. Пираты, занятые погрузкой на свой корабль ружей, золота и ценных пород дерева, его не заметили. Внизу Джеку пришлось перешагивать через мертвые тела, чтобы добраться до каюты отца, где лежал бездыханный Христиан.

В каюте все перевернули вверх дном: письменный стол разворочен, повсюду разбросаны бумаги. Джек подскочил к рундуку отца, отодвинул в сторону тю-

фьяк и нажал на потайной рычажок. Слава богу! Карта, завернутая в клеенку, лежала на своем месте. Он сунул ее под рубаху и вылетел из каюты.

Джек почти добрался до трапа, когда чья-то рука схватила его за шиворот.

Из темноты вынырнуло измазанное лицо и расплылось в широкой ухмылке сумасшедшего, сверкнув неровными, как у акулы, зубами.

— Чтоб им сдохнуть! Но мы еще не сдались! — прошептал Гинзель, глядя на Джека безумными глазами. — Я поджег пороховой погреб. Ба-бах!

Гинзель всплеснул руками, изображая взрыв. Рассмеялся, потом застонал, и на его лице вспыхнуло удивление. Он повалился на пол: из спины торчал большой нож на цепи.

Джек поднял взгляд и увидел, как из теней появилась зловещая фигура. Единственный зеленый глаз злобно уставился на спрятанную под рубахой карту. Пират дернул цепь и вытащил нож, снова зажав его в руке. Джек развернулся и полетел вверх по трапу. Лишь бы успеть добраться до борта...

Чудовищный взрыв подкинул Джека в воздух, до самой нок-реи, и уронил вместе со всеми обломками в океан...

А потом... пустота...

Обжигающая боль.

Тьма.

Ослепительный свет.

Покрытое шрамами лицо мужчины.

Странные, незнакомые голоса.

Джек вдруг понял, что те же самые голоса слышатся за стеной комнаты. На мгновение он перестал дышать.

Пираты? Тогда почему он жив?

В углу комнаты Джек заметил свою одежду: аккуратно свернутые рубаху и штаны. А карты нет! Он с трудом встал на ноги и торопливо оделся. Подошел к противоположной стене в поисках двери — ничего, сплошные деревянные рамы, обтянутые бумагой.

Как же так? Даже дверной ручки нет!

И тут он вспомнил одно из лихорадочных видений: девочка вошла в комнату, сдвинув часть стены в сторону. Джек ухватился за деревянную раму, однако не смог удержаться на ногах, покачнулся — и пробил рукой тоненькую бумажную стенку. Разговор с другой стороны стенки внезапно затих.

Одна из панелей скользнула в сторону, и Джек отшатнулся, смущенный своей неуклюжестью.

На него недовольно смотрели круглолицая женщина средних лет и крепкий молодой человек с черными раскосыми глазами — он, очевидно, злился. За поясом у него были два меча: один похожий на кинжал, а другой длинный и слегка изогнутый. Мужчина шагнул вперед, стискивая в ладони рукоять длинного меча.

— Нани-о ситэру, гайдзин?*

— Извините... Не понимаю, — пробормотал Джек, испуганно отступая.

* Что ты делаешь, чужак? (яп.)

Женщина что-то убедительно сказала мужчине, но тот все равно держал руку на мече. Перепуганный Джек огляделся: куда сбежать? Мужчина преграждал ему путь, наполовину вытащив меч из ножен. Джек посмотрел на сверкающее, острое, как бритва, лезвие, которое вот-вот отрубит ему голову. И тут вспомнил совет Пайпера: «Если встретите самурая, то кланяйтесь как можно ниже — земные поклоны бейте!»

Джек в жизни не видел самурая и тем не менее решил, что этот ужасный человек и есть самурай. Одет он был в черные штаны с золотистыми точками и что-то вроде рясы из белого шелка. Макушка выбрита, а оставшиеся по бокам и сзади черные волосы стянуты в узел. Вид суровый и непроницаемый — лицо настоящего воина. Такому человеку убить Джека — все равно что на муравья наступить.

В избитом теле болел каждый мускул, однако Джек заставил себя поклониться, несмотря на боль. Увидев это, изумленный самурай отступил на шаг. А потом рассмеялся.

8. Офуру

Джека уложили обратно в постель, и он расплакался, а потом, должно быть, уснул. Когда он перевернулся на другой бок, то увидел круглолицую женщину, сидевшую на коленях рядом с постелью. Как и самурай, женщина была одета в просторную одежду из шелка: темно-синего, украшенного белыми и розовыми цветами. Она дружелюбно улыбнулась и протянула маленькую чашку с водой. Джек одним глотком осушил чашку: вода оказалась свежая и прохладная.

— Спасибо. А нельзя ли еще чашечку?

Она нахмурилась.

— Можно еще воды? — спросил Джек, показывая на чашку и с причмокиванием втягивая в себя воздух.

Женщина поняла и с улыбкой поклонилась. Исчезла за раздвижной дверью — ага, починили уже — и снова вошла, с ярко-красным лакированным подносом в руках. На подносе стояли три чашечки: одна с

водой, другая с жидким рыбным супом, над которым поднимался пар, а третья с белым рисом и маринованными овощами.

Воду Джек выпил одним глотком. Суп его согрел, хотя и не понравился: слишком много перца. Потом Джек съел рис, жадно запихивая его в рот прямо пальцами. Рис он уже как-то пробовал: отец привозил немного из торговой поездки. Джеку рис казался довольно безвкусным, но после многих дней голодания выбирать не приходилось.

Джек облизал пальцы и благодарно улыбнулся женщине.

Она смотрела на него с ужасом.

— Спасибо... Большое вам спасибо. — Джек не знал, что еще сказать.

Явно расстроенная, женщина собрала пустые чашки и торопливо вышла из комнаты.

Что же он натворил? Наверное, надо было ей тоже предложить еды?

Через несколько минут раздвижная дверца вновь открылась: женщина принесла белый балахон и положила рядом с постелью Джека.

— Кимоно-о китэ тэдай*, — сказала она, показывая, что нужно одеться.

Джек, который лежал под одеялом совсем голый, отказался.

Женщина недоуменно посмотрела на него и снова показала на одежду.

* Наденьте, пожалуйста, кимоно (яп.).

Ну как же ей объяснить?! Джек знаками попросил ее выйти за дверь. Явно удивленная такой просьбой, женщина все же поклонилась и вышла.

Джек встал, преодолевая боль во всем теле, и осторожно, стараясь не задеть сломанную руку, оделся.

Подошел к двери и на этот раз сумел открыть ее, не повредив. Женщина ждала на деревянной веранде, которая шла вокруг всего дома. Невысокие ступеньки вели в большой сад, огражденный высокой стеной. Такого сада Джек в жизни не видел!

Через пруд, в котором цвели розовые кувшинки, был перекинут мостик. Посыпанные галькой извилистые дорожки тянулись мимо разноцветных клумб, зеленых кустов и больших камней. Крошечный водопад превращался в ручеек и огибал пышное вишневое дерево в цвету.

Какой ухоженный и тихий сад! Совсем непохожий на грязные овощные грядки и живые изгороди, разбросанные по Англии.

— Прямо райский уголок, — пробормотал Джек.

Женщина показала на деревянные сандалии, предлагая обуться, и засемила по дорожке; Джек пошел следом.

На другой стороне пруда старик, должно быть садовник, выравнивал граблями и без того идеально ровный участок. Когда они проходили мимо, старик низко поклонился. Женщина слегка склонилась в ответ, и Джек последовал ее примеру. Похоже, кланялись здесь всегда и везде.

Они вошли в маленькое деревянное здание в дальнем конце сада. В комнате было приятно тепло, стояла длинная скамейка из камня и большая квадратная бочка, полная горячей воды. К ужасу Джека, женщина жестами показала, чтобы он залез в эту бочку — а из нее аж пар валил!

— Вы в самом деле хотите, чтобы я залез туда? — Джек попятился.

Улыбаясь, она зажала нос пальцами, показала на Джека, потом на бочку:

— *Офуро**.

— От меня не воняет! — возмутился Джек. — Я мылся всего месяц назад! И разве вы не знаете, что мыться опасно? От этого можно понос подхватить или еще чего похуже! Здесь полно всякой заразы!

— *Офуро хаиттэ!* — повторила женщина, похлопав рукой по бочке. — *Аната-ни номига цуитэ иру-ва ё!***

Джек ничего не понял, и ему было наплевать. В бочку он ни за что не полезет!

— *Уэкия! Тиро! Котти-ни китэ!**** — закричала женщина, пытаясь схватить Джека.

Он обогнул бочку и бросился к двери, однако дорогу загородил садовник. Прибежала молоденькая служанка и поймала Джека. Женщина стащила с него одежду и принялась поливать ледяной водой.

* Пора мыться (яп.).

** Залезай в ванну! На тебе блох полно! (яп.)

*** Уэкия! Тиро! Идите сюда! (яп.)

— Перестаньте! Холодно же! — закричал Джек. — Отпустите меня!

— Дамэ, офуро-но дзикан-ё, окина акачан нэ*, — сказала женщина. Служанка засмеялась.

Джек так брыкался, что садовнику тоже пришлось держать его, хотя старик изо всех сил старался не задеть сломанную руку мальчика.

Пока его мыли, Джек чувствовал себя беспомощным младенцем. Потом, несмотря на протесты, его засунули в бочку. Вода была невыносимо горячей, однако каждый раз, когда Джек пытался выбраться, женщина осторожно заталкивала его обратно.

В конце концов Джека выпустили из бочки — и на этот раз вымыли теплой водой с мылом. Он слишком устал, чтобы сопротивляться, и смирился с позором. Хуже всего было то, что вода чем-то благоухала — и теперь от него пахло как от девчонки!

Потом Джека снова засунули в бочку, и от жара он стал ярко-розовым. Подержав там какое-то время, ему позволили вылезти — только для того, чтобы опять облить холодной водой! Затем его вытерли и одели в чистую одежду.

Измученного Джека отвели обратно в комнату, где он повалился на постель и тут же заснул беспробудным сном.

* Перестань! Пора мыться! Такой большой мальчик, а ведешь себя как маленький (яп.).

9. Килоко и палочки для еды

— Офуру, — сказала женщина.

— Да ведь я уже мылся вчера! — пожаловался Джек.

— Офуру! — строго велела женщина.

Джек понял, что сопротивляться бесполезно. Надел чистый балахон и поплелся по дорожке через сад к бане. На этот раз мыться ему почти понравилось.

Купание пошло ему на пользу: он чувствовал себя посвежевшим и голова больше не чесалась от вшей и морской соли.

Вернувшись в комнату, Джек обнаружил на постели одежду, похожую на ту, в которую был одет самурай. Следом вошла круглолицая женщина.

— Тиро! — позвала она, и в комнату торопливо прибежала служанка: невысокая девушка лет восемнадцати на вид, хотя по ее гладкой и чистой коже возраст определить было трудно. Хорошенькая — темноглазая и с черными, коротко подстриженными волосами, — но совсем не такая красавица, как

та девочка, которая ухаживала за ним, когда он болел.

Тогда где же девочка? И тот мужчина со шрамами на лице? Пока что Джек видел в доме всего двух мужчин: старого садовника, которого женщина называла Уэкия, и злобного на вид самурая, — и ни у одного из них шрамов не было. А может, девочка и человек со шрамами ему просто почудились? Как та девчонка, которую он видел на мысе...

— Го-сюдзин кимоно*, — сказала женщина, показывая на одежду.

Джек понял, что ему предлагают одеться, но, посмотрев на разложенное одеяние, растерялся: с чего тут начинать? Взял пару странных носков — с отдельным большим пальцем, как на рукавицах. По крайней мере, понятно, на что их надевать, вот только на его лапу они оказались маловаты. Служанка заметила растерянность Джека и хихикнула, прикрывая рот рукой.

— Да откуда мне знать, как надевается ваша дурацкая одежда! — огрызнулся Джек: кому понравится, когда над ним смеются?

Служанка затихла и, опустившись на колени, виновато поклонилась. Круглолицая женщина подошла к Джеку.

Положив носки на место, он позволил женщинам помочь ему одеться. Сначала они надели на Джека белые *таби* — к счастью, они немного растягивались. Потом мальчику дали нижнюю одежду: белую руба-

* Это кимоно моего мужа (яп.).

ху из хлопка и *дзюбан*. Сверху обернули его шелковым балахоном, тщательно проверив, чтобы левая пола запахивалась на правую. В конце концов все это завязали сзади широким красным *оби*.

Джек вышел на веранду, чувствуя себя довольно неловко: он-то привык к штанам и рубашам, а не к платьям и юбкам! При движении ветер продувал одежду насквозь, однако гладкий шелк был гораздо приятнее, чем жесткие бриджи и матросская рубаша из грубого сукна.

Служанка куда-то ушла, а женщина повела Джека через веранду к другой *сёдзи*. Они оказались в комнатке, похожей на ту, где он спал, только здесь стоял низкий прямоугольный столик, вокруг которого лежали четыре плоские подушки. На дальней стене висели два превосходных меча: темно-красные рукояти и поблескивающие черные ножны, украшенные перламутром. Под ними в стенной нише был маленький алтарь, где горели две свечи и палочка благовоний, наполнявшая воздух ароматом жасмина.

На одной из подушек сидел мальчик и изумленно таращился на голубоглазого чужеземца с золотистыми волосами.

Женщина сделала знак Джеку сесть рядом с мальчиком, а сама устроилась напротив них.

Наступило неловкое молчание.

Джек заметил, что четвертая подушка незанята, и решил, что они ждут кого-то еще. Мальчик продолжал таращиться на Джека.

— Я Джек Флетчер, — сказал Джек мальчику, пытаясь прервать молчание. — А тебя как зовут?

Услышав речь Джека, мальчишка неудержимо захихикал.

Женщина что-то сказала ему резким тоном, и он замолчал. Джек посмотрел на нее:

— Извините. Я не знаю, кто вы и где я, но я очень благодарен вам за заботу. Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

Она ответила ему непонимающим взглядом. Потом улыбнулась, хотя по глазам было видно, что она так ничего и не поняла.

— Я Джек Флетчер, — сказал Джек, ткнув себя пальцем в грудь. Потом показал на женщину: — А как вас зовут?

Джек повторил это несколько раз, однако женщина не понимала, продолжая загадочно улыбаться. Да что ж такое! Джек уже хотел прекратить всякие попытки объясниться, когда мальчишка подал голос:

— Дзэку Фурэтя. — Потом он показал на свой нос: — Дзиро.

— Дзиро. Да, да, меня зовут Джек.

— Дзэку! Дзиро! Дзэку! Дзиро! — восторженно закричал мальчик, показывая то на Джека, то на себя.

Женщина мгновенно поняла и поклонилась:

— Ватаси-ва Датэ Хироко. Хи-ро-ко*.

— Хи-ро-ко, — медленно повторил Джек и поклонился в ответ. По крайней мере, теперь он знал, как их зовут.

* Меня зовут Хироко Датэ. Хи-ро-ко (яп.).

Боковая сёдзи открылась, и вошла Тиро, служанка. На лакированном подносе она принесла шесть чашечек. Пока Тиро расставляла их на столе, Джек понял, что ужасно хочет есть. В чашках оказался рыбный суп, рис, кусочки незнакомых овощей, что-то вроде густой каши и ломтики сырой рыбы. Служанка поклонилась и вышла.

А где остальной обед? Столик был уставлен чашечками с едой, но разве этого на всех хватит? Где мясо? Где подлива? Или хотя бы кусочек хлеба с маслом? А рыба вообще сырая!..

Джек боялся снова обидеть своих хозяев и ждал, пока ему предложат еду. Неловкое молчание затянулось. Наконец Хироко взяла две маленькие палочки, лежавшие рядом с ее чашкой.

Дзиро сделал то же самое.

Зажав палочки пальцами одной руки, они брали маленькие кусочки пицци и аккуратно клали их в рот — настороженно глядя на Джека.

Джек только сейчас заметил палочки рядом со своей чашкой. Он внимательно посмотрел на тоненькие деревяшки. Ну и как этими штуками можно есть?

Дзиро улыбнулся с набитым ртом.

— *Хаси*, — сказал мальчик, показывая на палочки.

Потом разжал пальцы, демонстрируя, как правильно держать хаси: сдвигая их вместе, словно ножницами резал. Джеку удалось изобразить нечто подобное, однако он не мог удержать кусочки рыбы и овощей достаточно долго, чтобы успеть донести их до рта.

И чем чаще Джек ронял еду, тем больше злился, но не отступал. И тогда он решил попробовать рис: ведь его же больше, значит, и брать легче. Половина риса тут же упала обратно в чашку, а другая половина рассыпалась по столу. До рта Джек сумел донести одно-единственное зернышко.

С чувством гордости за свое достижение Джек прожевал рисинку. И погладил себя по животу, притворяясь, что наелся.

Дзиро расхохотался.

«Мальчишке-то шутка понравилась, — подумал Джек. — А вот если я в ближайшее время не научусь есть этими хаси, то придется голодать — и тут уже будет не до шуток!»

10. Жбунай!

Джек привык к ежедневному распорядку дня: купание, еда и сон.

Лихорадка потихоньку проходила, перелом заживал, и мальчик уже мог гулять по саду. Чаще всего Джек сидел под вишневым деревом, наблюдая, как садовник Уэкия с превеликим тщанием пропалывает клумбу или подрезает кустик. Уэкия всегда коротко кивал мальчику, этим их общение и ограничивалось: Джек ни слова не понимал по-японски.

Одинаковые комнаты, ежедневные ванны и тщательно ухоженный садик вскоре приелись, и Джек заскучал, чувствуя себя канарейкой в позолоченной клетке. В конце концов, зачем его здесь держат? Постоянно за ним следят, хотя разговаривать даже не пытаются, позволяют бродить по дому и саду, а за ворота не пускают. Не могут решить, что с ним дальше делать? Или ждут кого-то, кто это решит?

Джеку отчаянно хотелось узнать, что находится за стенами садика. Наверняка там найдется кто-

нибудь, кто понимает английский язык и поможет ему вернуться домой или хотя бы попасть на корабль, отплывающий за границу. Тогда можно было бы тайком пробраться на борт и приплыть куда-нибудь, откуда суда ходят в Англию.

Да все, что угодно, лишь бы не бездельничать целыми днями, сидя под дурацким вишневым деревом!

Джек решил сбежать.

Каждый день молодой *самурай*, Така-сан — похоже, он охранял дом Хироко, — приходил и уходил через калиточку в стене сада. Вот она, дорога на волю. Бесплезно спрашивать разрешения уйти: все равно не позволят, да и как спросишь, не зная языка? Что бы Джек ни говорил, все просто кланялись и отвечали «Гомэн-насай, вакаримасэн». Судя по тону и выражению лица, это означало «Извините, я не понимаю».

После уже привычного завтрака из риса, маринованных овощей и каши Джек, как обычно, пошел гулять по саду. Когда Уэкия склонился над образцово подстриженным кустиком, Джек метнулся к калитке. Убедившись, что Дзиро и Хироко в доме, он открыл задвижку и беззвучно скользнул за ограду. Калитка закрылась, тихонько щелкнув, тем не менее Уэкия услышал и закричал вслед:

— Ииз! Абунай! Абунай!*

Джек припустил во всю прыть.

Не обращая внимания на крики встревоженного садовника, он мчался по немощеной дороге, петляя между зданиями, пока не оставил дом далеко позади.

* Нет! Нельзя! Опасно! (яп.)

Торопливо оглядевшись, Джек обнаружил, что деревня расположена в долине возле бухты, а вдалеке вздымаются горы. Окрестные холмы были покрыты бесчисленными террасами рисовых полей, на которых работали крестьяне.

Несмотря на боль в руке, Джек стрелой пронесся мимо изумленных жителей и побежал вниз, к морю.

Завернув за угол, он вдруг оказался прямо в центре деревенской площади. Впереди виднелась большая пристань, где мужчины и женщины потрошили рыбу и чинили сети. На волнах залива покачивалось несметное множество рыбацких лодок. Женщины, одетые в белое нижнее белье, ныряли с лодок, появляясь на поверхности с мешками водорослей, устриц и мидий. Посреди залива лежал песчаный островок, над которым возвышались красные ворота из дерева.

На площади воцарилось молчание, и сотни глаз посмотрели на Джека. Вся деревня словно замерла. Женщины в ярких кимоно неподвижно застыли возле торговцев; полувыпотрошенная рыба поблескивала в руках рыбаков; а какой-то самурай недовольно уставился на Джека непроницаемым взглядом.

Помедлив, Джек все же поклонился. Самурай едва кивнул и перестал обращать внимание на мальчика. Явно позабавленные, некоторые женщины отвесили поклон. Жители деревни вновь занялись своими делами. Остро ощущая настороженные взгляды, Джек подошел к пристани и спустился к маленькому пляжу.

Может, среди лодок есть иностранный корабль? Увы, все суденышки оказались японскими — как и

их команды. В отчаянии Джек привалился к рыбацкой лодчонке, уставившись в море невидящими глазами.

До Англии четыре тысячи лиг — два года плаванья. Его дом и сестренка Джесс, единственный оставшийся в живых родной человек, находятся на другом конце света. Есть ли хоть какая-то надежда туда добраться? И зачем он тогда удрал? Идти-то некуда. Нет ни денег, ни — самое главное — карты! Даже одежда на нем чужая. А среди черноволосых японцев его светлые волосы сразу бросаются в глаза.

Джек в растерянности наблюдал, как рыбацкие лодки покачиваются на волнах. И вдруг, вынырнув из воды, как настоящая русалка, появилась девочка — та самая, которую он видел рядом с белым жеребцом возле храма.

Девочка влезла в ближайшую к берегу лодку. Рыбак вытащил мешок устриц и, пока она вытиралась, принялся открывать раковины в поисках жемчужин. Девочка выжала черные, как вороново крыло, волосы, и морская вода потекла ручьями, сверкая на солнце тысячами звездочек.

Рыбак погреб к берегу. В качающейся лодке девочка чувствовала себя как дома. Ее худенькое тело двигалось грациозно и гибко.

Когда лодка приблизилась к пристани, Джек смог рассмотреть черты лица девочки. Она была не намного старше него; чистая нежная кожа, черные раскосые глаза, круглый носик и алые губки, похожие на лепестки розы, — настоящая принцесса!

— Гайдзин!

Окрик вырвал Джека из задумчивости, заставив поднять взгляд. Моргая от яркого солнца, мальчик увидел перед собой двух японцев в простых кимоно и деревянных сандалиях: один приземистый, с круглой, как тыковка, головой и плоским носом, а другой с глазами-щелочками и тощий, как скелет.

— Нани-о ситэру, гайдзин?* — нагло спросил Плоский нос.

Тощий высунулся из-за плеча дружка и ткнул Джека в грудь деревянным шестом.

— Э, гайдзин? — поддакнул тощий тоненьким голоском.

Джек попытался отпрянуть, но деваться было некуда.

— Онуси, иттай доко кара кита но да, гайдзин?** — Насмехаясь, Плоский нос бесцеремонно дернул Джека за светлые волосы.

— Э, гайдзин? — поддразнил тощий, намеренно упирая шест в пальцы Джека.

Джек отдернул руку.

— Я не понимаю... — заикаясь, пробормотал он, лихорадочно высматривая путь к отступлению.

Плоский нос схватил Джека за ворот кимоно и вздернул вверх.

— Нани?*** — грубо спросил он.

— Ямэ!****

* Ты что делаешь, чужак? (яп.)

** Эй, откуда ты такой взялся? (яп.)

*** Чего? (яп.)

**** Прекратить! (яп.)

Джек еще не успел осознать услышанную команду, как чья-то рука врезала Плоскому носу по шее: от удара глаза у бедолаги почти вылезли из орбит и он ткнулся носом в землю. И остался лежать, несмотря на захлестывающий его прибор.

Така-сан, самурай из дома, где жил Джек, неожиданно вырос как из-под земли и, одним движением выхватив меч, набросился на второго наглеца. Тощий мгновенно распростерся на земле, бормоча бессвязные извинения.

Меч просвистел по воздуху и стал опускаться на лежащего.

— Ииз! Така-сан, додзо*, — приказал кто-то, и меч замер, почти коснувшись шеи.

Джек сразу узнал этот ласковый голос.

— Коннитива**, — сказала девочка, подходя к Джеку и кланяясь. — Ватаси-ва Датэ Акико***.

Акико! Та самая девочка, которую он видел возле храма — и в лихорадочных снах.

* Нет! Така-сан, пожалуйста (ял.).

** Добрый день (ял.).

*** Меня зовут Акико Датэ (ял.).

77. Сэпча

Вечером, когда Джека позвали к ужину, Хироко и ее сын Дзиро расположились на своих обычных местах, а на четвертой подушке сидела Акико — и над ней поблескивали два самурайских меча.

Присутствие Акико Джека одновременно обрадовало и смутило. В ней чувствовалось изящество благородной леди, и в то же время она обладала таким влиянием, какого Джек никогда не видел у девочки: самурай Така-сан беспрекословно ее слушался, а все домашние низко кланялись.

Джек немного удивился, когда его не наказали за побег: все не столько рассердились, сколько переживали за него, особенно садовник Уэкия. Джек даже почувствовал себя виноватым за то, что так расстроил старика.

После ужина Акико повела Джека на веранду, где они уселись на пухлых подушках. Смеркалось. Над деревней нависла тишина, только тихо трещали сверч-

ки да журчал ручеек, протекая по идеально ухоженному саду.

Акико сидела молча, наслаждаясь покоем, и впервые за все время Джек расслабился.

А потом заметил, как в тени неподвижно стоит Така-сан, сжимая рукоять меча, и мгновенно напрягся: теперь с него не спускают глаз, не желая рисковать.

Сёдзи скользнула в сторону, и появилась служанка Тиро с лакированным подносом, на котором стояли две чашечки и красивый чайник. Тиро поставила поднос на пол и аккуратно налила в чашку горячую зеленоватую воду, очень похожую на чай — вошедший в моду напиток, который голландские купцы недавно начали привозить из Китая.

Взяв чашку обеими руками, Тиро передала ее Акико, а та предложила Джеку.

Джек замялся, однако девочка знаками показала, чтобы он пил первый. Мальчик нерешительно пригубил обжигающую жидкость: на вкус трава травой да еще и горькая. Он с трудом удержался от гримасы. Акико тоже отхлебнула чаю, и на ее лице отразилось удовольствие.

Помолчав немного, Джек набрался храбрости заговорить и показал на зеленый чай, который явно нравился девочке:

— Как называется этот напиток?

Акико задумалась, пытаясь понять вопрос, и затем ответила:

— *Сэнча*.

— Сэн-ча, — повторил Джек, пытаюсь запомнить слово. Похоже, придется ему привыкать к этому самому сэнча. — А это что? — спросил он, указывая на чашку.

— Чаван, — ответила девочка.

— Ча-ван, — повторил за ней Джек.

Акико тихо захлопала в ладоши и стала показывать на разные предметы, называя их по-японски. Похоже, ей нравилось учить его. Вот и хорошо, по крайней мере, урок позволял избежать неловкого молчания. Джек спрашивал все новые и новые слова, пока голова не загудела и не пришло время ложиться спать.

Така-сан отвел Джека в его комнату и закрыл за ним сёдзи.

Джек улегся на футоне, однако ему не спалось. В голове вихрем кружились японские слова и противоречивые чувства. Лежа в темноте и глядя на неяркий свет ночных фонарей за стенками, он позволил загореться лучику надежды. Если выучить язык, то, возможно, удастся найти работу на японском судне, добраться до порта, где есть англичане, а там пойти матросом на корабль, направляющийся в Англию. Акико! Вот кто поможет добраться домой!

С другой стороны бумажной стенки шевельнулась тень: Така-сан стоял на страже.

На следующий день рано утром Джек заканчивал прогулку по саду, когда Дзиро вылетел из-за угла веранды.

— Икинасай!* — закричал он и потащил Джека к парадному входу.

Джек едва поспевал за мальчишкой.

У ворот ждали Така-сан и Акико, одетая в блестящее кимоно цвета слоновой кости, на котором был вышит летящий аист. Над головой она держала темно-красный зонтик, прикрываясь им от солнца.

— Охаё годзаимас**, — поклонилась Акико.

— Охаё годзаимас, Акико, — отозвался Джек.

Кажется, ей понравился его ответ.

Они пошли вниз по дороге к берегу. На пристани сели в лодку рыбака, с которым Акико собирала жемчуг, и он повез их на остров посреди залива. Когда лодка подошла достаточно близко к острову, Джек с удивлением увидел, что на широкой полоске пляжа перед деревянными воротами собралась огромная толпа.

— Исэ Дзингу тори, — сказала Акико, показывая на ворота.

Джек понимающе кивнул. Ворота были выкрашены в огненно-красный цвет и поднимались на высоту двухэтажного дома: на двух колоннах горизонтально лежали две балки внушительных размеров, и верхнюю покрывала узкая крыша из зеленой черепицы.

Лодка пристала к южной оконечности острова, где собралась гудящая толпа крестьян, женщин в ярких кимоно и самураев с мечами. Люди стояли не как попало, а правильным полукругом. При виде Аки-

* Пошли! (яп.)

** Доброе утро (яп.).

ко и ее спутников все крестьяне кланялись и уступали дорогу. Акико подошла к большой группе самураев, которые немедленно склонились перед девочкой. Она ответила на приветствие и завела разговор с карглазым мальчишкой-самураем, примерно ровесником Джека. Мальчишка бросил на Джека недоверчивый взгляд, а потом перестал обращать на него внимание.

Зато крестьян удивило присутствие чужестранца. Они обходили мальчика стороной и, прикрываясь рукавами, перешептывались друг с другом.

В воротах, словно древний бог, стоял одинокий самурай, одетый в черное с золотом кимоно, на спине и рукавах которого были вышиты четыре молнии, скрещивающиеся в круге. Как и положено самураю, собранные в узел черные волосы лежали поверх выбритой макушки. Кроме того, он повязал на голову широкою белую ленту. Широкоплечий и мускулистый, самурай смотрел грозным взглядом, напоминая бойцовского бульдога.

В руках он держал такой громадный меч, какого Джек еще в жизни не видел: клинок был фута четыре в длину, а вместе в рукоятью оказывался выше Джека. Не сводя глаз с дальнего берега залива, самурай нетерпеливо переступил с ноги на ногу, и меч сверкнул на солнце — будто молния ударила.

Заметив изумление Джека, Акико прошептала название меча: «*Hogatu*».

Самурай в одиночестве стоял посреди арены — а где же его противник? Вроде больше никто не гото-

вится к схватке. Разглядывая толпу, Джек заметил группу самураев на противоположной стороне: на их одеждах был вышит тот же герб из молний, что на кимоно война с мечом. А самураи вокруг Джека носили герб феникса.

Вот как. Тогда где же их воин?

Прошло около часа, на безоблачном небе солнце сместилось градусов на пятнадцать. Стало припекать сильнее, и крестьяне нетерпеливо переступали с ноги на ногу. Самурай возле ворот все больше нервничал, меряя шагами пляж, как тигр в клетке.

Прошел еще час.

Чем жарче становилось, тем громче роптала толпа. Джек с ужасом представил себе, каково бы ему пришлось в матросской рубашке и штанах, — хорошо, что теперь на нем шелковое кимоно!

И вот, когда солнце достигло зенита, от пристани отошла лодочка.

Зрители оживились и зашумели. В лодке неторопливо греб маленький рыбак, а на носу, с безмятежностью Будды, сидел человек ростом повыше.

Лодка приблизилась. Толпа приветственно завопила, повторяя:

— Масамото! Масамото! Масамото!

Акико, Така-сан и Дзиро присоединились к оглушительным выкрикам.

Самураи с гербом из молний ответили на вызов криками «Годай! Годай! Годай!». Их воин выступил

вперед, размахивая в воздухе своим нодами, и его соратники завопили еще громче.

Лодка пристала к берегу. Рыбак поднял весла, терпеливо ожидая, пока вылезет пассажир. Тот встал и ступил босыми ногами на песок пляжа, вызвав очередной восторженный вопль зрителей.

Джек невольно ахнул от удивления: Масамото был тем самым мужчиной со шрамами на лице!

12. Поединок

Красные рубцы растекались по сухой коже, как потоки лавы, — со лба над левым глазом и вниз по щеке до подбородка. На темно-коричневом с бежевым кимоно Масамото был вышит феникс. Как и Годай, Масамото повязал голову лентой, но не белой, а малиновой.

Обритый наголо, в отличие от Годая — оставались только усики и аккуратная борода, — Масамото походил скорее на монаха, чем на воина.

Он внимательно оглядел пляж, повернулся и вытащил из лодки два меча в ножнах: короткий *вакидзаси* и длинный *катана*. Сунул оба меча за пояс и неторопливо зашагал к воротам.

Разъяренный опозданием противника и его высокомерием, Годай выкрикивал оскорбления.

Не обращая внимания на выкрики, Масамото ничуть не ускорял шага и даже задержался, чтобы поприветствовать своих самураев. Наконец он подошел к Годая и церемонно поклонился. Это еще больше

взбесило Годая. Ослепленный яростью, он бросился на Масамото, пытаясь захватить его врасплох до официального начала поединка.

Однако Масамото словно только этого и ждал: он отступил в сторону, и огромный нодати чуть промахнулся. Масамото одним движением выхватил оба меча из ножен и правой рукой поднял катану вверх, а левой выставил вакидзаси перед грудью, защищаясь от нападения.

Годай развернул меч для новой атаки, и лезвие с быстротой молнии ударило в голову Масамото. Тот слегка развернулся, подставляя катану, и отразил удар влево. Мечи столкнулись, и нодати заскрежетал по тупому краю катаны.

Масамото подался вперед, прямо под сокрушительный удар, и полоснул вакидзаси по животу Годая. Меч прорезал кимоно, но до тела не достал: Годай отшатнулся.

Масамото погнал отступающего Годая в море. Его мечи мелькали так быстро, что за ними невозможно было уследить. Однако новый удар нодати прервал атаку: Масамото едва успел уйти в сторону.

Джека поразили искусство и ловкость обоих воинов. Они сражались так грациозно, словно танцевали изящный и одновременно смертельно опасный танец. Каждый удар наносился с величайшей точностью и полным вниманием. Масамото владел двумя мечами так, словно они были продолжением его рук. Неудивительно, что вако с легкостью перебили всю команду «Александрии»: против столь искусного противника устоять невозможно.

Годай перешел в наступление, и его самураи одобрительно завопили.

Несмотря на внушительный размер меча, Годай мастерски управлялся с нодати, размахивая им словно невесомым бамбуковым шестом. Под натиском Годая Масамото продолжал отступать в толпу зрителей — прямо к тому месту, где стоял Джек.

Годай притворился, что бьет вправо, затем изменил направление удара, и лезвие полоснуло по незащищенной руке Масамото. Тому удалось уклониться, и Годай невольно повалился на толпу.

Крестьяне в панике разбежались кто куда, и только Джек застыл на месте, парализованный страхом: решимость Годая убить противника не знала пределов.

В самый последний момент Така-сан оттащил Джека в сторону, а вот стоявшему позади низенькому крестьянину не повезло: он попытался защититься, но меч полоснул прямо по вытянутым пальцам.

Годай, не обращая ни малейшего внимания на вопли крестьянина, стряхнул кровь с клинка и снова набросился на Масамото.

«Да ведь это не потешный бой! — с изумлением подумал Джек. — Они бьются насмерть!»

Два самурая из клана Масамото поволокли раненого крестьянина в сторону, а толпа нетерпеливо хлынула вперед, стараясь не пропустить ни малейшей детали происходящего.

Обеспокоенная бледностью Джека, Акико знаками спросила, все ли в порядке.

— Все нормально, — ответил Джек и с усилием улыбнулся, хотя на самом деле его затошнило.

Как могут люди, которые тратят столько времени на садоводство и украшают одежду бабочками, быть такими безжалостными? Просто в голове не укладывается!

Чтобы избежать обеспокоенного взгляда Акико, Джек вновь переключил внимание на схватку. Оба самурая, тяжело дыша, разошлись в стороны и кружили друг возле друга, выжидая удобного момента для нападения. Годай сделал притворный выпад, и зрители отшатнулись, отчаянно стараясь не попасть под удар.

Масамото, уже зная повадки Годая, скользнул вбок, парируя удар нодати коротким мечом и одновременно атакуя длинным. Катана просвистел над головой Годая. Тот нырнул вниз, и лезвие прошло по его макушке.

Соперники развернулись лицом друг к другу и замерли. Толпа затаила дыхание. И вдруг связанные в узел волосы соскользнули с головы Годая и упали на песок. Масамото насмешливо ухмыльнулся над принародно опозоренным противником, и самурай с гербом феникса завопили: «Масамото! Масамото! Масамото!»

Взбешенный унижением, Годай бросился в атаку с криком «Киай!». Нодати ударил вниз и тут же взлетел вверх, словно орел, который камнем падает на добычу и снова поднимается в небо.

Масамото изогнулся назад, уклоняясь от клинка Годая, и поднял меч, чтобы защитить горло, однако удар выбил катану из его руки, и кончик нодати вре-

зался глубоко в правое плечо. Масамото закричал от боли, упал на спину и откатился, уходя подальше от Годая. Сделав несколько рассчитанных кувырков, он снова вскочил на ноги.

На этот раз одобрительно завопили самураи из клана Годая.

Масамото потерял катану, и теперь у Годая были все шансы на победу: короткий вакидзаси не мог противостоять нодати. Самураи Масамото понимали, что ему вряд ли удастся одолеть противника, обладающего таким преимуществом. Впервые в жизни Масамото его легендарное искусство владения двумя мечами не выдержало атаки.

Масамото отступал, постепенно приближаясь к рыбацкой лодке, на которой приплыл. Довольный Годай уже предвкушал победу и торопливо заслонил собой лодку, преграждая сопернику путь к бегству.

Похоже, Масамото проиграл. Из раны на плече сочилась кровь. Он неуверенно опустил вакидзаси. Зрители разочарованно застонали. Годай расплылся в улыбке, медленно поднимая меч для последнего удара.

Именно этого мгновения излишней самоуверенности и ждал Масамото: резко махнув рукой, он метнул вакидзаси. Застигнутый врасплох Годай отшатнулся от летящего клинка и потерял равновесие.

Масамото молнией проскочил мимо Годая, направляясь к лодке. Годай поднялся на ноги и закричал вслед убегающему противнику.

Однако Масамото вовсе не отказывался от боя. Схватив весло, он развернулся лицом к Годая —

теперь у Масамото было оружие такой же длины, как и нодати.

Годай немедленно бросился в атаку, но Масамото отбил удар меча веслом — в воздух полетели щепки. Тогда Годай полоснул мечом понизу, целясь по ногам.

Масамото подпрыгнул и ударил веслом по незащищенной макушке нападающего: ноги у Годая подогнулись и он повалился на спину, как подрубленное дерево.

Самураи из клана Масамото торжествующе закричали, и толпа завопила, требуя убить Годая. Тем не менее Масамото отступил от тела поверженного противника: он явно одержал верх и в убийстве не видел надобности.

Когда Масамото подошел к толпе зрителей, все замолчали и опустили на колени, кланяясь до земли, — все, включая Акико, Дзиро и Така-сана.

Только Джек остался стоять в нерешительности: он здесь чужой. Однако от Масамото исходила такая мощная властность, что мальчик непроизвольно поклонился. Глядя в землю, он почувствовал приближение Масамото и увидел прямо перед собой босые ноги человека со шрамами.

13. Отец Люций

— *V*ocê fala Português?* — спросил у Джека священник, сидевший на полу перед возвышением, где расположился Масамото. — Parlez-vous français?**

Священник смотрел на мальчика жестким, непроницаемым взглядом. Редущие волосы святого отца давно не знали мыла. Одевался он как типичный иезуит-португалец: в сутану и накидку с капюшоном. Священника позвали переводить для Масамото, и святой отец подозрительно рассматривал Джека.

— Hablas español?*** По-английски говоришь? — раздраженно спросил иезуит.

— Falo um pouco. Oui, un petit peu. Si, un pouco****, — ответил Джек. — Но давайте лучше на моем родном английском. Мама была учительницей

* Вы говорите по-португальски? (португ.)

** Вы говорите по-французски? (фр.)

*** Вы говорите по-испански? (исп.)

**** Да, немного (на португальском, французском и испанском).

и заставляла меня зубрить разные языки. Даже ваш...

— Ах ты, поганец! Не советую злить меня еще больше, мы с тобой и так враги. Ты, видно, отпрыск еретика, и на этой земле тебе не очень-то рады... — Священник хрипло и резко закашлял, вытирая темно-желтую слюну платком.

«А ты явно болен», — подумал Джек.

— В живых тебя оставили только по твоему малолетству.

Когда Масамото приблизился к нему на пляже, Джек подумал, что ему конец. Однако самурай всего лишь велел мальчику возвращаться вместе с остальными воинами клана обратно в деревню, где их уже ждала Хироко, чтобы проводить в дом.

— До сита? Карэ-ва доко кара кита но да?* — спросил Масамото.

На рану Масамото наложили повязку, он переоделся в выглаженное кимоно небесно-голубого цвета с узором из белых кленовых листьев и теперь сидел, спокойно прихлебывая сэнча. Джек не мог поверить, что этот человек всего несколько часов назад сражался не на жизнь, а на смерть.

Два вооруженных самурая стояли по бокам Масамото, а слева от него сидели Акико и тот мальчик, с которым она разговаривала до начала поединка. Как только Джек вошел в комнату, мальчишка уставился на него непроницаемым и хмурым, как грозовая туча, взглядом.

* Что такое? Откуда он приехал? (яп.)

— Сумимасэн, Масамото-сама*. — Святой отец спрятал платок и поклонился так низко, что деревянный крест, висевший у него на шее, достал до самого пола. — Его светлость Масамото Такэси желает знать, кто ты такой, откуда и как сюда попал, — сказал он, поворачиваясь к Джеку.

Джек почувствовал себя преступником на скамье подсудимых: его позвали сюда только затем, чтобы столкнуть с этим злобным иезуитом. Отец всегда предостерегал Джека против таких людей. Португалия, как и Испания, почти двадцать лет воевала с Англией, и, хотя официально военные действия прекратились, бывшие противники по-прежнему терпеть не могли друг друга. Иезуиты оставались злейшими врагами Англии, и Джек попал в серьезную переделку: ведь он протестант-англиканец.

— Меня зовут Джек Флетчер. Я из Англии. Прибыл сюда на торговом судне.

— Быть того не может! В здешних водах нет ни одного англичанина. Ты пират, так что перестань морочить голову мне — и Его светлости тоже. Я здесь не для того, чтобы переводить твои сказки.

— Дока симасита ка? ** — вмешался Масамото.

— Нани-но най, Масамото-сама... *** — начал священник, однако самурай немедленно оборвал его словами, которые прозвучали как приказ.

* Прошу прощения, уважаемый господин Масамото (яп.).

** В чем дело? (яп.)

*** Ни в чем, уважаемый господин Масамото... (яп.)

— Мосивакэ аримасэн, Масамото-сама*, — с подчеркнутой любезностью извинился иезуит, кланяясь, и снова резко закашлял в платок. Потом повернулся к Джеку: — Я спрашиваю тебя еще раз: как ты сюда попал? И, клянусь Богом, лучше скажи мне правду!

— А я сказал правду: прибыл на торговом судне «Александрия», принадлежащем Голландской Ост-Индской компании. Мой отец был штурманом. Мы плыли в Японию почти два года...

Священник, переводивший слова Джека, вдруг перебил его:

— И каким же путем вы сюда плыли?

— Южным, через Магелланов пролив...

— Быть того не может! Магелланов пролив держат в тайне.

— Мой отец знал, как через него пройти.

— Только мы, португальцы, истинные христиане, знаем безопасный проход! — возмутился иезуит. — И он хорошо охраняется от еретиков вроде твоего отца!

— Да куда вам до моего отца! Он ваши военные корабли за один день обогнал! — Джек преисполнился жгучей гордости, когда священник, скрипя зубами, сообщил Масамото об унижении своих соотечественников.

Мальчик подозрительно осмотрел иезуита с головы до ног:

— А вы вообще кто такой?

— Отец Люций, брат ордена иезуитов, представитель католической церкви и ее единственный мис-

* Простите великодушно, Ваша светлость (яп.).

сионер здесь, в порту Тоба. Подчиняюсь только Господу нашему и отцу Диего Бобадилле в Осаке — я его глаза и уши.

— А это кто? — спросил Джек, кивая на Масамото. — И если вы такой важный господин, то почему кланяетесь самураю?

— Попридержал бы ты язык, мальчишка! Если жить хочешь. К самураям лучше относиться почтительно.

Отвесив еще один низкий поклон, иезуит продолжал:

— Это Его светлость Масамото Такэси, правитель Симы и доверенное лицо Такатоми Хидэяки, *даймё* провинции Киото...

— А кто такой даймё? — перебил Джек.

— Сюзерен. Он управляет целой провинцией от имени императора. А самураи, включая Масамото, его вассалы.

— Вассалы? Рабы, что ли?

— Нет, рабы — это скорее крестьяне, жители деревни. А самураи — воины, вроде рыцарей, только гораздо искуснее. Масамото великолепно владеет мечом и ни разу не потерпел поражения. А еще именно он вытащил тебя, едва живого, из моря и вылечил твою сломанную руку, так что будь с ним повежливее!

Джек ушам своим не поверил: в Европе о таком и слыхом не слыхали! Сломать руку на корабле в море означало медленную и мучительную смерть от гангрены или болезненную и рискованную ампутацию.

Джеку и в самом деле невероятно повезло встретить Масамото!

— Поблагодарите его, пожалуйста, за то, что он спас мне жизнь.

— Сам и благодари. По-японски «спасибо» будет «*аригато*».

— Аригато, — повторил Джек, показывая на сло-манную руку, и поклонился так низко, как смог.

Кажется, Масамото это понравилось, и он коротко кивнул.

— Значит, это дом Масамото?

— Нет, его сестры. Она живет здесь с дочерью, Акико. — Священник опять зашелся кашлем и не сразу продолжил: — Хватит с тебя вопросов! Где остальная команда корабля?

— Погибли.

— Погибли? Все? Не ври!

— Буря сбила нас с курса. Пришлось укрыться в бухте, но на рифах «Александрия» получила пробоину. Мы стали ее заделывать, а потом напали... ну, не знаю... тени какие-то.

Масамото со все возрастающим интересом слушал рассказ мальчика в переводе иезуита.

— Расскажи про тени, — перевел священник слова Масамото.

— Люди, одетые в черное. Я видел только глаза. Нападающие были вооружены мечами, цепями и метательными ножами... отец думал, что это вако.

— Ниндзя! — выдохнул Масамото.

— Кто бы они ни были, один из них убил моего отца. — Голос Джека зазвенел от нахлынувших воспоминаний. — Ниндзя с зеленым глазом!

Масамото напряженно склонился вперед: его явно встревожили переведенные иезуитом слова мальчика.

— Повтори, что ты сказал, — потребовал отец Люций от имени Масамото.

Джек вспомнил закрытое маской лицо ниндзя и как тот убил отца. Сглотнув, Джек ответил:

— У ниндзя, который убил моего отца, был только один глаз — зеленый, как шкурка змеи. Я его в жизни не забуду.

— Докуган Рю! — бросил Масамото, словно выплевывая яд.

От этих слов охранники-самураи заметно напряглись. На лице черноволосого мальчишки отразился ужас. Акико посмотрела на Джека полным жалости взглядом.

— Доку... кто? — не понял Джек.

— Докуган Рю. Это означает «Глаз дракона», — объяснил отец Люций. — Именно он убил Тэнно, старшего сына Масамото, два года назад. Масамото-сама предотвратил покушение на даймё и охотился за виновными. Докугана Рю послали убить Тэнно в качестве предупреждения, чтобы прекратили поиски. С тех пор этого Докугана Рю никто не видел.

Масамото озабоченно заговорил о чем-то с отцом Люцием.

— Масамото-сама хочет знать, где остальные члены твоей семьи. Твоя мать тоже была на борту?

— Нет. Она умерла, когда мне было десять лет. От воспаления легких. — Джек многозначительно посмотрел на отца Люция: он узнал симптомы болезни иезуита. — За моей младшей сестренкой Джесс приглаживает соседка, миссис Уинтерс. Оставить ей нас обоих отец не мог: миссис Уинтерс слишком старенькая и денег у нее нет. Так я попал на корабль: в моем возрасте уже можно работать, и отец выхлопотал мне место на «Александрии».

— Тебе пришлось многое вынести. Мне очень жаль, что ты потерял мать. И отца. — Джеку показалось, что иезуит говорит вполне искренне.

Отец Люций пересказал историю Джека, и Масамото внимательно выслушал его. Затем налил себе еще сэнча и задумчиво посмотрел на чашку, прежде чем медленно пригубить напиток.

Все молчали.

Масамото поставил чашку и обратился к присутствующим. От его слов иезуит стал белее мела. Акико в изумлении распахнула глаза. Черноволосый мальчишка окаменел, и хмурое выражение на его лице превратилось в злобную гримасу.

Дрожащим голосом отец Люций перевел для Джека:

— Джек Флетчер, Масамото-сама решил, что берет тебя под свое покровительство до достижения тобой совершеннолетия. Сегодня ровно два года с тех пор, как погиб его сын, и Масамото-сама считает, что

ты послан ему богами. Ты тоже пострадал от руки Докугана Рю. И поэтому займешь место Тэнно и станешь членом клана.

Джек растерялся, не зная, смеяться ему или плакать. Его решил усыновить самурай!

Но не успел Джек и слова сказать, как по приказу Масамото в комнату вошел Така-сан. Он принес какой-то завернутый в мешковину предмет и положил его к ногам Джека.

Масамото обратился к мальчику, а отец Люций переводил:

— Когда Масамото-сама вытащил тебя из воды, ты прижимал к себе эту вещь. Теперь, когда ты выздоровел, он возвращает тебе твою законную ответственность.

Масамото знаками велел Джеку развернуть прямоугольный пакет. Джек потянул за шнурок, и под мешковиной обнаружился темный сверток из клеенки. Все вокруг затаили дыхание. Отец Люций придвинулся поближе.

Даже не разворачивая клеенку, Джек точно знал, что находится внутри — отцовские карты.

Комната закружилась перед глазами, и Джек вдруг увидел перед собой отца: он лежал на палубе, на губах пузырилась кровь; голова мотнулась набок, и отец посмотрел Джеку в глаза:

— Джек... карта... возьми... домой... приведет тебя домой...

И отец испустил последний вздох.

— Джек? С тобой все в порядке? — спросил отец Люций, обрывая воспоминания мальчика.

— Да, — торопливо ответил Джек, собираясь с мыслями. — Просто расстроился. Это принадлежало отцу.

— Понятно. Наверное, карты? — невозмутимо поинтересовался отец Люций, хотя все это время жадно пожирал глазами сверток.

— Нет... не карты... Дневник отца, — соврал Джек, подхватывая пакет.

Отец Люций явно не поверил, однако настаивать не стал.

Вернув Джеку его имущество, Масамото, очевидно, решил, что аудиенция окончена, и встал. Все поклонились, когда он заговорил.

— Масамото-сама велел тебе отдыхать, — перевел иезуит. — Завтра он снова поговорит с тобой.

Все опять поклонились, и Масамото стремительно вышел. Самураи-охранники и черноволосый мальчишка последовали за ним.

Отец Люций тоже встал, собираясь уходить, но зашелся в жестоком приступе кашля. Откашлявшись, священник вытер пот со лба и выругался:

— Проклятье на тебя и твой корабль! Еретики окаянные! Эта напасть навалилась на меня с тех пор, как ты здесь появился, — прохрипел он, придерживаясь за сёдзи.

И, повернувшись к Джеку, посмотрел ему прямо в глаза:

— Я дам тебе совет, Джек Флетчер. Всегда помни, что твой спаситель — самурай. Самураи — люди умные, но совершенно безжалостные. Сделай шаг в сторону — и он тебя на кусочки изрубит.

14. Послание

Остаток дня Джек провел в саду.

Он все еще не мог привыкнуть к мысли, что усыновлен самураем! Пожалуй, ему следовало бы испытывать благодарность к Масамото: у него были кров и пища, а хозяева дома и прислуга относились к нему не как к приبلудной собачонке, а скорее как к почетному гостю. Така-сан даже поклонился!

И все же он здесь чужой. Его дом не в этой земле воинов, кимоно и сэпча. А где теперь его дом? Без отца и матери дома у него нет. Сестренка живет с миссис Уинтерс, но что будет, когда закончатся деньги, которые отец дал старушке? Или она вдруг умрет? Надо найти способ вернуться и быть рядом с Джесс. Однако Англия на другом конце света; как может двенадцатилетний мальчишка, даже имея карту, переплыть два океана?

День выдался жаркий, и тем не менее Джека застряло: ситуация казалась безвыходной. Он застрял в Японии, пока не найдет корабль, плывущий в Англию.

Выбирать не приходилось: нужно оставаться здесь.

Джек уселся в тени вишневого дерева и задумался: карта была его хрупкой надеждой вернуться обратно.

Он хорошо помнил, с каким восторгом впервые взял кожаную тетрадь из рук отца. Карта показалась тяжелой: в ней столько знаний и секретов! Открыв ее, Джек явственно почуял запах морского ветра на страницах.

В тетради были от руки нарисованы замысловатые карты; нанесены показания компаса между портами и мысами; отмечены глубины и характер морского дна; записаны подробные отчеты о путешествиях отца; указаны дружественные и враждебные порты, а также рифы, убежища и высота приливов. И каждая страница была зашифрована, чтобы уберечь от врагов знание безопасных путей.

— Карта для штурмана — что для священника Библия, — однажды сказал отец.

Затаив дыхание, Джек слушал объяснения отца: вычислить широту по положению звезд довольно просто, а вот долготу с достаточной точностью определить до сих пор невозможно. Поэтому как только ближайший берег уходит за горизонт, корабль все равно что потерян в море. А значит, любое плавание для моряков потенциально опасно. Кроме тех...

— Кроме тех, у кого есть карта, — сказал отец. — В этой тетради, сынок, ты найдешь все необходимое, чтобы уверенно вести корабль через моря. Эти записи собраны ценой многих жизней. И теперь, пос-

ле каждого нового плавания, я добавляю свои собственные заметки. Карты бесценны! Наши враги португальцы дорого бы дали за такую вещь... ни перед чем не остановились бы, чтобы ее получить.

И вот карты в руках Джека. Причем это единственное, что связывает его с прежней жизнью. С отцом. Без них обратно в Англию не добраться: только здесь подробно расписано, как совершить кругосветное путешествие.

Джек пролистал страницы, и на землю упал листок пергамента — хрупкий от морской соли, с потрепанными краями: видно, не раз держали в руках. Развернув листок, Джек увидел детский рисунок — четыре человечка в садике возле квадратного дома — и сразу узнал, кто это. Высокий человечек с развевающимися на ветру волосами изображал отца, у самого Джека была непропорционально большая голова и копна светлых волос, а за его руку держалась сестренка, одетая в платье, и махала другой рукой. Посередине была нарисована мама — с ангельскими крылышками.

Этот рисунок Джесс подарила отцу в тот самый день, когда они уходили в плавание. Джек сглотнул слезы. Каково пришлось бы Джесс, если бы она знала, что отец погиб?

Джек внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял глаза от картинки. Черноволосый мальчишка следил за ним из дома.

Как долго?

Джек вытер глаза и коротко кивнул мальчишке — как и полагалось вежливому человеку. Мальчишка не ответил.

«Почему он на меня злится?» — подумал Джек. Мальчишка прибыл вместе с Масамото, значит, занимал достаточно высокое положение, однако до сих пор не представился и с самого начала отнесся к Джеку враждебно.

Из-за угла вышла Акико. Рядом с ней бежал Дзиро, взволнованно размахивая листком бумаги. Джек свернул рисунок сестренки и аккуратно вложил его в тетрадь.

Акико поклонилась, взяла у Дзиро бумагу и вежливо протянула ее Джеку обеими руками.

— Аригато, — поблагодарил ее Джек.

— Домо*, — ответила она.

К огорчению Джека, ничего больше он добавить не мог. А хотелось сказать так много! И столько вопросов накопилось... Его окружали учтивые незнакомцы, но, не зная языка, он чувствовал себя в полном одиночестве. Спонтанный урок с Акико вчера вечером был единственным более-менее связным разговором с тех пор, как пару недель назад его отпустила лихорадка.

Джек развернул листок и прочитал записку:

Извольте почтить меня своим присутствием. Будьте добры прийти ко мне завтра сразу после завтрака.

* Не за что (яп.).

Моя резиденция расположена в четвертом от пристани доме по левой стороне.

Отец Люций

Джек привалился к дереву. Ну и зачем он понадобился святому отцу?

15. Ямато

Отец Люций жил в маленьком домике, в стороне от главной улицы. Така-сан, сопровождавший Джека, позвонил в колокольчик у ворот.

Зашаркали шаги, и ворота распахнулись. Вышел отец Люций — с мутными глазами и страдающий от одышки.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище, еретик! Входи уж.

Джек попал в маленький садик, совсем не похожий на ухоженный райский уголок Уэкия: грядки корнеплодов и зелени для приправ, а также одинокая яблоня с завязавшимися плодами. Никаких украшений или изящных ручейков — здесь выращивали еду, а не занимались размышлениями.

Выполнив свою миссию, Така-сан поклонился им обоим и ушел.

Отец Люций отвел Джека в просто обставленную комнатку: стол, два стула и самодельный алтарь. Заднюю стену украшало большое деревянное распятие.

— Садись, — велел отец Люций и сам опустился на стул напротив Джека. Время от времени иезуит кашлял в носовой платок. — Как поживает наш юный самурай?

— Зачем вы меня позвали? — спросил Джек, пропуская мимо ушей насмешку.

— Чтобы научить тебя японскому языку.

— С чего бы это? — недоверчиво спросил Джек. — Вчера вы не очень-то рвались мне помочь.

— Когда Масамото о чем-то просит, отказывать ему неразумно. — Священник посмотрел Джеку в глаза. — Каждое утро в это время мы будем начинать урок. Ты будешь делать то, что я тебе скажу, и тогда, когда я скажу. Не исключено, что твою душу еще можно спасти.

— Не надо меня «спасать». Учить японскому — учите, только без проповедей...

— Помолчи! — Отец Люций стукнул ладонью по столу. — Господь простит тебе твое невежество. Начнем урок. Чем скорее ты выучишь японский, тем быстрее твой собственный язык затянет петлю на твоей шее!

Он утер рот платком и продолжил:

— Понять японцев можно только через их язык. У него свои слова и способы построения предложений. В общем, другого такого языка нет. Он отражает самый образ мыслей японцев. Научись говорить по-японски, и ты поймешь японцев. Пока все ясно?

— Да. Чтобы говорить по-японски, я должен думать как японец.

— Прекрасно. Твоя мать, по крайней мере, научила тебя слушать.

Отец Люций протянул руку и отодвинул в сторону маленькую панель в стене. Вытащил из ниши толстую книгу, немного бумаги, перо и чернила. Положил все это на стол, и урок начался.

— По сравнению с другими языками японский довольно прост. Поначалу он выглядит проще английского. У японских существительных нет ни числа, ни рода. Слово «хон» может обозначать как одну книгу, так и много книг.

Ох, пожалуй, проще было бы выслушать иезуитскую проповедь, чем учить японский!

— Глаголы не спрягаются и не имеют неопределенной формы... — Отец Люций внезапно прервал свою лекцию: — А ты почему ничего не записываешь? Я-то думал, ты образованный.

Подчиняясь приказанию, Джек неохотно взял в руки перо, обмакнул его в чернильницу и начал писать.

Когда пришел Така-сан, в голове у Джека помутилось от глаголов и особенностей японского языка. Тем не менее он не показал виду, что урок отца Люция довел его до головокружения, и нарочито приветствовал Така-сана на ломаном японском.

Така-сан недоуменно посмотрел на мальчика, моргнул и, наконец, улыбнулся, разобрав сказанное с сильным акцентом приветствие.

Они вернулись в дом Хироко, и сразу же после обеда Джека отвели в комнату Масамото.

Масамото восседал на возвышении, словно статуя Бога в священном храме, а по бокам стояли неизменные охранники-самураи. Черноволосый мальчишка тоже сидел рядом — молчаливый и хмурый.

Отец Люций вошел в комнату через другую дверь и опустился на пол напротив Джека. Мальчик занервничал, однако оказалось, что священника пригласили всего лишь в качестве переводчика.

— Как прошел твой урок с отцом Люцием? — спросил Масамото.

— Ий дэс ё, аригато годзаимас*, — ответил Джек, надеясь, что правильно выговорил слова.

Масамото понимающе кивнул.

— Джек, ты быстро учишься. Это хорошо, — сказал Масамото. Священник надулся, но продолжал переводить. — Я должен уехать в Киото: у меня есть дела в моей школе. Ты останешься здесь, в Тоба, пока не заживет сломанная рука. Моя сестра Хироко позаботится о тебе. Отец Люций будет учить тебя, и я надеюсь, что к моему возвращению ты сможешь бегло говорить по-японски.

— Хай, Масамото-сама**, — ответил Джек.

— Я собираюсь вернуться до наступления зимы. А сейчас познакомься с моим сыном Ямато. Он останется здесь с тобой. Каждому мальчику нужен друг — и он станет твоим другом. На самом деле теперь вы братья.

* Все хорошо, спасибо (яп.).

** Слушаюсь, Ваша светлость господин Масамото (яп.).

Ямато недовольно поклонился, не сводя с Джека жесткого и вызывающего взгляда. Весь его вид говорил: ты никогда не будешь достоин занять место Тэнно и дружить с тобой я не собираюсь — никогда.

16. Бокхэн

Джек отмерял время своего пребывания в Японии по вишневому дереву посреди сада. Сначала оно было покрыто пышной зеленой листвой, и жаркими летними днями Джек укрывался в его тени. Прошло три месяца, сломанная рука зажила, а листья вишневого дерева пожелтели и начали опадать.

Дерево стало излюбленным местом Джека: он сидел там часами, рассматривал отцовские карты, пытаясь расшифровать записи, и вспоминал отца.

А еще вишневое дерево стало как бы воротами в мир Японии, ведь именно там Акико почти каждый день занималась с Джеком японским языком.

Через три дня после отъезда Масамото Акико услышала, как Джек мучается с произношением японской фразы, заданной отцом Люцием. Девочка предложила помочь.

— Аригато, Акико, — ответил Джек и несколько раз повторил за ней фразу, чтобы запомнить.

С тех пор и начались их ежедневные занятия, в дополнение к урокам отца Люция. В результате Джек быстро достиг значительных успехов. Только благодаря помощи Акико Джек с каждым днем говорил все лучше.

А вот Ямато, несмотря на приказ отца вести себя дружелюбно, держался с Джеком очень холодно, полностью его игнорируя.

— Почему Ямато не хочет со мной разговаривать? — однажды спросил Джек у Акико. — Чего он на меня злится?

— Нет, Джек, — ответила Акико с подчеркнутой вежливостью. — Ямато — твой друг.

— Все дружат со мной, потому что так приказал Масамото, — огрызнулся Джек.

— Мне он не приказывал! — В глазах Акико промелькнула обида.

Джек понял, что ведет себя очень грубо, и отчаянно попытался припомнить соответствующее извинение по-японски. Как объяснил отец Люций, умение извиняться считалось в Японии достоинством: в отличие от европейцев, для которых попросить прощения означает признать свою вину или неудачу, японцы извиняются, принимая вину на себя и не упрекая других. Когда человек просит прощения и раскаивается, японцы склонны простить и не обижаться.

— Акико, прости, пожалуйста, — наконец сказал Джек. — Ты всегда была очень добра ко мне.

Девочка поклонилась, принимая извинение, и разговор продолжился — обидное замечание Джека было забыто.

* * *

Сегодня, приближаясь к своему излюбленному месту, Джек заметил, что вишневое дерево сбросило почти все листья: золотистый ковер покрывал землю под ветвями. Уэкия сметал опавшие листья, высыпая их в старый мешок.

Джек взял грабли и стал помогать старику.

— Эта работа не для самурая, — мягко сказал садовник, забирая у Джека грабли.

На мостике появилась Акико и подошла к ним. Она была одета в сиреневое кимоно с желтоватыми цветами, подвязанное золотистым оби. Джек до сих пор не мог привыкнуть к тому, как аккуратно и красиво одеваются японки.

Джек и Акико уселись под деревом и начали свой обычный урок. Уэкия поклонился и отошел в сторону, занявшись и без того безупречно подстриженным кустиком.

Прежде всего Джек спросил про странное замечание садовника:

— Какой же я самурай? У меня и меча-то нет!

— Самурай не только мечами машут. Конечно же, самурай — это воин; мы буси, представители касты воинов. А поскольку ты сын Масамото, значит, тоже самурай. — Акико помолчала, давая Джеку возможность переварить услышанное. — «Самурай» означает «служить». В первую очередь самурай служит императору, а затем своему даймё. Долг прежде всего. И ты должен служить Масамото, а не в саду копаться.

— Все равно ничего не понимаю.

— Поймешь. Самурай — это образ мыслей. Масамото тебя научит.

Пока Джек пытался вдуматься в слова Акико, из дома вышел Ямато. В руках он держал деревянную палку: длиной примерно в руку, одна треть закруглена в прочную рукоять, а две трети обточены в длинный, слегка изогнутый клинок.

— Что это он несет? — спросил Джек.

— Боккэн, деревянный меч.

Увидев Джека и Акико, Ямато холодно поклонился и ушел на полянку в саду.

— Да ну? Игрушечный меч! — засмеялся Джек, глядя, как Ямато кровожадно замахнулся на воображаемого противника.

— Игрушечный? Боккэн вовсе не игрушка, — ответила Акико с внезапной серьезностью. — Им можно человека убить. С помощью боккэна Масамото-сама как-то победил больше тридцати самураев с настоящими мечами.

— А что сейчас делает Ямато? По-моему, играет.

Ямато повторил выпад, за которым последовала целая серия ударов и блоков.

— Он повторяет *ката*, определенную последовательность движений. Ката помогают усовершенствовать боевые навыки — Ямато учится владеть мечом.

— Ну, раз я тоже самурай, то надо и мне научиться. — Джек одернул кимоно и встал.

Не обращая внимания на протесты Акико, Джек подошел к Ямато и стал с интересом наблюдать за его движениями. Ямато и ухом не повел, продолжая от-

ражать атаки и нападать на воображаемого противника.

— А можно мне попробовать? — спросил Джек, когда Ямато мощным взмахом меча наконец отрубил нападающему голову.

Ямато засунул меч за пояс и критически осмотрел Джека, словно новобранца.

— Почему бы нет, гайдзин, — с высокомерной насмешкой ответил он. — Хорошо, когда есть на ком отрабатывать удары. Дзиро, принеси-ка мне боккэн для гайдзина!

Малыш выскочил из дома с деревянным мечом в руках — Дзиро был ростом ниже боккэна и с трудом его тащил. Ямато взял меч из рук мальчика, поклонился и обеими руками протянул боккэн Джеку.

Джек сделал шаг вперед, чтобы взять меч.

— Нет! Ты должен поклониться, когда тебе оказывают честь воспользоваться чужим мечом.

Приказание Ямато разозлило Джека, тем не менее он сделал, как велено. Уж очень хотелось подержать в руках оружие и научиться пользоваться им не хуже Масамото — здорово он тогда на пляже двумя мечами размахивал!

— Возьми обеими руками, — скомандовал Ямато, будто имел дело с ребенком.

Джек схватил боккэн обеими руками — надо же, какой тяжелый! Теперь понятно, как можно убить человека деревянным мечом. Джек выставил боккэн перед собой, подражая Ямато.

— Не так! Лезвием вниз! — поправил Ямато и повернул боккэн в руках Джека. — Не опускай *киссаки*!

— Киссаки? — недоуменно переспросил Джек.

— Кончик боккэна. Он должен быть направлен в горло противника. Одна нога вперед. Другая назад. Шире. Ты должен сохранять равновесие.

Ямато вошел в роль учителя и ходил вокруг Джека, придирчиво поправляя стойку. Наконец он остался доволен результатом:

— Сойдет. Для начала попробуем *кихон*. Простые блоки и удары.

Ямато встал напротив Джека, и киссаки обоих боккэнов соприкоснулись. Через мгновение Ямато ударил по мечу Джека. Боккэн задрожал, руку пронзило острой болью, и Джек выронил меч. Клинок Ямато остановился на волосок от горла Джека. Ямато презрительно посмотрел на противника: а ну-ка, попробуй шевельнуться!

— Разве там, откуда ты приплыл, драться не учат? Ты держишь меч как девчонка! — укоризненно сказал Ямато. — Подними боккэн. В другой раз не держи его большим и указательным пальцами: такой хват легко разорвать, он слишком слабый. Посмотри на меня: мизинцем левой руки возмись за конец рукояти; затем обхвати ее остальными пальцами. Нижние два пальца должны держать очень крепко. Правой рукой возьми рукоять чуть ниже гарды* — точно таким же образом, как левой. Вот правильный способ держать боккэн.

* Гарда — часть эфеса клинкового холодного оружия, служащая для защиты кисти руки от удара оружием противника.

Ямато наслаждался представлением, устроенным перед Акико и Дзиро. Ему явно нравилось демонстрировать превосходство над Джеком, и он даже не заметил, насколько Акико испугана таким его поведением.

«Ну и ладно, — подумал Джек. — Чем быстрее я научусь обращаться с боккэном, тем быстрее дам Ямато сдачи».

Когда Джек научился держать меч, Ямато повторил атаку. На этот раз Джеку удалось не выпустить боккэн из рук.

— Хорошо. Теперь ты попробуй.

Сначала удар мечом показался Джеку очень неудобным: трудно вложить в него достаточно силы. Однако Ямато заставил Джека повторять движение снова и снова, и наконец все стало получаться само собой.

Они тренировались до вечера, и Ямато показал Джеку еще три основных движения: простой удар, уклонение от удара и простой блок. Выполнение ката оказалось тяжелой работой, и вскоре Джек выбился из сил: с тех пор как он попал на сушу, напрягать мускулы ему почти не приходилось. Теперь под тяжестью боккэна руки просто отваливались. Ямато явно обрадовался, заметив, что Джек устал.

— Может, *рандори* хочешь попробовать?

— Это что? — задыхаясь, спросил Джек.

— Вольный бой. Давай на победителя в трех схватках?

— Ямато, прошу прощения, — прервала Акико, надеясь предотвратить беду. — Не хотите ли вы оба

присоединиться ко мне и выпить по чашечке чая? Вы долго тренировались, пора бы и отдохнуть.

— Спасибо, Акико, мне не хочется пить. А вот Джеку, похоже, отдых не помешает.

Джек знал, что Ямато пытается сломить его: на борту «Александрии» он не раз видел подобное. Те, кто в первую неделю плавания не смог за себя постоять, последними получали еду, спали в гамаках в самом низу кубрика и выполняли самую грязную работу вроде мытья *гальюнов*. Джек должен был доказать, что голыми руками его не возьмешь. Если отступить сейчас, то потеряешь уважение навсегда.

— Спасибо, Акико, я не устал.

— Но как же твоя рука? — не отступала девочка. — Тебе не следует...

— С рукой все будет в порядке, — вежливо возразил Джек и повернулся к Ямато: — Рандори, говоришь? Победитель в трех схватках? Ну давай!

Они встали лицом друг к другу, и кончики их боксэнов соприкоснулись.

У Джека вспотели руки, и рукоятка стала скользкой. Он попытался вспомнить движения: шаги, удары, защиты и блоки. Джек приготовился ударить, однако Ямато его опередил: отбил боксэп Джека в сторону и со всего маху опустил клинок на незащищенные пальцы. Вскрикнув от боли и неожиданности, Джек уронил меч.

— Слишком медленно. — На лице Ямато расплылась кровожадная улыбка. — Я видел, как ты думаешь о нападении, прежде чем ударить.

Джек наклонился и поднял боккэн. В пальцах пульсировала боль, и ему с трудом удалось обхватить рукоять. Он стиснул зубы и снова направил киссаки в горло противника.

На этот раз Джек заметил, как меч Ямато слегка дернулся, и мальчик инстинктивно отступил назад, избегая первого удара. Ямато поднял боккэн для второго удара, и Джек — не столько намеренно, сколько благодаря счастливой случайности — успел поставить блок. Разозленный Ямато сделал злобный выпад, от которого Джек едва увернулся. Ямато изо всех сил стукнул Джека по спине. Джек упал на колени, почки отозвались острой болью, и не было сил вдохнуть.

— Два — ноль, — злорадно объявил Ямато, глядя, как поверженный Джек корчится от боли. — Небольшой совет: никогда не подставляй противнику спину.

— Ямато, хватит, — вмешалась Акико. — Джек еще не умеет драться на мечах. Он не может себя защитить!

Джек еле переводил дух, каждое движение вызывало боль. Однако он поднялся на ноги — с трудом и опираясь на боккэн как на костыль. Сдаваться нельзя! Именно сейчас он должен показать характер. С самого начала было ясно, что выиграть не удастся, но только он сам мог прекратить схватку — он, а не Ямато!

Джек с усилием поднял меч.

Ямато непонимающе уставился на него:

— Ты чего? Я уже выиграл две из трех схваток. Я победил.

— Что, боишься проиграть?

Такой вызов Ямато не принять не мог, и Джек мгновенно приготовился к бою.

Зная, что Ямато выжидает его атаки, Джек притворился, что бьет влево — это движение он подсмотрел у Годая. Ямато стал отражать удар, и Джек описал боккэном круг, нанеся удар справа.

Ямато, захваченный врасплох, парировал так неуклюже, что меч Джека ударил его по правой руке. Взбешенный неожиданным успехом противника, Ямато бросился в атаку. Удары посыпались на Джека со всех сторон: первых двух удалось избежать, третий он каким-то чудом отразил, а вот четвертый пришелся ему прямо в лицо.

Голова словно отделилась от тела. Из глаз посыпались искры, ноги подкосились, и Джек упал.

К нему тут же подскочила Акико. Она велела Тиро принести воду и полотенца, чтобы унять кровотечение из носа. Расстроенный такой неожиданной жесткостью, Дзиро тянул Джека за рукав. Даже Такасан подошел и озабоченно склонился над Джеком.

Ямато стоял в одиночестве, хмурый, как грозовая туча: никто не обратил внимания на его победу. Джек проиграл схватку, однако на самом деле именно он вышел победителем.

17. Гайдзин

— Что с тобой стряслось? — прохрипел лежавший в постели отец Люций.

— Подрался, — отрезал Джек: синяки под глазами не спрячешь.

— Похоже, ты проиграл. Говорил я тебе, самураи — народ безжалостный.

Отец Люций сел и закашлялся в платок. Недавно к кашлю и желтой мокроте добавились лихорадка и озноб. Помня приказ Масамото, отец Люций настаивал на продолжении занятий с Джеком. Однако священник быстро утомлялся, и после нескольких фраз приходилось делать перерыв.

— Джек, я боюсь, что, несмотря на все отвары, травы и мази, которыми меня пичкает местный лекарь, недуг берет верх. С таким даже японские доктора не в силах совладать...

Иезуита снова одолел приступ кашля. Лицо священника исказилось болью, и он схватился за грудь.

Кашель постепенно затих, перейдя в затрудненное дыхание.

— Мне очень жаль, — ответил Джек: что тут еще скажешь?

Первоначальная враждебность за время занятий уступила место настороженному дружелюбию, и Джек в самом деле переживал за больного священника.

— Не надо меня жалеть. Я выполнил свое предназначение на этом свете и скоро получу заслуженную награду на том. — Отец Люций перекрестился. — Завтра мне станет лучше, а сегодня позанимайся сам. Подай-ка мою книгу.

Джек взял со стола толстую тетрадь и подал ее священнику.

— Вот труд всей моей жизни. — Отец Люций нежно погладил мягкий переплет из кожи. — Японо-португальский словарь. Я составлял его с тех пор, как приехал в Японию, — больше десяти лет назад. Это ключ к их языку и образу мыслей. С помощью словаря братья по вере смогут донести слово Божье до каждого островка Японии.

Водянистые глазки иезуита загорелись огнем религиозного фанатизма.

— Джек, это единственный экземпляр. — Священник внимательно посмотрел на мальчика, прежде чем протянуть ему тетрадь. — Пообещай мне, что позаботишься о книге и, если я покину этот мир, передашь словарь Его преосвященству отцу Диего Бобадилле в Осаке.

— Обещаю, святой отец. — Джек не мог отказать умирающему. — Спасибо за доверие.

— Тебе спасибо. Ты хороший ученик, несмотря на еретические убеждения. Твоя мать, наверное, была прекрасной учительницей. С помощью Акико ты еще до Нового года будешь говорить по-японски не хуже настоящего японского мальчишки.

Отец Люций притворно улыбнулся и продолжил необычно сладким голосом:

— Может быть, ты, в свою очередь, позволишь мне заглянуть в дневник твоего отца? Боюсь, что мои дни на этом свете сочтены, и я был бы очень рад почитать о приключениях других людей.

Джек моментально напрягся. Неужели отец Люций предложил ему словарь лишь для того, чтобы получить карты?

Когда Масамото вернул Джеку тетрадь с картами, глаза иезуита загорелись алчным огнем. И с тех пор отец Люций не раз упоминал дневник во время уроков: в надежном ли он месте? где Джек хранит его? не расскажет ли Джек о приключениях отца? нельзя ли взглянуть на страничку из дневника?

— Простите, отец Люций, вы же знаете, это личное и единственное, что осталось у меня в память об отце.

— Знаю, знаю... Ладно. — Кажется, иезуит слишком утомился, чтобы настаивать. — Ты придешь завтра?

— Конечно, святой отец.

* * *

В тот день, сидя под вишневым деревом, Джек пролистал страницы словаря. Отец Люций недаром так гордился плодами своих трудов: в тетради были собраны японские слова с переводом на португальский, подробные грамматические пояснения, указания по произношению и заметки о правилах поведения — вот уж действительно труд всей жизни!

— Прошу прощения, Джек. — Акико перешла мостик и приблизилась к Джеку. — Надеюсь, я не помешала?

— Вовсе нет. — Джек отложил словарь. — Рад тебя видеть. А разве сегодня ты не пойдешь нырять за жемчугом?

— Нет, сегодня не пойду, — с некоторым разочарованием ответила она.

— Почему? Ведь обычно ты ходишь каждый день?

— Да... — Акико помедлила, явно взвешивая, можно ли сказать правду. Приняв решение, она опустилась на колени рядом с Джеком. — Мама говорит, что теперь я слишком большая, а женщине из сословия самураев неприлично собирать жемчуг.

— Неприлично? Почему?

— Слишком опасно. Иногда ныряльщиц уносит течением или акулы нападают. Поэтому этим занимаются только крестьяне.

— А ты тогда зачем нырjala?

— Мне нравится. — В глазах Акико загорелся огонь. — Под водой можно увидеть моллюсков, осьминогов, морских ежей и даже акул. Там я могу пой-

ти куда угодно и делать, что мне вздумается. Я свободна... такое восхитительное чувство...

— Прекрасно тебя понимаю, — кивнул Джек. — Я ощущал то же самое, когда «Александрия» шла под всеми парусами и мне позволяли стоять на носу. Казалось, что я мчусь по волнам и могу покорить весь мир!

Они задумчиво глядели на пожелтевшие листья вишневого дерева. Сквозь крону на лица падал солнечный свет.

— Сегодня тебе лучше? — прервала молчание Акико.

— Я прекрасно себя чувствую, спасибо. — Джек явно хорохорился.

Акико недоверчиво посмотрела на него.

— Вообще-то, нос болит ужасно, — наконец признался Джек. — Да и голова тоже, хотя сегодня уже не так сильно.

— Это я виновата. Нельзя было позволять тебе связываться... — Акико поклонилась. — Прошу прощения за поведение Ямато. Он не должен был так поступать.

— Да ты-то чего извиняешься? Ты вовсе не виновата.

— Это случилось в моем доме. Я уверена, что Ямато не нарочно тебя ударил. Просто увлекся.

— Не хотелось бы мне попасться ему под руку, когда он ударит нарочно! — воскликнул Джек.

— Джек, пойми, на Ямато очень давит отец. Масамото ожидает, что Ямато будет таким же искусным

самураем, как и его покойный брат. Однако это не оправдывает его поступок или то, что он называет тебя «гайдзин». Извини.

— Да хватит тебе за него извиняться! — Джек слегка разозлился. — И что с того, если он зовет меня гайдином?

— «Гайдзин» означает «варвар». Так мы называем диких чужеземцев. Теперь, когда ты стал членом семьи, Ямато не следует звать тебя таким грубым словом. Это оскорбление.

Из дома вышел Ямато — с боккэном за поясом. Отвесил нарочитый поклон в сторону Акико и полностью проигнорировал Джека.

Джек отложил словарь отца Люция и поднялся.

— Ты куда? — озабоченно спросила Акико.

— Потренируюсь немножко, — ответил Джек и подошел к Ямато, который начал второе упражнение.

— Тебе мало? Еще хочешь? — изумленно спросил Ямато, не прерывая тренировки.

— Почему бы нет? Хуже, чем вчера, не будет.

— А для гайдзина ты неробкого десятка, — с легкой насмешкой ответил Ямато и велел Дзиро принести второй боккэн.

— Повторяй за мной. Делай все точно так же, как я, — сказал Ямато, когда они оба взяли в руки оружие.

Он поставил ноги вместе, носки в стороны. Просунул боккэн за пояс слева и взялся за рукоять левой рукой, придерживая меч.

— Другой стороной. — Ямато кивнул на боккэн Джека. — Лезвие должно смотреть вверх: тогда, вытащив меч, ты сразу можешь нанести удар.

Джек повернул боккэн так, чтобы изогнутая сторона деревянного клинка смотрела вверх.

— Хорошо. Теперь смотри.

Ямато протянул правую руку и взялся за рукоять. Правая нога скользнула вперед, и он встал в широкую стойку. И в то же время вытянул из-за пояса боккэн, держа его обеими руками, и ударил сверху вниз. Сделал шаг вперед, подняв киссаки на уровень горла воображаемого противника. Закончив атаку, он резко повернул боккэн вправо, держа рукоять одной рукой. Затем поставил ноги вместе и аккуратно засунул меч за пояс.

— Твоя очередь.

Джек начал повторять движения Ямато, но не успел схватиться за рукоять, как его тут же прервали:

— Не так! Рука должна оставаться рядом с телом. Иначе тебе ее просто отрубят.

Джек попробовал снова. Ямато останавливал и поправлял его на каждом шагу. Джек скоро разозлился: столько всего нужно запомнить, да еще Ямато постоянно придирается!

— А зачем в конце поворачивать меч? — раздраженно спросил Джек.

— Это движение называется «тибури». Так стряхивают с лезвия кровь врага, — с кровожадной улыбкой пояснил Ямато.

* * *

Они до вечера повторяли одно-единственное ката. Мало-помалу Джек освоил каждый шаг и наконец смог выполнить все упражнение целиком — пока не очень гладко, однако самому главному он научился. Солнце уже садилось, когда Ямато решил закончить урок.

— Аригато, Ямато. — Джек вежливо поклонился.

— Домо, гайдзин.

— Меня зовут Джек. — Не мигая, Джек встретил высокомерный взгляд Ямато: пусть ведет себя вежливо, как полагается!

— Тебя зовут гайдзин, пока ты не докажешь обратного. — Ямато засунул боккэн за пояс, развернулся и, не ответив на поклон Джека, вошел в дом.

18. Победитель в трех схватках

На следующий день Джек пришел в сад пораньше. Ямато промолчал, однако Джек ясно дал понять, что никакие грубости не отобьют у него охоты заниматься.

Встав рядом с Джеком, Ямато принялся выполнять те же самые движения.

Он вовсе не был искусным воином и по-настоящему тренировался всего один год. Тем не менее Ямато определенно унаследовал воинские таланты отца и знал уже достаточно много, чтобы научить Джека основам *кэндо* — искусства владения мечом.

Шли дни, осень переходила в зиму, и у Джека получалось все лучше. Движения ката, сначала неуклюжие, постепенно стали плавными, и боккэн превратился в продолжение руки. Даже Ямато не мог отрицать успехи Джека: с каждым разом во время *рандори* Ямато приходилось прилагать все больше усилий для победы.

А вот Акико не одобряла тренировок с Ямато, считая, что лучше подождать, пока вернется Масамото, который научит Джека по всем правилам и без постоянных травм. Однако Акико быстро убедилась, что отговорить Джека невозможно, и терпеливо лечила его многочисленные порезы и синяки травяными мазями.

В качестве компромисса Акико настояла на том, что раз уж Джек хочет заниматься воинским искусством, то должен освоить и более важные умения настоящего самурая — в первую очередь правила этикета. Ведь теперь он сын Масамото и должен вести себя подобающим образом, чтобы не огорчать приемного отца.

Акико показала, как нужно кланяться, сидеть и вставать в присутствии самурая и хозяина дома; как нужно дарить и получать подарки — держа их обеими руками. А еще она помогала Джеку научиться лучше говорить по-японски и объясняла, как правильно обращаться к окружающим в зависимости от отношений с ними и их положения в обществе.

Во время уроков этикета с Акико Джеку казалось, что у него голова лопнет: столько всяких правил и обычаев! Того и гляди обидишь кого-нибудь ненароком!

Наверное, именно поэтому Джеку так нравились рандори с Ямато: по крайней мере, здесь ему позволялось в какой-то степени управлять своими действиями и судьбой.

* * *

В саду лежал тонкий слой первого снега.

— Победитель в трех схватках? — бросил вызов Джек.

— Почему бы нет, гайдзин? — Ямато принял боевую стойку.

Как обычно, Акико неодобрительно посмотрела на них и вернулась к уроку: она учила Дзиро обводить на снегу *кандзи*.

Джек проверил свою стойку и, перехватив меч поудобнее, поднял киссаки. Ямато тут же сделал выпад, чтобы отбить боккэн Джека в сторону. Джек уклонился от клинка и в свою очередь нанес удар.

Ямато без труда отбил атаку и ударил снизу вверх. Джек отпрыгнул назад: кончик меча едва не задел его подбородок. Акико охнула.

Ямато ринулся в атаку и сверху вниз ударил Джека по плечу. Джек сморщился от боли.

— Один — ноль в мою пользу! — самодовольно бросил Ямато.

Они снова встали в стойку.

На этот раз Джек не повторил свою ошибку и сразу перешел к нападению. Отбил в сторону боккэн противника и ударил прямо в лицо. Ямато отшатнулся, отчаянно стараясь уклониться от меча. И со всего маху ударил в ответ. Джеку пришлось отступить, избегая посыпавшихся со всех сторон ударов.

Джек опустил киссаки, намеренно подставляясь. Заметив это, Ямато высоко поднял меч и ударил в незащищенную голову противника. Джек скользнул

в сторону и нанес режущий удар поперек живота. Захваченный врасплох Ямато согнулся пополам.

Дзиро, который с началом рандори совсем потерял интерес к уроку кандзи, громко завопил:

— Джек выиграл! Первый раз! Джек выиграл!

— Один — один, — сказал Джек, помогая подняться с трудом дышащему противнику.

— Тебе повезло, гайдзин, — задыхаясь, ответил Ямато и стряхнул с себя руку Джека.

Разозленный неудачей, Ямато нарушил этикет и бросился в атаку, не дожидаясь соприкосновения клинков. Отбил в сторону боккэн Джека и нанес удар в шею. Джеку едва удалось уклониться и отскочить назад, увеличивая дистанцию. Ямато ударил по ногам, заставив Джека подпрыгнуть над лезвием. Едва не потеряв равновесие, Джек каким-то чудом все же сумел парировать удар в живот.

— Ямато! — укоризненно воскликнула Акико, однако тот пропустил это мимо ушей.

Ямато ударил боккэном снизу вверх по мечу Джека — меч вылетел из рук, и Джек остался безоружным. Тогда Ямато изо всех сил пнул противника в грудь. Джек отлетел к вишневному дереву. Продолжая атаковать, Ямато ударил мечом, целясь прямо в голову. В последний момент Джек чисто инстинктивно пригнулся — от удара ствол задрожал, и с веток посыпался снег.

«Шутки кончились», — подумал Джек. Он бросился в атаку, изо всех сил ударив Ямато плечом в живот. Ямато упал на спину, и Джек рухнул на него сверху.

— Хватит! Да хватит вам! — умоляла Акико. Дзиро восторженно подпрыгивал, наблюдая за схваткой.

Джек откатился в сторону.

Где же боккэн?

Заметив лежащий возле мостика боккэн, Джек рванулся за ним. Ямато закричал во все горло и с мечом наготове погнался за Джеком.

Джек схватил оружие и, не обращая внимания на призывы Акико прекратить схватку, пробежал мимо нее на мостик. Ямато гнался за Джеком по пятам. Повернувшись кругом, Джек ударил приближающегося Ямато в голову. Тот тоже хотел нанести удар в голову, и боккэны столкнулись и замерли — у самого горла противников.

— Ничья! — восхищенно завопил Дзиро.

В этот момент появился Така-сан, и мальчики опустили мечи.

— Джек-кун! Отец Люций просит тебя прийти. Срочно, — сказал Така-сан.

Джек понял, что это означает. Поклонился Ямато и Акико и торопливо последовал за Така-саном.

Войдя в комнату отца Люция, Джек почувствовал невыносимую вонь рвоты, застарелого пота и мочи — здесь пахло смертью.

В полумраке едва теплилась свеча. В дальнем углу тяжело дышал священник.

— Отец Люций?

Джек осторожно приблизился к темной фигуре, распростертой на футоне. В темноте он задел за что-

то ногой — это было ведро, полное рвоты. Джека чуть не вывернуло наизнанку, однако он сдержался и подошел к постели.

Огонек свечи затрепетал и вдруг разгорелся: Джек увидел осунувшееся лицо священника. Бледная, покрытая бусинками пота кожа отдавала синевой. Клоchy редких, седеющих волос прилипли к ввалившимся щекам. Губы потрескались и кровоточили, под глазами залегли черные круги.

— Отец Люций? — позвал Джек. Может, священник уже отлучился?

— Джек? — прохрипел отец Люций и облизал потрескавшиеся губы.

— Да, святой отец?

— Я должен попросить у тебя прощения...

— За что?

— Прости меня, Джек... хотя ты и сын еретика, у тебя есть душа...

Священник говорил короткими фразами, с трудом переводя дух. Джек слушал, с жалостью глядя на больного. Этот португалец-иезуит — последнее, что связывало его с внешним миром. Джек уважал священника, несмотря на постоянные проповеди. Да и отец Люций ныне относился к мальчику гораздо лучше, хотя тот по-прежнему отказывался принять католическую веру.

— Я был несправедлив к тебе... Мне нравились наши уроки... жаль, что я не могу спасти тебя...

— Не беспокойтесь, святой отец, — утешил его Джек. — Мой собственный Бог присмотрит за мной — а ваш за вами.

Отец Люций всхлипнул.

— Прости... я должен был им сказать... моя обязанность... — простонал он.

— Что именно вы сказали? И кому? — спросил Джек.

— Пойми меня... я не знал, что за это они готовы на убийство... Господи помилуй...

— Что? Что вы говорите?

Священник шевелил губами, пытаясь сказать что-то еще, однако слов разобрать не удавалось.

Едва слышно кашлянув, отец Люций испустил дух.

19. Возвращение Масамото

Вишневое дерево сбросило все листья, и его силуэт чернел на фоне неба. Голые ветви покрывал снег. Джек гулял по саду. Смертельная опасность, казалось, нависла со всех сторон. Что означали слова отца Люция? Неужели он говорил о картах? В таком случае Джеку грозила опасность.

Его размышления прервал раздавшийся за спиной голосок:

— Мне жаль, что отец Люций умер. Ты, наверное, очень расстроен.

В простом белом кимоно Акико выглядела снежинкой в белоснежном мире.

— Спасибо за участие, — поклонился Джек. — Однако вряд ли отец Люций был моим другом.

— Почему ты так говоришь? — ахнула Акико, ужаснувшись такой бесчувственности.

Джек втянул в себя воздух.

Можно ли доверять Акико? Можно ли здесь вообще хоть кому-нибудь доверять?

Но ведь ближе Акико у него никого нет. И ему больше не к кому обратиться.

— Перед тем как умереть, отец Люций сказал очень странную фразу, — объяснил Джек. — Намекнул, что кто-то хочет меня убить, и умер в слезах, умоляя Бога о прощении.

— Джек, да зачем кому бы то ни было тебя убивать? — Акико недоверчиво сморщила носик.

Джек внимательно посмотрел на нее. Можно ли довериться ей настолько, чтобы рассказать о картах? Нет, не стоит говорить всю правду. По крайней мере, не сейчас. Карты отца — единственная ценная вещь, которая у него осталась. Похоже, они очень нужны кому-то. Однако он не знает, кому именно, и в таком случае чем меньше людей посвящено в тайну, тем лучше.

— Не знаю, — соврал Джек. — Может, за то, что я гайдзин.

— И кому ты нужен?

— Я не знаю! Отец Люций умер, прежде чем успел что-то добавить.

— Мы должны об этом рассказать.

— Нет! Кто мне поверит? Скажут, что старик просто бредил перед смертью.

— Ты же поверил. — Акико уставилась на Джека изучающим взглядом. Она понимала, что Джек что-то скрывает, но японский этикет запрещал задавать вопросы напрямую.

Джек пожал плечами:

— Наверное, мне слышалось.

— Понятно. — Акико не стала настаивать. — А на случай, если ты все услышал правильно, ночью положи рядом с постелью боккэн. Я попрошу маму не гасить один фонарь — скажу, что меня кошмары мучают. Тогда если посторонним вздумается залезть в дом, то они подумают, будто кто-то не спит.

— Спасибо, Акико. Ничего не случится, — ответил Джек, не веря собственным словам.

Однако он оказался прав: ничего не случилось.

Отца Люция похоронили по католическому обряду, и Джек вернулся к привычному распорядку дня: уроки японского с Акико и занятия кэндзюцу с Ямато.

Так прошло несколько дней. Потом верховой го-нец привез письмо: через неделю Масамото возвращался в Тоба.

В доме началась суматоха. Хироко лично сходила на рынок и купила все, что любит Масамото, а также наняла повару помощников для приготовления праздничного ужина. Тиро убирала, стирала, готовила комнату Масамото к его приезду. Уэкия подметал дорожки в саду и, несмотря на разгар зимы, как-то ухитрился навести там красоту.

В последний вечер перед приездом Масамото все легли спать рано, чтобы проснуться утром свежими и отдохнувшими. От возбуждения Дзиро прыгал чуть не до потолка, и Хироко с трудом удалось его успокоить.

А вот Ямато, наоборот, помрачнел. Он допоздна тренировался с мечом: чтобы заслужить похвалу отца, нужно произвести на него впечатление.

Джек улегся на футон. Сквозь сёдзи виднелся приглушенный свет ночного фонаря. В голове крутилось множество вопросов. Чего ждет от него Масамото? Требуется ли от Джека то же самое, что и от Ямато — проявить себя? Придется ли ему сражаться на мечах? Или выдержать экзамен на знание японского языка? А может, и то, и другое, и третье? Хуже всего было бы нарушить этикет и обидеть кого-нибудь.

Масамото явно не из тех, кому можно задавать вопросы, и чуть что рубит головы, не задумываясь. Он суровый и резкий. А шрамы-то какие жуткие! Интересно, что с ним случилось?

Тем не менее окружающие относились к Масамото с уважением. Акико считала, что он «один из величайших самураев всех времен». Масамото сумел вылечить сломанную руку Джека — чего не умеют лучшие хирурги в Европе. Нет, Масамото не так прост, как кажется, — шрамы на лице и мастерское владение мечом еще далеко не все.

На мгновение фонарь закрыла черная тень. Джек произвольно напрягся, однако никого не увидел. Шагов тоже не слышно.

Наверное, Ямато прошел в свою комнату. Или ветерок подул.

Джек перевернулся на другой бок. Закрыв глаза и, как обычно по ночам, представил себе, что стоит на носу «Александрии»: они вернулись в Англию, достигнув цели, и отец ведет корабль, а трюм забит золотом, шелком и специями, и Джесс машет им рукой с пристани...

Джек почувствовал, как по комнате скользнула еще одна тень, и открыл глаза. За его спиной сёдзи тихонько раздвинулись.

Никто никогда не входил к нему в комнату по ночам. Со всей осторожностью Джек потянулся за лежащим возле футаона боккэном. Задержал дыхание и внимательно прислушался.

Деревянная веранда определенно заскрипела. Чья-то нога едва слышно наступила на *татами* — кто-то вошел в его комнату.

Джек мгновенно скатился с футаона, встал на колени и, защищаясь, поднял меч. Серебристая молния пролетела мимо головы мальчика, и *сюрикэн* воткнулся в деревянный столб.

Джек замер: прямо перед ним сидел на корточках одетый во все черное воин — и смотрел на Джека единственным зеленым глазом.

— Докуган Рю! — в изумлении воскликнул Джек.

20. Фихо

Услышав свое имя, Глаз дракона на мгновение растерялся.

Джек воспользовался моментом: одолеть ниндзя надежды нет, однако еще есть шанс убежать. Джек всем телом ударил в стену спальни — тонкие деревянные брусья сломались, бумага порвалась, и он вылетел на улицу. Слегка оглушенный, поднялся на ноги, схватил боккэн и, не оглядываясь, побежал к веранде.

В саду мелькнули еще две тени, третья входила в одну из комнат.

Акико! Ее нужно предупредить!

Шум сломанной сёдзи разбудил весь дом: на веранду вышел заспанный повар, чтобы посмотреть, что стряслось. Он недоуменно уставился сонными глазами на бегущего навстречу гайдзина — Джек почти налетел на него и лишь в последний момент успел увернуться.

И в ту же секунду второй сюрикэн пролетел над плечом мальчика и вонзился в шею повара. На его

лице появилось удивленное выражение: из-за шока он еще не чувствовал боли от перерезанного горла. Булькнув нечто невнятное, повар замертво повалился на землю.

Джек продолжал бежать, Докуган Рю мчался за ним по пятам.

Изменив направление, Джек нырнул в открытую сёдзи — откуда вышел размахивающий двумя мечами Така-сан. Внезапное появление самурая захватило Докугана Рю врасплох. Така-сан, храбрый и бывалый воин, одним взглядом оценил ситуацию и нанес расчетливый удар в голову ниндзя. Докуган Рю уклонился от меча, легко изогнувшись, словно травинка на ветру. Клинок Така-сана свистнул в воздухе, едва не задев заброшенное лицо ниндзя.

Докуган Рю извернулся и с быстротой молнии пнул Така-сана в живот — самурай отлетел, врезавшись в ближайшую колонну. Выхватив *ниндзято* из ножен на спине, Глаз дракона перешел в атаку. Меч ниндзя, в отличие от катаны самурая, имел характерную квадратную гарду и прямое, более короткое лезвие — однако не становился от этого менее смертоносным. Докуган Рю и не собирался щадить противника.

Така-сан в свою очередь ответил на атаку градом безжалостных ударов, заставляя Докугана Рю отступить.

Тем временем Джек уже был в комнате — где наткнулся на второго ниндзя. К счастью для мальчика, этот ниндзя стоял к нему спиной и отчаянно сражался с кем-то еще. Его противник вдруг споткнулся и

упал. Да это же Ямато! Побледневший от страха, он не сводил глаз с ниндзя, который уже поднял меч для последнего удара.

— Не-е-ет! — закричал Джек.

Страх, боль, злость и недоумение, которые испытывал Джек со дня смерти отца, смешались в этом крике и вырвались на поверхность, как извержение вулкана.

Ниндзя убили отца, друзей и команду «Александрии», а теперь напали на единственных близких людей Джека!.. Волна злости подхватила его, и он, не задумываясь, атаковал ниндзя.

Ошеломленный ниндзя обернулся, с мечом наготове, но Джек, собрав все силы, уже вонзил боккэн в державшую меч руку. Послышался тошнотворный треск сломанной кости, и ниндзя завопил от боли.

Джек развернул боккэн для новой атаки, старательно припоминая все, чему его научил Ямато. И нанес удар в голову.

Каким-то чудом ниндзя уклонился, откатившись в сторону, и поднял выпавший меч здоровой рукой. Сломанная правая рука висела плетью, и ниндзя оскалился на Джека.

Джек вдруг осознал, что происходит, и попятился: он сражается не с кем-нибудь, а с ниндзя!

Ниндзя перехватил меч поудобнее, — кажется, ему непривычно держать оружие левой рукой. Лишь бы суметь использовать это крохотное преимущество! Джек понимал, что второго шанса не будет.

Но куда нанести удар? Ниндзя мгновенно парировал все атаки Джека.

И тогда он вспомнил поединок Масамото — вспомнил уловку, на которую попался Годай.

Джек опустил киссаки, притворяясь побежденным, как это сделал Масамото.

Ниндзя, предчувствуя легкую победу, зашипел и скользнул вперед. Замахнулся мечом, целясь в голову. В последний момент Джек отступил в сторону и нанес режущий удар боккэном поперек живота. Ниндзя мешком повалился на колени, задыхаясь, как зарезанный кабан. Джек развернул меч по кругу, изо всех сил опустив его на затылок противника. Потерявший сознание ниндзя со стуком упал на татами.

Пораженный собственной силой, Джек стоял над распростертым телом. Боккэн дрожал в руках, все тело тряслось от возбуждения.

— Где ты научился этому приему? — спросил Ямато, торопливо поднимаясь на ноги.

— У твоего отца, — с трудом ответил Джек: во рту пересохло.

— Аригато, гайдз... Джек, — сказал Ямато, намеренно поправившись, и отвесил короткий, но вежливый поклон. Их взгляды встретились — и на мгновение мальчики стали друзьями.

— Мы должны спасти Акико! — воскликнул Джек, нарушая молчание.

— Хай!* — согласился Ямато и побежал на улицу.

Джек мчался следом.

* Да! (яп.)

Было слышно, как Така-сан все еще сражается с Докуганом Рю. Оглянувшись через плечо, Джек увидел, что Така-сан теснит противника, заставляя его отступить к мостику.

— Послушай! — выдохнул Ямато. Однако в комнате Акико царила зловещая тишина.

Ямато отодвинул сёдзи: на татами лежало бездыханное тело, из-под которого расплывалась лужа крови.

— Нет! Акико! — закричал Джек.

Она лежала лицом вниз, раскинув руки, словно пыталась убежать от смерти. Джек упал на колени рядом с телом, и в глазах набухли горячие злые слезы. Перевернув ее лицом вверх, Джек увидел фарфоровое личико Тиро — и поднял взгляд на Ямато: а где же Акико?

В соседней комнате послышался шум. Мальчики торопливо рванули в ту сторону: Акико сражалась не с одним, а с двумя ниндзя! В одной руке она держала короткий шест, а в другой свой оби.

Один ниндзя размахивал коротким танто, а второй — ниндзято. И нападали они одновременно.

Не медля ни секунды, Акико бросила длинную ленту оби в глаза нападающего с ниндзято и на мгновение ослепила его. Ниндзя с танто ринулся в атаку, нанося удар в лицо. Одним плавным движением Акико парировала удар с помощью шеста, шагнула между ниндзя и рубанула нападающего рукой по шее. Оглушенный ниндзя выронил танто и отшатнулся к стене.

Его напарник ядовито зашипел и замахнулся на девочку мечом. Акико обернулась, проворно намотала оби на державшую клинок руку ниндзя и резко дернула — и в результате меч оказался направлен прямо на нее!

Джек предостерегающе закричал. Однако Акико ловко увернулась от клинка и намеренно направила его на другого ниндзя. Нападающий уже настолько потерял равновесие, что не мог остановиться, и меч вошел в грудь его товарища.

Все произошло в мгновение ока: не успели Джек и Ямато войти в комнату, как схватка закончилась. Ниндзя поспешно вытянул меч, но было поздно: захлебываясь кровью, его напарник замертво упал на татами.

Ниндзя обернулся и увидел трех детей: мальчика, девочку и гайдзина! Они стояли плечом к плечу, с оружием наготове. Ошарашенный такой смелостью, нападавший бросил взгляд на мертвого товарища и сбежал.

— Как это ты ухитрилась? — пробормотал Джек, удивленный ловкостью Акико.

— Джек, японские женщины умеют не только красиво одеваться! — с негодованием воскликнула Акико.

Снаружи закричал Така-сан.

— Быстрее! Ему нужна наша помощь! — скомандовала Акико.

Они выбежали в сад как раз вовремя: Докутан Рю вонзил меч в Така-сана. Все трое завопили что было сил и одновременно набросились на ниндзя.

Докуган Рю отступил в сторону, вытащил меч из тела самурая и повернулся к нападающим. Така-сан рухнул на землю, схватившись за распоротый живот. Джек, Акико и Ямато окружили раненого защитным кольцом.

— Юные самураи! Ну надо же! — засмеялся позабавленный Докуган Рю: трое детишек размахивают мечами! — Однако возраст смерти не помеха! — зловеще добавил он.

Еще двое ниндзя появились из темноты, готовые к бою. Джек заметил, что один из них прижимает к груди сломанную руку.

«Вот черт, надо было сильнее ударить!» — подумал Джек.

— Тетрадь, — прошипел Докуган Рю, злобно уставившись на Джека единственным зеленым глазом. — Где тетрадь?

27. *Иттэн ити рю*

— *У* меня ее нет, — не задумываясь соврал Джек. — Отец Люций забрал.

Акико и Ямато посмотрели друг на друга: так это из-за Джека на них напали!

— Врешь! — ответил Докуган Рю. — Если бы она была у отца Люция, мы бы сюда не пришли.

Вдруг раздался тоненький свист, и что-то мягко стукнуло. Ниндзя со сломанной рукой ткнулся лицом в снег: в спине торчала стрела.

— Масамото! — прорычал Докуган Рю.

В сад ворвался Масамото с обнаженными мечами, а следом за ним четверо самураев. Еще трое протопали по веранде, накладывая стрелы на тетиву.

— В другой раз, гайдзин! — пообещал Докуган Рю и бросился через мостик вместе с оставшимся в живых ниндзя.

Над головой засвистели стрелы, и Ямато прижал Джека и Акико к земле. Первая стрела попала отстающему ниндзя в ногу, вторая — в горло. Третья была

направлена в Докугана Рю, который с кошачьей ловкостью запрыгнул на вишневое дерево, — стрела пролетела ниже и вонзилась в ствол. Докуган Рю повис на нижней ветке, стряхнув целую лавину снега, и мастерски перепрыгнул через стену, растворившись в ночной темноте.

— Черт возьми, кто это был? — спросил подошедший Масамото.

— Глаз дракона, — ответил Джек.

— Докуган Рю? — недоверчиво переспросил Масамото и закричал ближайшему самураю: — Развернуться веером! Обезопасить дом. Поднять всех самураев в округе. В память о моем сыне Тэнно найти этого Дракона и уничтожить!

Старший рывкнул слова команды, и самураи исчезли в ночи. Подозвав грузного самурая из дома, Масамото обернулся к Джеку, Акико и Ямато.

— Это Кума-сан, один из моих самых преданных воинов. Он присмотрит за вами. Акико, не волнуйся за Така-сана, — сказал Масамото, заметив тревогу девочки. — Им займутся. А теперь идите!

На следующий день Джека, Акико и Ямато пригласили к Масамото.

— Садитесь, — коротко приказал он.

Масамото, как и раньше, сидел на возвышении, однако выглядел встревоженным больше обычного: шрамы сильнее выделялись на коже, а голос стал хриплым и напряженным.

Хироко налила Масамото сэпча.

— Докугана Рю не поймали, — без предисловий сообщил он, явно раздосадованный неудачей своих слуг. — Еще вчера мои разведчики доложили о ниндзя, замеченных в деревне Мацудзака, в десяти *ри* отсюда. Мы гнали лошадей как могли, однако спасти Тиро уже не успели.

Хироко всхлипнула. Масамото сделал ей знак потихоньку выйти. Все знали, что Хироко очень переживает гибель верной служанки.

— Масамото-сама, а как себя чувствует Така-сан? — спросила Акико.

— Неплохо, Акико-тян. Рана глубокая, однако мне сказали, что со временем он выздоровеет. Докуган Рю — опасный противник, и Така-сан доблестно сражался.

Масамото внимательно посмотрел на всех троих.

— Така-сану повезло, что рядом оказались вы. Вы проявили истинный дух *бусидо*. Джек-кун, ты знаешь, что это такое?

— Нет, Масамото-сама, — ответил Джек и поклонился, как его учила Акико.

— «Бусидо» означает «Путь воина». Это кодекс самурая — он нигде не записан, и его нельзя выразить словами. Это наш образ жизни. Бусидо можно познать только действием.

Масамото сделал большой глоток сэнча и продолжил:

— Семь добродетелей бусидо: порядочность, храбрость, доброта, уважение, честность, благородство и

преданность. Вчера каждый из вас проявил все эти качества.

Масамото помолчал, давая подросткам возможность вдуматься в сказанное. Все трое благодарно поклонились.

— И все же у меня есть один вопрос. Я никак не могу понять, зачем Докуган Рю снова появился в этих местах. Мне не верится, что он работает на врагов моего даймё. Враги нам больше не грозят: я своей рукой убил тех, кто организовал попытку покушения. Надо полагать, Докуган Рю получил новое задание, однако как оно связано с моей семьей, остается только догадываться. Докуган Рю не дал вам никакого намека на причину, которая заставила его ворваться в этот дом?

Джек молчал. Под взглядом Масамото ему внезапно стало жарко.

Следует ли рассказать правду про карты? Ведь отец строго-настрого приказал хранить их в тайне! И до тех пор, пока Джек не узнает, кому они понадобились, нельзя говорить правду никому, даже Масамото.

— Джек... — начал Ямато.

Акико свирепо посмотрела на него, ясно давая понять, что об этом Джек должен рассказать сам.

— Да, Ямато?

— Джек... — Ямато запнулся. — Он спас мне жизнь. Победил ниндзя, пользуясь только боккэном.

— Джек-кун, ты умеешь обращаться с оружием? Ну надо же, ты превзошел все мои ожидания! — удивлен-

но воскликнул Масамото, на время забыв про Докугана Рю. — Я с первого взгляда понял, что у тебя сильный характер, — в тебе настоящий дух бусидо.

— Обращаться с боккэном меня научил Ямато, — ответил Джек, стараясь похвалить Ямато перед отцом, а также надеясь увести разговор в сторону от карт.

— Прекрасно. Однако какой же из Ямато учитель! Беззлобное, но необдуманное замечание Масамото глубоко ранило сына.

Джеку стало жаль мальчика: что бы ни делал Ямато, ему никак не удавалось заслужить уважение отца. А вот отец Джека не упускал возможности похвалить сына. И как бы отец гордился сейчас: Джек победил ниндзя!.. От мысли об отце Джека пронзила острая боль.

— Джек-кун, ты доказал, что достоин следовать по Пути воина. И я решил, что ты будешь учиться вместе с Ямато в Нитэн ити рю, моей «Школе единства двух небес». Что бы ни задумал Докуган Рю, под моим присмотром ты будешь в бóльшей безопасности. Завтра мы выезжаем в Киото.

22. Токайдо

Не успело взойти солнце, как Джека разбудили стук копыт и громкие команды: возле дома остановился отряд самураев.

Джек собрал скудные пожитки: запасное кимоно и пояс, пару носков, сандалии, боккэн и, самое главное, тетрадь отца. Словарь отца Люция Джек тоже взял, помня свое обещание доставить его, когда подвернется шанс, отцу Бобадилле в Осаку. В последний раз убедившись, что тетрадь лежит на дне заплечного мешка, подальше от любопытных глаз, Джек вышел на веранду.

Зимнее небо покрывала тонкая оранжевая дымка, вишневое дерево темным силуэтом выступало на фоне заснеженного пейзажа. В стволе все еще торчала стрела, напоминая о том, что Докуган Рю скрывался где-то поблизости, мечтая заполучить карту. Джек вздрогнул от утреннего морозца и обхватил себя руками.

— Доброе утро, Джек-кун.

Шаркая ногами, подошел Уэкия и низко поклонился.

— Доброе утро, Уэкия-сан. Что это вы так рано встали?

— Джек-кун, прими от меня скромный подарок...

Старик вручил Джеку деревянную коробку. Подняв крышку, мальчик увидел крошечное растение в горшочке.

— Что это? — спросил Джек.

— *Бонсай*, — ответил садовник. — Вишневое деревце — такое же, как у нас в саду.

Джек внимательно посмотрел на растение: точь-в-точь вишневое дерево, только размером с ладонь!

— *Сакура* цветет в апреле, — с любовью произнес Уэкия. — Цветы сакуры прекрасны и недолговечны, как сама жизнь.

— Аригато, Уэкия-сан. Однако мне нечем отблагодарить вас.

— Не важно. Ты каждый день доставлял мне огромное удовольствие, когда любовался моим садом. Чего еще старому садовнику нужно?

— Джек-кун! — позвала Хироко, выбегая из дома. — Поторопись. Пора ехать.

— Когда будешь жить в Киото, смотри на деревце и вспоминай старого Уэкия и его садик.

— Обязательно, — пообещал Джек и благодарно поклонился, понимая, что будет скучать по этому саду, по деревянному мостику над ручейком, по струйке водопада, а больше всего по тенистому вишневому дереву.

Хироко повела Джека к воротам. Мальчик бросил последний взгляд через плечо: старик согнулся в низком поклоне, показывая свое уважение, и стоял так неподвижно, словно рос прямо из земли.

— А как мне ухаживать за бонсаем? — крикнул Джек.

Уэкия поднял взгляд.

— Подрезай его и понемножку поливай каждый день... — начал садовник, однако Джек повернул за угол и больше ничего не услышал.

Хироко вывела мальчика за ворота: там собрался конный отряд самураев, заканчивая последние приготовления к походу. Во главе колонны, рядом с Масамото, Ямато садился на лошадь.

— Погоди минутку, Джек-кун, — попросила Хироко, исчезая в доме.

Вернулась она с аккуратно свернутым кимоно темно-красного цвета.

— Оно понадобится тебе для праздников и церемоний. На нем вышит феникс — герб клана Масамото. — Огорченная отъездом Джека, Хироко проследила за ним. — В Киото, под присмотром Масамото-сама, ты будешь в большей безопасности, чем здесь.

— Аригато, Хироко-сан, — ответил Джек, принимая подарок обеими руками и восхищенно его разглядывая. — Какая красота!

К Джеку подъехал плотно сложенный самурай с кустистыми бровями и усищами, которые словно росли прямо из носа. Одет он был в темно-коричневое кимоно и куртку для верховой езды. Когда самурай

приблизился, Джек узнал в нем Кума-сана, преданного слугу Масамото.

— Джек-кун! Поедешь со мной, — приказал Кума-сан и похлопал по седлу позади себя.

Заплечный мешок со своими вещами, включая новое кимоно и коробку с бонсаем, Джек уложил в седельную сумку. Кума-сан протянул руку, помогая мальчику сесть на лошадь, и передал ему толстый плащ для защиты от холода.

— Не забывай мыться! — напомнила Хироко, грустно улыбнувшись на прощание.

Лошадь зарысила к голове колонны. В глазах вдруг зашипало, и Джек сморгнул горячие слезы. Как жаль уезжать из Тоба! Здесь был его дом с тех пор, как он попал в Японию. И кто знает, удастся ли сюда вернуться.

Джек помахал Хироко, и она поклонилась в ответ.

А где же Акико? Куда она пропала? Надо с ней попрощаться!.. Джек отчаянно завертел головой: с лошади-то теперь не слезешь!

Наконец он заметил девочку в группе верховых самураев: она ехала на белом жеребце — том самом, которого Джек увидел в первое утро пребывания в Японии.

— Акико! — закричал Джек. — А я боялся, что не увижу тебя и не смогу попрощаться.

— Прощаться? — Акико недоуменно посмотрела на Джека. — Да ведь и я еду в Киото!

— Как? Мы же едем учиться в школе самураев!

— Джек, женщины тоже самураи! — Акико обиженно посмотрела на Джека и пришпорила жеребца, не дожидаясь ответа.

Прозвучала команда «Икинасай!»*, и колонна всадников тронулась в путь.

Джек заметил, что кто-то бежит рядом с лошадьёю.

— До свидания, Дзэку Фурэтя! — с восторгом завопил Дзиро.

— До свидания, Дзиро! — помахал в ответ Джек.

Отряд поехал вверх по склону, и мальчонка затеялся в снежных вихрях.

Колонна выехала на вершину холмов над бухтой и, петляя среди рисовых полей, добралась до узкой грунтовой дороги. Перед спуском Джек в последний раз оглянулся на порт Тоба: какой же он маленький и лодочки кажутся лепестками в пруду! Под лучами утреннего солнца красные ворота в бухте ярко горели. А потом все исчезло за склоном холма.

Кума-сан сказал Джеку, что до Киото сорок ри — около ста пятидесяти километров. Отряд будет ехать до обеда, а после обеда нужно успеть добраться до деревни Хисай. Оттуда в Камэяма, где они выйдут на главную дорогу, Токайдо, и свернут в глубь острова, чтобы подойти к Киото со стороны южного берега озера Бива. Путешествие займет три дня.

Дорога казалась пустынной, однако вдоль нее местами кипела жизнь. В прибрежных поселках стояли на приколе лодки, рыбаки чинили сети. Крестьяне на

* Поехали! (яп.)

рисовых полях копались в замерзшей земле. На рынке торговали овощами. Полудикие собаки с лаем гнались за колонной. По дороге шагал одинокий торговец с товаром на спине.

Джек заметил, что при приближении Масамото с отрядом крестьяне склоняются в почтительном поклоне и не поднимают головы, пока не пройдет вся колонна.

Когда они остановились на обед в придорожной гостинице, Джек отыскал Акико: она возилась с конем.

— Какой великолепный жеребец, — сказал Джек, все еще смущенный своей бестактностью во время отъезда и не зная, с чего начать разговор.

— Он принадлежал моему отцу, — ответила Акико, не глядя на Джека.

— Твоему отцу? А что с ним случилось?

— Мой отец Датэ Кэнсин был великим воином, но погиб от руки врагов. Ему не позволили совершить сэппуку, а значит, он умер позорной смертью.

— Прости, пожалуйста, я не знал... — Джек запнулся. — А что такое сэппуку?

— Ритуальное самоубийство. Почетная смерть... Ничего, ты меня не обидел. С тех пор прошло много лет. Этот конь и мечи в доме матери — все, что от него осталось.

Джек вспомнил красные с черным мечи, висевшие на стене в столовой. И подумал о единственной вещи, оставшейся от его собственного отца, — ко-

жаной тетради. В глазах Акико Джек увидел ту же самую горечь потери, которую сам испытывал каждый день.

— Все равно извини. — Джеку захотелось утешить девочку. — За сегодняшнее утро тоже. Я тебя расстроил. Откуда же мне было знать, что женщина может быть самураем? В Англии сражаются только мужчины.

— Извинения приняты, Джек. — Акико поклонилась, и ее лицо посветлело. — Порой я забываю, что ты не японец.

— Да как же такое забудешь? Разве у кого-то еще есть светлые волосы и огромный нос? — Джек махнул на толпившихся самураев — черноволосых и с мелкими чертами лица.

Джек и Акико расхохотались.

Один из самураев подошел к ним. Озадаченно посмотрел на смеющихся ребят и вручил им по чашке вареного риса с сушеной рыбой.

Усевшись обедать, Акико сказала:

— Джек, женщины-самураи были всегда. Шестисот лет назад, во времена войны Гэмпэй, жила Томоз Годзэн, чьи подвиги прославлены в «Хэйкэ моногатари».

— Хэйкэ чего? — пробормотал Джек с полным ртом.

— «Хэйкэ мо-но-га-та-ри», повесть о борьбе между кланами Тайра и Минамото за власть в Японии. Томоз Годзэн была верховным военачальником могущественного даймё Минамото Ёсинака. Она уча-

ствовала в битвах и сражалась так же искусно и доблестно, как и самураи-мужчины.

— Интересно, — сказал Джек, захватывая палочками очередную порцию копченой рыбы. — И как она выглядела?

— В «Хэйкэ моногатари» говорится, что Томоз была настоящей красавицей, с белой кожей и длинными волосами. Она прекрасно стреляла из лука, а в бою на мечах стояла тысячи воинов и была готова сразиться хоть с богом, хоть с чертом — хоть пешим, хоть конным.

— Прямо-таки непобедимая воительница!

— Многие самураи убедились в этом на собственной шкуре. Некоторые считали, что она воплощение богини рек и поэтому такая сильная.

Поставив чашку, Акико посмотрела Джеку в глаза:

— Никто не мог сравниться с Томоз в умении укрощать диких лошадей, а также невредимой спускаться с крутых склонов. Перед началом каждой битвы Ёсинака посылал на разведку именно ее. Томоз владела мечом и луком и совершила больше подвигов, чем любой другой воин.

Ошеломленный Джек молчал. Акико говорила с такой пылкостью, что за ее словами стояло не просто уважение к Томоз Годзэн: Акико и сама явно хотела чего-то достигнуть.

— О какой тетради говорил Докуган Рю? — вдруг спросила Акико, понизив голос, чтобы обедавшие поблизости самураи не услышали.

— Н-н-не знаю, — пробормотал Джек, захваченный врасплох прямым вопросом. Он понимал, что такой ответ никуда не годится. С тех пор как Джек решил ничего не говорить о карте, его все время мучила совесть.

— Но ведь Докуган Рю потребовал ее у тебя! Что это?

— Да так, ничего...

— Джек, это «ничего» очень даже чего, если Докуган Рю рискует ради него жизнью... а Тиро из-за этого убили! — Голос Акико зазвенел, и несколько сидевших рядом самураев посмотрели в их сторону. Выдавив беззаботную улыбку, Акико склонила голову, извиняясь за неуместное проявление чувств, и самурай вернулись к еде.

Джек молча смотрел на Акико. Можно ли ей доверять?

Придется. Ведь она его единственный друг.

— Это дневник моего отца, — наконец признался он.

— Дневник?

— Ну, не совсем. Это путеводитель по всем океанам. Тот, кто им владеет, становится хозяином морей, — пояснил Джек. — Эти знания бесценны, и в них моя единственная надежда добраться домой.

— Тогда почему ты не сказал об этом Масамото?

— Потому что отец взял с меня клятву хранить дневник в тайне. Чем больше людей знают о его существовании, тем большая опасность грозит нам всем. Я не знаю, кому доверять.

— Мне можно. Ведь я же промолчала ради тебя — и Ямато тоже. Не волнуйся, я болтать не буду.

— А Ямато? — спросил Джек.

В голове колонны раздалась громкая команда. Самураи торопливо приготовились к выступлению.

— Нам пора, — сказала Акико, не ответив на вопрос.

Подъехал Кума-сан, Акико вскочила на своего жеребца, и Джеку не удалось получить от нее ответ.

Длинной, организованной цепочкой, по двое в ряд, самураи поехали по дороге.

К наступлению темноты они добрались до деревни Хисай.

На следующее утро встали рано и быстро доехали до Камэяма — шумного городка на пути между Эдо и Киото, где отряд наконец вышел на Токайдо.

Большой торговый тракт оказался всего лишь широкой тропой, хотя и с весьма оживленным движением: торговцы, самураи, паломники. Усталые носильщики грелись у костров. Некоторые тащили на спине большие квадратные торбы, прячась от солнца под остроконечными соломенными шляпами. Другие закрывали головы узорчатыми повязками и несли заплечные мешки. Немногочисленные всадники все были самураями. Привыкшего к английским дорогам Джека удивило полное отсутствие телег или каких бы то ни было конных повозок.

Джек заметил, что вдоль дороги часто попадаются холмики, по обеим сторонам которых посажены деревья.

— Кума-сан, что это такое? — спросил он.

— Указатели расстояния. Мы в семнадцати ри от Киото, — объяснил Кума-сан.

Возле указателей иногда сидел торговец с товарами или стоял придорожный трактир, предлагавший трапезу и ночлег. На дереве возле одного из холмиков висел чайник, и дряхлый старик продавал свежезаваренный сэнча.

Вдруг послышался отдаленный крик «На колени! На колени!»; впереди отряда пешеходы прыснули на обочину и распростерлись на земле.

— Джек-кун, быстро слезай с лошади и кланяйся! — торопливо приказал Кума-сан.

Джек сделал, как велено; Кума-сан тоже слез и склонился в поклоне.

Старик торговец был явно глух и предупреждения не услышал. Занятый завариванием чая, он не заметил, что все остальные низко кланяются.

Пытаясь привлечь внимание старика, Джек приподнялся, однако Кума-сан резко дернул его вниз — как раз в тот момент, когда мимо проносился самурай верхом на лошади. Меч охранника свистнул прямо над головой Джека. Злобно сверкнув глазами на мальчишку, самурай снова поднял меч и, не замедляя хода, отрубил голову старику торговцу.

Отряд верховых самураев промчался мимо, возвещая приближение парадно одетых самураев и пеших слуг с голубыми, желтыми и золотистыми флагами. Посреди процессии четверо взмокших носиль-

щиков в набедренных повязках несли до блеска отполированный паланкин*.

Когда процессия проходила мимо, Джек краем глаза увидел сидевшего в паланкине человека: тот и взглядом не удостоил распростертое в пыли тело старика.

— Кто это был? — прошептал Джек, ошеломленный увиденным.

— Его светлость даймё Камакура Кацуро возвращается в Эдо, — со злобой в голосе ответил Кумасан. — Он не прощает неуважительного отношения.

Процессия шествовала по Токайдо, разбрасывая в стороны пешеходов, словно осенние листья.

* Паланкин — на Востоке: крытые носилки как средство передвижения знатных лиц, богачей.

23. Бутоку-дэн

- Джек-кун! Киото! — Кума-сан пихнул задремавшего Джека. — Сердце Японии, где проживает Его величество император.

Джек открыл глаза. Дорога привела к грандиозному деревянному мосту, перекинутому через широкую неторопливую реку. По мосту текли непривычно пестрые и шумные потоки людей. Заметив Масамото и его отряд, толпа расступилась, словно волна, разбивающаяся об утес, и все дружно склонились в поклоне.

За мостом простирался город Киото: особняки, храмы, дома, сады и гостиницы теснились на дне долины, с трех сторон окруженной горами. Покрытые кедрами склоны гор усеивали святилища. К северо-востоку от города высился величественный пик, на котором виднелись остатки разрушенного храма.

Акико и Ямато подошли к Джеку.

— Гора Хиэй, — пояснила Акико. — На ней стоял Энрюкудзи, самый могущественный буддийский монастырь Японии.

— И что же с ним случилось? — поинтересовался Джек, удивленный сотнями выжженных зданий, храмов и построек на склоне горы.

— Сорок лет назад полководец Нобунага напал на монастырь и сжег его дотла, — ответил Кума-сан. — И убил всех монахов.

— За что?

— Когда построили Киото, император Камму основал на горе Хиэй монастырь, чтобы защитить город от злых духов, — объяснила Акико. — Монахи должны были охранять Киото.

— И у них даже была собственная армия из сохэй, — добавил Ямато.

— Кто такие сохэй?

— Свирепые и прекрасно обученные воины-монахи, — ответил Кума-сан. — Они правили Киото, а Нобунага решил отнять у них город. Войско Нобунага напало на монастырь и одержало победу над монахами.

— Так ведь они же охраняли Киото! Зачем тогда Нобунага разрушил монастырь? — недоумевал Джек.

— Вовсе не Нобунага уничтожил монастырь! — горячо возразил Кума-сан. — Монахи слишком разбогатели, стали жадными и забрали всю власть в свои руки. Монастырь сам себя уничтожил!

— А теперь кто защищает Киото от злых духов?

— Джек, монастырей здесь хватает: Киото — город храмов, — пояснила Акико. — Видишь, вон на том крутом склоне чуть виднеется над верхушками

деревьев Киёмидзу-дэра, храм Чистой воды. Он охраняет исток реки Кидзу, Отова-но-таки.

— Что такое Отова-но-таки?

— Это водопад Шелест крыльев. Говорят, что вода из него помогает вылечить любую болезнь.

Джек не сводил глаз с высоченной пагоды*, пока она не скрылась из виду.

Отряд неторопливо пробирался по извилистым переулкам Киото, и Акико показывала Джеку разные храмы и святилища: без них не обходилась ни одна улица. Наконец дорога привела путешественников на мощеную площадь, над которой возвышалась величественная деревянная арка с позолоченной крышей. По обе стороны ворот на добрые полмили тянулись глиняные стены, украшенные сверху синезеленой черепицей. За ними прятались здания.

— Киото госё, — почтительно выдохнула Акико.

— Императорский дворец, — пояснил Ямато, заметив недоумение Джека. — Мы проезжаем мимо резиденции живого бога, императора Японии.

Масамото коротко поклонился в сторону дворца, свернул налево и поехал вдоль стены по широкому проезду, затем вновь повернул в узкие городские улочки. Отряд последовал за ним, и вскоре они оказались перед еще одной крепостью.

Толстые белые стены на каменном основании окружали трехэтажный замок. Перед стенами был вырыт широкий ров, на всех четырех углах стояли

* Пагода — буддийский храм.

огромные башни, защищавшие главные ворота и подъездные пути. Замок выглядел неприступным.

— Приехали, — сказал Кума-сан.

— Мы будем жить в крепости? — удивился Джек.

— Нет, это замок Нидзё. Там живет даймё Такатоми, — с гордостью заявил Кума-сан. — Мы направляемся в Бутоку-дэн.

Отряд спешился.

Разгружая седельную сумку, Джек тихонько спросил Акико:

— Что такое Бутоку-дэн?

— «Дворец воинской морали», — шепотом объяснила Акико. — Здесь находится *gogzё*, то есть тренировочный зал, Масамото. Его школа Нитэн ити рю — лучшая школа фехтования в Киото и единственная, принадлежащая самому даймё Такатоми. Здесь мы будем изучать бусидо — Путь воина.

На противоположной стороне улицы стояло большое прямоугольное здание из темного кипариса. Его глиняные стены покрывали два ряда красновато-коричневой черепицы. В середине выдавались резные ворота с большим гербом феникса.

Масамото ждал Акико, Ямато и Джека под пылающими крыльями мифической птицы.

— Добро пожаловать в Нитэн ити рю, — торжественно произнес Масамото.

Все трое поклонились, и Масамото завел их в здание.

Еще с улицы Джек услышал громкие крики «киай!», доносившиеся из Бутоку-дэн.

Когда Масамото вошел в додзё, раздался резкий приказ «Рэй!»*, и все ученики мгновенно замерли на месте. Стало так тихо, что слышно было дыхание. Затем все, как один, склонились в почтительном поклоне.

— Можете продолжать! — велел Масамото.

— Аригато годзаимасита, Масамото-сама!** — прокатился по залу оглушительный ответ, эхом отражаясь от стен.

Ученики, около сорока человек, вернулись к упражнениям: кихон, ката и рандори. Свет склонявшегося к закату солнца лился в узкие, заклеенные бумагой окна, придавая происходящему таинственность: на янтарного цвета деревянном полу тени словно сражались, повторяя движения тренирующихся.

У Джекахватило дух. Округлые колонны из кипариса, высокий потолок, церемониальный трон в полукруглой нише — Бутоку-дэн излучал ни с чем несравнимую мощь. Даже ученики, аккуратными рядами сидевшие на полу вокруг тренировочной площадки, выглядели полностью погруженными в занятия. Вот уж действительно дворец будущих воинов!

Постепенно, как затихающая буря, все звуки в додзё вновь стихли. Джек удивился: кто-то еще пришел? И тут он с беспокойством заметил, что ученики прекратили тренировку и уставились на него со

* Поклониться! (яп.)

** Благодарим покорно, Ваша светлость господин Масамото! (яп.)

смесью изумления, недоверия и открытого презрения во взгляде: белобрысый гайдзин посмел вторгнуться в их додзё!

Масамото, повернувшись к ученикам спиной, разговаривал с каким-то сурового вида самураем.

Джеку показалось, что взгляды учеников вонзаются в него, как стрелы.

— Почему остановились? — недовольно спросил Масамото, будто не замечая присутствия Джека. — Продолжайте тренировку.

Ученики вернулись к занятиям, время от времени украдкой поглядывая на Джека.

— Пойдемте, — сказал Масамото Джеку, Акико и Ямато. — Сэнсэй Хосокава покажет вам ваши комнаты. У меня дела, так что увидимся только вечером, во время торжественного ужина в Тё-но-ма.

Они поклонились Масамото и вышли из додзё через заднюю дверь. Сэнсэй Хосокава провел их через дворик ко Дворцу львов — длинному строению с множеством крохотных комнат. Оставив обувь у дверей, они прошли по узкому коридору.

— Это ваши комнаты. — Хосокава-сан показал на необставленные клетушки размером едва в три татами. — Умывальни в задней части дома. Когда умоетесь и переоденетесь, я отведу вас на ужин.

Джек вошел в свою комнату и закрыл за собой сёдзи.

Сбросив заплечный мешок, он поставил бонсай на узкую полочку под крошечным решетчатым оконцем. Огляделся в поисках потайного места, где мож-

но хранить карты: за отсутствием мебели оставалось только засунуть тетрадь под расстеленный на полу футон. Джек похлопал по матрасу и повалился на него сверху, измученный нелегким трехдневным путешествием.

Налетела волна ужаса, руки непроизвольно затряслись.

Что он здесь делает?

Он же никакой не самурай!

Его зовут Джек Флетчер, он английский мальчик, который мечтал стать штурманом, как отец, и открывать чудеса Нового Света. А вместо этого застрял в чужом мире, попал учеником в школу самураев и прячется от одноглазого ниндзя.

Джек почувствовал себя ягненком, которого ведут на бойню: все ученики школы выглядели так, словно готовы разорвать его на части.

24. Наставники

-Юные самураи! — Голос Масамото оглушительно прозвучал на весь Тё-но-ма, Зал бабочек — длинное помещение, украшенное искусными изображениями бабочек и сакуры. Скрестив ноги, Масамото сидел за внушительным столом из полированного кедра, стоявшим на помосте. С четырех сторон его окружали самураи в церемониальных кимоно. — К бусидо следует относиться со всей серьезностью!

Джек, Ямато и Акико вместе с сотней других учеников, получивших позволение учиться в школе Масамото Такэси, внимательно слушали.

— Чтобы стать самураем, нужно победить себя, вынести боль изнурительных тренировок и научиться сохранять присутствие духа в опасности, — провозгласил Масамото. — Путь воина длится всю жизнь, а мастерство подчас заключается именно в том, чтобы не свернуть*. Вам потребуются упорство, дисциплина и бесстрашие.

* Строчи-Хеклер, Ричард. «В поисках духа воина» (цит. по пер. с англ. Л.В. Махалиной). — *Примеч. авт.*

Масамото неторопливо отхлебнул глоточек сэпча, давая возможность сидевшим аккуратными рядами вдоль зала ученикам вдуматься в сказанное.

— А еще вам потребуются наставники. Без них вы пропадете: вас ослепляет невежество, оглушает неопытность и неумение связывает вам язык.

Масамото снова замолчал, оглядывая комнату, чтобы убедиться, что его слова достигли цели. Джек, сидевший в самом конце зала, тем не менее почувствовал на себе тяжесть взгляда Масамото.

— Дуб начинается с побега, башня в девять ярусов — с горсти земли, путешествие в тысячу ли — с первого шага*, — продолжал Масамото чуть теплее. — Чтобы помочь вам сделать этот первый шаг, а также все остальные, я представляю ваших наставников. Рэй!

Ученики склонились до самого татами в знак почтения.

— Прежде всего, сэнсэй Хосокава, мастер кэндзюцу и боккэна.

Масамото кивнул самураю справа от него, тому самому, который показал Джеку, Акико и Ямато их комнаты. Хосокава выглядел свирепым воином: пронизывающий взгляд, короткая бородка клинышком и черные как смоль волосы, собранные в традиционный узел на макушке.

— Вместе со мной Хосокава-сэнсэй будет учить вас искусству владения мечом; если вы добьетесь успеха, мы передадим вам технику «Двух небес».

* Лао-Цзы. «Дао Дэ Дзин» (цит. по пер. с кит. О. Борушко). — *Примеч. авт.*

Сэнсэй Хосокава пристально оглядел каждого ученика, словно прикидывая, имеет ли тот право здесь находиться. Затем наклонил голову — надо полагать, удовлетворенный осмотром.

Джеку стало интересно, что это за техника такая. Он хотел спросить у Акико, однако увидел, что она, как и все остальные, не сводит глаз с Масамото и наставников.

— Справа от сэнсэя Хосокава сидит сэнсэй Ямада, знаток *гзэн* и медитации.

Лысый человек с длинной седой бородкой и сморщенным лицом дремал в дальнем конце стола. Худой и высокий, как побег бамбука, он был так стар, что даже брови поседели.

«Да ему лет семьдесят, как минимум», — прикинул Джек.

— Сэнсэй Ямада? — мягко позвал Масамото.

— Хай! Додзо, Масамото-сама*. Хорошо знать, что у твоего путешествия существует конец; но в конце концов, самое главное — это само путешествие**.

— Мудрая мысль, сэнсэй, — отозвался Масамото.

Сэнсэй Ямада кивнул и, похоже, снова задремал. Джек позавидовал той легкости, с которой старик забылся сном в столь неудобном положении: у него самого от сидения на коленях уже болели ноги.

— Сиди смирно, — прошептала Акико, заметив ерзанье Джека. — Ты ведешь себя неприлично!

* Да! Спасибо, уважаемый господин Масамото (яп.).

** Ле Гуин, Урсула «Левая рука Тьмы» (цит. по пер. с англ. И. Тогоевой). — *Примеч. авт.*

«Сочувствия от нее не дождешься! — подумал Джек. — Эти японцы, наверное, так и рождаются, сидя на коленях!»

Масамото повернулся к молодой женщине слева.

— А теперь позвольте представить — сэнсэй Ёса, наставник по *кюдзюцу* и верховой езде.

Сэнсэй Ёса была одета в красное с бежевым кимоно, украшенное гербом из луны и двух звезд. Ее черные волосы струящимся водопадом поблескивали в свете многочисленных фонарей, висевших на стенах Тё-но-ма. Джек мгновенно забыл о боли в коленках и завороченно уставился на воительницу.

— Сэнсэй Ёса один из лучших мастеров в искусстве стрельбы из лука, — объявил Масамото. — Я бы даже сказал, что она самый искусный лучник в Японии. Вам достался наставник всем на зависть.

Сэнсэй Ёса поклонилась, не сводя карих глаз с учеников: оглядывала одного за другим, словно рассчитывая расстояние и траекторию. Джеку она напомнила ловчего сокола: такая же грациозная, изящная и в то же время смертельно опасная. Когда сэнсэй Ёса откинулась назад и убрала волосы с лица, то показался уродливый ярко-красный шрам, рассекавший правую скулу по всей длине.

— И наконец, последним по счету, но не по важности разрешите представить сэнсэя Кюдзо, мастера *тайдзюцу*.

Слева от сэнсэя Ёса сидел человек с крохотными глазками и жиденькими усиками под толстым плоским носом.

— Сэнсэй Кюдзо научит вас всему, что необходимо знать в рукопашной схватке: удары ногами и руками, броски, блоки и приемы борьбы. То, что вы узнаете от него, поможет вам овладеть всем остальным.

Джек глазам своим не поверил: сэнсэй Кюдзо был не больше ребенка — вот так наставник по рукопашному бою!.. Многие новички смотрели на сэнсэя с таким же недоверием.

Старик раздраженно поклонился. И тут Джек увидел, что сэнсэй Кюдзо щелкает орехи голыми руками! Один за другим он неторопливо брал большие орехи из красной лакированной чашки и сдавливал их пальцами. Выбирал из расколотого ореха сердцевину и тянулся за следующим.

Закончив церемонию представления, Масамото сделал знак ученикам еще раз поклониться преподавателям.

— Однако Путь воина — это не только воинские искусства и медитация, — продолжал Масамото. — Вы должны постоянно жить в соответствии с бусидо — кодексом поведения самурая. Вы всегда должны вести себя храбро и порядочно. И я ожидаю от вас честности, благородства и преданности — во всем. Вы обязаны уважать друг друга. Каждый ученик школы Нитэн ити рю выбран мной лично, и каждый достоин вашего уважения.

Джек почувствовал, что последнее замечание сделано специально ради него, и многие ученики обернулись к нему. Какой-то заносчивый на вид мальчишка с бритой головой, высокими скулами и тяжело

нависшими веками бросил на Джека злобный взгляд. На черном кимоно мальчишки горел герб красного солнца.

— Завтра начнутся занятия. Тем из вас, кто уже проучился здесь год или больше, тоже не помешает освежить свои знания. Никогда не допускайте мысли, что вам все известно. Вы всего лишь делаете первый шаг! — Масамото ударил кулаком по столу, чтобы подчеркнуть сказанное. — Имея достаточно времени, любой может овладеть физическими приемами. Обладая достаточным знанием, каждый может стать мудрецом. И только по-настоящему преданный своему делу воин способен овладеть и тем, и другим, достигнув истинной цели бусидо*. Школа Нитэн ити рю — это ваш путь к совершенству. Учитесь сегодня, чтобы выжить завтра!

Масамото поклонился ученикам, которые ответили оглушительным криком «Масамото! Масамото! Масамото!».

Когда крики затихли, открылись входные сёдзи и слуги внесли длинные лакированные столики. Ученики встали, освобождая место для двух рядов столиков посреди зала.

Негласная, но строгая иерархия диктовала, кому где сидеть: самые старшие ученики расположились рядом со столом преподавателей, а новички — возле

* «Имея достаточно времени, любой может овладеть физическими приемами. Обладая достаточным знанием, каждый может стать мудрецом. И только истинный воин может овладеть и тем, и другим, превзойдя их» — изречение буддийской секты Тьен тай. — *Примеч. авт.*

входа. Джек, Ямато и Акико, одетая в зеленое кимоно с гербом отца, цветком сакуры, прошли в самый конец вместе с семнадцатью новичками.

Джек был одет в темно-красное кимоно, которое ему подарила Хироко, когда он уезжал из Тоба. Герб клана Масамото на одежде придавал Джеку сил, отгоняя страхи: герб с фениксом защищал его невидимой броней, не давая другим ученикам приблизиться или вести себя агрессивно. Они просто настороженно наблюдали за Джеком.

Только Джек собрался сесть, как к нему лениво подошел тот самый мальчишка с гербом солнца на кимоно.

— Гайдзин, это мое место, — вызывающе заявил он.

Все ученики обернулись, чтобы посмотреть, как поступит белобрысый гайдзин.

Джек расправил плечи.

Мальчики сверлили друг друга взглядами. Секунды тянулись бесконечно долго. Потом Джек почувствовал легкое прикосновение: Акико взяла его за локоть и тянула прочь.

— Да пожалуйста, — ответил Джек. — Что-то здесь запашок какой-то...

Намек заставил мальчишку раздуть ноздри и бросить злобный взгляд на двух насмешливо фыркнувших учеников.

— Джек, нельзя так оскорблять людей, — прошептала Акико, торопливо ведя Джека к столу, за которым сидел Ямато. — Не стоит заводить себе врагов — особенно в стенах Нитэн ити рю!

25. Сияющий

— Он первый начал! — сказал Джек, сидя между Акико и Ямато.

— Не важно, — ответила Акико. — Все дело в лице.

— В лице? — переспросил Джек, однако Акико не успела ответить: слуги принесли подносы с едой и расставили их на столе. Суп *мисо*, жареная лапша, маринованные овощи, разные виды сырой рыбы, мягкие белые кубики *тофу*, чашечки с соленой жидкостью темного цвета — соевым соусом, как объяснила Акико, — и несколько порций еще дымящегося вареного риса — Джек никогда не видел такого разнообразия блюд. Уже одно это говорило о важности происходящего.

— Итадакимас!* — громко сказал Масамото, когда слуги расставили угощение.

— Итадакимас! — отозвались ученики, принимаясь за еду.

* Приятного аппетита! (яп.)

Джек не знал, с чего начать. Взял хаси и старательно ухватил их поудобнее. Хотя он уже по привычке ест палочками, маленькие кусочки удавалось подцепить с большим трудом.

— Ты что-то говорила насчет лица, — напомнил Джек, выбирая суси.

— Да. Для японца очень важно не потерять лицо.

— Потерять? — изумился Джек.

— Имеется в виду вовсе не часть тела, — объяснил Ямато. — Лицо — это то, как другие воспринимают положение человека в обществе, оно означает власть и влияние. Необходимо во что бы то ни стало сохранять лицо, иначе человек лишается авторитета и уважения.

— Ты заставил того мальчика потерять лицо перед другими учениками, — поддакнула Акико.

— Ну и ладно, подумаешь! Да кто он вообще такой? — Джек пожал плечами, показывая хаси на мальчишку.

Тот уставился на Джека злобно прищуренными глазами.

— Нельзя так делать! — выругала Джека Акико.

— Как так?

— Не показывай на него хаси. Это очень невежливо! — сказала Акико, раздраженная постоянными промахами Джека. — И не оставляй хаси в чашке с рисом!

— О господи, в этом-то что плохого? — воскликнул Джек, торопливо вытаскивая торчавшие из риса палочки. Японскому этикету научиться невозможно!

Любое действие, даже самое мелкое и незначительное, требовало постоянного внимания.

Джек внезапно заметил, что все сидевшие за столом смотрят на него. Он опустил взгляд в чашку и принялся клевать палочками содержимое.

— Это означает, что кто-то умер, — тихонько объяснила Акико и поклонилась. — Хаси втыкают в рис только во время похорон. Потом чашку ставят у изголовья умершего, чтобы ему не пришлось голодать в загробном мире.

— Чего ж ты мне раньше не сказала? — шепотом огрызнулся Джек. — Что бы я ни сделал, вы всё считаете невежливым. Приехали бы вы в Англию, и ваши манеры сочли бы весьма странными! Вы тоже могли бы кого-нибудь обидеть.

— Прости меня, Джек, — застенчиво сказала Акико, склоняя голову. — Это я виновата, что не научила тебя.

— Да хватит тебе извиняться! — завопил Джек и в отчаянии схватился за голову.

Акико застыла. Джек поднял глаза: ученики за его столом изо всех сил делали вид, что ничего не замечают, однако было яснее ясного, что говорить таким тоном с Акико отнюдь не следовало. Ямато смотрел на Джека убийственным взглядом, но молчал.

— Извини, Акико, — пробормотал Джек. — Ты пыталась мне помочь... Просто ужасно трудно все время говорить, думать и жить как японец.

— Я понимаю, Джек. Приятного аппетита, — безучастно ответила она.

Джек по очереди пробовал все блюда, не чувствуя вкуса, огорченный тем, что расстроил Акико. Хуже того — накричал на нее в присутствии других. Из-за этого она наверняка потеряла лицо. Подняв взгляд, Джек увидел, что мальчишка в кимоно с гербом солнца все так же злобно смотрит в его сторону.

— Акико, — склонив голову, заговорил Джек достаточно громким голосом, чтобы услышали окружающие. — Прости меня, пожалуйста, за мое поведение. Я все еще не отошел от путешествия.

— Извинения приняты, Джек, — ответила Акико, и атмосфера за столом мгновенно изменилась: все опять завели вежливые беседы.

— Скажи, пожалуйста, а кто этот мальчик? — спросил Джек, обрадованный, что ему удалось в какой-то мере восстановить мир и согласие. «Кажется, я начинаю разбираться в тонкостях японского этикета», — подумал он.

— Не знаю, — ответила Акико.

— Я знаю! — с энтузиазмом откликнулся мальчишка, сидевший напротив Джека. — Он тоже новичок, в одном классе с нами. Его зовут Ода Кадзуки, он сын даймё Ода Сатоси и родственник императорской семьи — поэтому и носит кимоно с императорским гербом. Некоторые считают клан Ода весьма могущественным и высокопоставленным. Даймё назвал сына «Кадзуки», то есть «Сияющий».

Все в изумлении уставились на мальчишку, который, ничуть не смущаясь, продолжал говорить. Выглядел он совершенно непримечательно: на пухлом

лице выделялись только черные гусеницы мохнатых бровей, застывших в вечно удивленном положении.

— Прошу прощения, — поклонился мальчишка. — Я не представился. Меня зовут Сабуро, я третий сын Симадзу Хидэо. На нашем гербе два соколиных крыла, которые символизируют быстроту, грациозность и чувство собственного достоинства, присущие этой птице. Мой брат Таро — вон он сидит возле стола преподавателей — один из лучших учеников школы в искусстве владения мечом. В этом году он будет изучать технику «Двух небес»...

— Очень рад с тобой познакомиться, — вежливо прервал его Ямато. — Меня зовут Ямато, я сын Масамото Такэси. Это моя двоюродная сестра Акико. А это Джек, он приехал с другого конца света.

Акико и Джек по очереди поклонились, когда Ямато их представил.

— А! Тот самый гайдзин, которого спас Масамото. — Сабуро настороженно кивнул Джеку и отвернулся к Ямато. — Я тоже очень рад с тобой познакомиться. Непременно расскажу матери, что ужинал рядом с оставшимся в живых сыном Масамото. Бедный Тэнно, какое горе! Мой брат был с ним знаком, они часто тренировались вместе...

— А как зовут твою подругу? — торопливо вмешалась Акико, заметив, что Ямато помрачнел при упоминании о смерти Тэнно.

Слева от Сабуро сидела девочка с волосами до плеч и карими глазами. Не успела она открыть рот, как Сабуро ответил за нее:

— Это Кику, вторая дочь Имагава Хироми, знаменитого жреца дзэн. — Все поклонились, но Сабуро не унимался: — Интересно, кто будет вести у нас первый урок? Хорошо бы нам досталась сэнсэй Ёса! Она прямо-таки воплощение богини. Наша собственная Томоэ Годзэн!

Джек заметил, что Акико покорило такое упоминание ее любимой воительницы, и он торопливо перевел разговор на другое:

— Сабуро, а что такое техника «Двух небес»?

— Ну, это секретная техника Масамото...

Однако Сабуро больше ничего объяснить не успел: Масамото завершил ужин, громогласно провозгласив «Готисо-сама!»*.

Послышалась команда «Рэй!», все дружно встали и поклонились. Масамото и наставники прошли через Тё-но-ма и исчезли в темноте. За ними, в порядке старшинства, молча последовали ученики.

Джек с облегчением покинул Зал бабочек и вдохнул холодный свежий воздух: больше никто не пялится на гайдзина! Весь вечер, стоило Джеку поднять глаза, Кадзуки бросал на него насмешливый взгляд и говорил что-то о «гайдзине», а сидевшие с ним рядом ученики смеялись.

Джек плелся за Акико, Ямато и Кику, от которых не отставал разговорчивый Сабуро. Посмотрев на звездное небо, Джек попытался найти показанные

* Спасибо за угощение! (яп.)

отцом созвездия — пояс Ориона и Большую Медведицу, звезду Беллатрикс...

Вдруг прямо перед Джеком, преграждая ему дорогу, появился Кадзуки.

— Эй, гайдзин, ты куда?

— Спать, Кадзуки. Как и все остальные, — ответил Джек, сделав попытку обойти задиру.

— Ну ты, гайдзин, кто тебе разрешал называть меня по имени? — Кадзуки с силой толкнул Джека.

Джек потерял равновесие и врезался в подкрававшегося сзади другого мальчишку.

— А, теперь ты еще и Нобу обидел! Проси прощения у нас обоих!

— За что это я должен просить прощения?! — Джек попытался пройти мимо, но громадный как борец сумо Нобу и не подумал сдвинуться с места.

— А ты нахал! Не хочешь извиняться? Тогда будешь наказан! — пригрозил Кадзуки.

Нобу хрустнул пальцами, словно собираясь нанести удар, однако Джек не отступал.

— Только попробуй! — вызывающе крикнул он.

Бросив взгляд через плечо Кадзуки, Джек увидел, что Акико, Ямато и остальные уже вошли во Дворец львов, и его храбрость стала стремительно испаряться.

— Что, гайдзин, все ушли? — злорадствовал Кадзуки. — Теперь ты видишь, что Масамото не всегда может за тебя заступиться? Да и кто поверит какому-то гайдзину?

Кадзуки резко ухватил Джека за левое запястье и повернул его. Джек мгновенно упал на колени, отчаянно пытаясь избежать нестерпимой боли в руке.

— Во-первых, проси прощения за то, что сел на мое место. Во-вторых, ты нагрубил мне в присутствии моих друзей. В-третьих, нанес оскорбление, показав на меня палочками. Проси прощения! — потребовал Кадзуки, все сильнее выворачивая кисть Джека и вызывая приступы невыносимой боли. — Гайдзин, проси прощения!

— Пошел к черту! — выругался Джек по-английски.

— Что ты сказал? — переспросил Кадзуки, озадаченный непонятными словами. — Смотри у меня, гайдзин. Как бы ты не пострадал еще до начала тренировок!

Кадзуки сильнее скрутил кисть, боль обожгла руку до самого плеча, и Джек упал лицом вниз, не в состоянии пошевелиться. Намеренно задирая руку Джека вверх, Кадзуки завел ее ему за спину, заставляя ткнуться лицом в землю.

— Что, гайдзин, нравятся червячки? Такие, как ты, лучшей еды не заслуживают! — дразнил Кадзуки. — Секреты нашего боевого искусства не для гайdziнов! Ты здесь чужой, убирайся отсюда!

Кадзуки вывернул руку еще немного, и Джек почувствовал, что она вот-вот сломается.

— Сэнсэй идет! — предупредил Нобу.

Кадзуки вскочил, отпуская Джека.

— В другой раз, гайдзин!

Кадзуки и Нобу скрылись за углом Тё-но-ма.

Джек лежал на земле, прижимая к груди руку. Последние слова Кадзуки — «В другой раз, гайдзин!» — заставили его задрожать: то же самое крикнул на прощание Докуган Рю.

Боль утихла, и Джек осторожно подвигал рукой: цела, хотя все еще нестерпимо болит. Пока он нянчился с больной рукой, к нему подошел сэнсэй Ямада, встал, опираясь на бамбуковую палочку, и посмотрел на Джека, словно на жучка со сломанным крыльшком.

— Чтобы по тебе топтались, нужно лежать на земле*, — безразлично сказал он и неторопливо пошел дальше шаркающей походкой.

— В каком это смысле? — спросил Джек, однако старик даже не обернулся, и ответом стал только затихающий стук трости по каменным плитам двора.

* Вейр, Брайан. — *Примеч. авт.*

26. Победить меч

— Ой!

Джек потер голени и, хромая, вошел в Бутоку-дэн. Положил боккэн с краю, где уже лежало оружие других, и осторожно опустился на колени возле Ямато, сидевшего в ряду учеников.

Акико вошла вместе с Кику и поклонилась. Сабуро торопливо влетел за ними и тут же вскрикнул:

— Ой!

Запрыгал по полу и, закусив от боли губу, сел в ряд учеников.

Сэнсэй Хосокава стоял у входа, размахивая синаем, бамбуковым мечом для тренировок в кэндзюцу, и придирчиво оглядывая остальных новичков, входящих в додзё на первый утренний урок. Еще трое получили по ногам.

— Воинское искусство не должно начинаться на входе в додзё и заканчиваться на выходе из него! — оглушительно рявкнул сэнсэй, когда последний ученик присоединился к ряду испуганных мальчишек и

девчонок. — Каждый раз, когда входите в додзё, кланяйтесь, держа меч высоко поднятым! Всякий, кто тащится нога за ногу, сутулится или ловит ворон, отведает моего синая!

Все немедленно выпрямились — еще попадет за то, что сутулишься!

Сэнсэй Хосокава прошелся по додзё, пристально разглядывая будущих самураев. Подойдя к Джеку, он остановился.

Джек поднял глаза: Хосокава оценивающе смотрел на него.

— Сэнсэй Масамото сказал мне, что ты победил ниндзя, пользуясь только боккэном. Это правда?

— Ну... хай... кажется, победил...

— Хай, сэнсэй! — рявкнул Хосокава.

Джек торопливо извинился, ниже сгибаясь в поклоне. Вот ведь идиот! Совсем забыл, как нужно обращаться к старшему!

— Хай, сэнсэй. Я помогал Ямато и...

— Прекрасно, — оборвал его Хосокава. — Ты испугался?

Джек не знал, какого ответа ждет Хосокава. Бросив взгляд на остальных учеников, он увидел, что все на него глазеют.

Стоит ли признаться, что он перепугался до смерти? И подумал, что ниндзя проткнет его мечом насквозь? Или задушит, как отца задушили...

Кадзуки насмешливо скалился: а ну послушаем, как гайдзин признается в трусости! Потом Джек пой-

мал взгляд Акико: она тихонько кивнула, словно призывая его сказать правду.

— Хай, сэнсэй, — осторожно подтвердил Джек.

— А как же иначе! — согласился Хосокава. — Встретить ниндзя лицом к лицу — здесь есть чего бояться!

Джек облегченно вздохнул, когда сэнсэй пошел дальше.

— Смелость — это не отсутствие страха, а понимание, что есть нечто более важное, чем страх*. Для Джека его преданность Ямато оказалась сильнее страха. Таким и должен быть самурай.

Неожиданная похвала заставила Джека раздуться от гордости, а вот Кадзуки ужасно разозлился.

— Джек проявил смелость, преодолел страх и таким образом взял верх над своим противником, — продолжил сэнсэй Хосокава. — Прекрасное начало для изучения... — Он замолк на полуслове.

Опоздавший на урок Нобу тяжело топал через двор, поправляя на ходу кимоно и неуклюже зажав боккэн под мышкой. Сэнсэй подошел к двери и остановился в ожидании.

Все ученики точно знали, что сейчас произойдет. Нобу продолжал бежать, не догадываясь о предстоящем наказании.

— Ой-ёй!

Сэнсэй Хосокава с такой силой ударил Нобу си-наем по обеим ногам, что мальчишка полетел носом в пол, выпустив боккэн. Среди учеников слышались

* Редмун, Амброс Холлингуорз. — *Примеч. авт.*

лись сдержанные смешки, которые сэнсэй пресек суровым взглядом.

— Вставай! Больше никогда не опаздывай на мой урок! — Хосокава отвесил Нобу увесистый пинок по задней части. — И не вздумай еще раз явиться в додзё в таком виде!

Сгорающий от стыда Нобу торопливо поднялся и, не переставая кланяться, поспешил занять место в ряду учеников.

— Что ж, теперь, когда все наконец собрались, можно начинать тренировку. Возьмите боккэны и встаньте в три ряда — подальше друг от друга, чтобы вы могли размахивать мечом.

Ученики поклонились и неуклюже встали в три неровные ряда.

— Это еще что такое? — завопил Хосокава. — Всем десять отжиманий! Кадзуки, считай!

Все упали на пол и начали отрабатывать наказание.

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять!..

— В следующий раз, когда я отдаю команду, выполнять ее нужно бегом! И строиться в ровные ряды!

От напряжения руки Джека слегка дрожали, однако, несмотря на вчерашнюю пытку, два года лазания по мачтам даром не прошли, и он даже не вспотел. А вот некоторым силенок не хватало; кое-кто сдался. Кадзуки продолжал отжиматься как ни в чем ни бывало и дышал по-прежнему ровно.

— Восемь! Девять! Десять!

— Построиться!

Все вскочили на ноги и помчались выполнять команду.

— Уже лучше. Во-первых, я хочу, чтобы вы просто подержали боккэн в руках.

Джек взял меч в точности как учил Ямато.

— А где твой боккэн? — вдруг спросил Хосокава у похожего на мышку мальчика, который тихонько стоял позади всех.

— Забыл, сэнсэй, — испуганно ответил он.

— Как тебя зовут?

— Ёри.

— Ну, Ёри, и какой же из тебя получится самурай? — с отворачиванием бросил Хосокава.

— Не знаю, сэнсэй.

— Я тебе скажу: мертвый, вот какой!.. Иди возьми запасной боккэн.

Ёри поспешно бросился к задней стене додзё, где чего только не было: мечи, ножи, копья, шесты и еще много всякого оружия, которого Джек в жизни не видал.

— Я хочу, чтобы для начала вы просто почувствовали боккэн. Подержите его. Обратите внимание на вес, форму и центр тяжести. Покрутите меч — только не заденьте стены, пол и окружающих!

Джек переложил боккэн из руки в руку. Попробовал несколько простых ударов. Повернулся кругом, держа меч над головой и описывая дугу в воздухе. Сабуро тоже попробовал повернуться, однако нечаянно стукнул другого ученика по затылку.

— Я же сказал, никого не задевать! — Хосокава снова врезал Сабуро по ногам синаем. — Меч — это продолжение вашей руки. Вы должны в любой момент, не задумываясь, знать, где находится киссаки, куда достаёт лезвие и как расположен меч по отношению к вашему телу.

Без всякого предупреждения Хосокава поднял синай и с быстротой молнии ударил Ямато в голову, остановившись на волосок от его носа. Ямато дернулся, испугавшись неожиданного нападения, и шумно сглотнул.

— Зачем вам сила, если вы не умеете ею управлять? — сказал Хосокава, опуская меч. — Теперь держите боккэн прямо перед собой. Выпрямите обе руки и положите на них оружие горизонтально.

Джек повиновался. Вес боккэна слегка давил на вытянутые руки.

«Это вовсе не трудно», — подумал Джек.

— Так и держите, пока я не разрешу опустить.

Сэнсэй Хосокава принялся задумчиво расхаживать по додзё. словно армия каменных статуй, ученики стояли, держа боккэны на вытянутых руках, в ожидании команды.

У одного за другим задрожали руки. Кику, стоявшая недалеко от Джека, начала опускать боккэн.

— Разве я разрешил опустить мечи? — рявкнул Хосокава, и Кику мгновенно выпрямилась. От напряжения ее лицо исказила гримаса.

Через несколько минут одна из девочек в дальнем углу, выбившись из сил, уронила боккэн.

— На большее не хватило? — спросил Хосокава. — Сядь, посиди. Кто следующий?

Несколько учеников, среди них Кику и Ёри, тут же сдались. Акико явно теряла силы. А вот Джек все еще не чувствовал усталости.

Еще пятеро опустили руки, задыхаясь от напряжения, и отошли в сторону.

— Так легко поднимаешь лапки кверху? — с нескрываемой насмешкой спросил Хосокава, когда Сабуро — а с ним и Нобу — сдался.

— Сэнсэй? — с подобающим почтением обратился к Хосокава Сабуро, растирая ноющие плечи.

— Да?

— А в чем цель этого упражнения?

— Цель?! — ошеломленно воскликнул Хосокава. — По-моему, цель здесь очевидна! Если вы не можете победить собственный меч в ваших же руках, то каковы ваши шансы устоять перед противником?

Осознав цель упражнения, все, кто еще держал боккэны на вытянутых руках, удвоили усилия, несмотря на боль. Каждому хотелось произвести впечатление на сэнсэя.

Через несколько минут еще двое сдались, и стоять осталось всего пятеро: Джек, Кадзуки, Ямато, Акико и Эми — изящная, но заносчивая девочка, про которую Джеку говорили, что она старшая дочь даймё Такатоми, владельца школы.

У Акико затряслись руки, однако она явно не хотела сдаваться первой из девочек. И все же у Эми сил оставалось больше: она бросила взгляд на Акико, сияя

торжествующей, хотя и вымученной улыбкой. Эми тоже не собиралась терять лицо. Акико запыхтела, напрягая последние силы. Краем глаза Джек заметил, как руки Эми начали опускаться, но тут Акико не выдержала и уронила боккэн. Мгновением позже Эми тоже опустила руки.

— Прекрасно, — заметил Хосокава. — Эми, ты проявила силу духа. Вот за это я тебя уважаю.

Обе девочки отошли к сидевшим у стены ученикам, и по дороге Эми, упоенная победой, слегка пихнула Акико. Джек поймал колючий взгляд, который Акико бросила на соперницу: Акико не упустила бы возможность стряхнуть с Эми высокомерие! И все же она справилась с раздражением и отвесила вежливый поклон.

— У нас еще остаются трое доблестных воинов, — провозгласил Хосокава. — Теперь все решает не выносливость, а сила воли. Дух против материи. Это проверка пределов ваших возможностей.

Ямато задрожал всем телом, как дерево во время урагана. Джек понимал, что долго не продержится, однако изо всех сил хотел превзойти Кадзуки.

А вот Кадзуки стоял, не шелохнувшись.

Через несколько секунд руки Ямато не выдержали, и он присоединился к остальным. Лишь Джек и Кадзуки остались выяснять, кто сильнее, — и для каждого это была схватка не только с противником, но и с самим собой.

Кадзуки вдруг задрожал от напряжения.

— Кадзуки! — ободряюще закричал Нобу, и к нему тут же присоединились еще несколько учеников: — Кадзуки! Кадзуки! Кадзуки!

Воспрянувший духом Кадзуки снова встал прямо и ухмыльнулся Джеку, уверенный в победе над гайдзином.

— Давай, Джек! — вдруг выпалил Сабуро.

Акико, Ямато и Кику тоже присоединились к нему:

— Джек! Джек! Джек!

Два мальчика сошлись в невидимой схватке посреди додзё, а их армии выкрикивали слова поддержки.

Джек возблагодарил судьбу за все часы, проведенные на мачтах «Александрии»: он привык подолгу висеть на руках в любую погоду — под ветром, дождем и снегом.

Тем не менее Джек знал, что его силы имеют предел, и заметил признаки приближения к нему. Еще минута — и руки отвалятся.

А Кадзуки снова стоял, не шелохнувшись.

27. Стимул для тренировок

По лицу Кадзуки покати́лась капелька пота, и руки начали дрожать.

Джек воспрял духом: Кадзуки быстро выдыхался!

— Джек! Джек! Джек!

Крики не прекращались.

— Кадзуки! Кадзуки! Кадзуки!

Нет уж, он ни за что не позволит Кадзуки взять верх! И сам победит свой меч! Джек видел, как Акико болеет за него, и упрямо продолжал вытягивать руки вперед. Стиснул зубы и закрыл глаза, собирая все оставшиеся силы.

И вдруг на него словно нахлынула волна, наполняя тело странной энергией: Джек будто оказался в безграничной пустоте, руки стали бесконечно длинными и ничего не весили, почти потеряв всякую чувствительность.

С громким стуком боккэн упал на деревянный пол, и тишина взорвалась аплодисментами и выкриками:

— Джек! Джек! Джек!

— Молодец, Джек-кун! Ты победил меч, — сказал сэнсэй Хосокава.

Джек открыл глаза: Кадзуки кипел от злости, его руки бессильно повисли вдоль тела, а боккэн валялся на полу.

С невыразимым облегчением Джек опустил ноющие от боли и тяжелые как свинец руки. Он взял верх над Кадзуки — на глазах у всех. Наслаждаясь победой, Джек поклонился Кадзуки. Связанный правилами этикета, Кадзуки был вынужден признать превосходство Джека, поклонившись еще ниже.

За обедом Акико, Ямато, Кику и Сабуро сгрудились вокруг Джека, усевшись за столик в дальнем конце Тё-но-ма. Прямой, как палка, Кадзуки сидел за столом напротив, не спуская с Джека хмурого взгляда и не обращая внимания на попытки Нобу и Эми развеселить его.

— Джек, как тебе это удалось? — не отставал Сабуро. — Ты почти сдался, у тебя опускались руки... и вдруг, ни с того ни с сего, они снова выпрямились!

— Не знаю, — ответил Джек, все еще потирая ноющие от напряжения плечи. — На меня внезапно нахлынула энергия, и руки потеряли вес.

— Это *ки*! — воскликнула Кику.

Джек недоуменно посмотрел на нее.

— Жизненная энергия. Мне как-то отец объяснял. Это твоя энергия духа. Самурай может научиться использовать ее в схватке.

— Ну конечно! — оживленно вмешалась Акико. — Монахи-воины с горы Хиэй были известны своей способностью управлять ки. Говорят, они могли победить врагов, даже не вытаскивая меч из ножен.

Все недоверчиво покосились на Акико.

— Честное слово! Сэнсэй Ямада, наверное, научит нас пользоваться ки — сегодня после обеда он будет вести занятия по медитации. И тогда каждый из нас сможет победить собственный меч!

— Вряд ли от сэнсэя Ямада будет какой-то толк, — пробормотал Джек себе под нос, но Акико услышала.

— Почему ты так говоришь? — спросила она.

— Потому что вчера вечером Кадзуки решил заставить меня извиниться и чуть руку мне не сломал.

— Что же ты не рассказал об этом наставникам? — с неподдельным беспокойством произнесла Акико.

— А зачем? Ведь не сломал же. Но лишь потому, что появился сэнсэй Ямада. Хотя толку от него не было: он ничего не сделал, только бросил какую-то дурацкую фразу.

— И что он тебе сказал? — поинтересовался Ямато.

— «Чтобы по тебе топтались, нужно лежать на земле». Тоже мне мудрец! Мне-то какая от этого польза?

— Простите! — вмешался тоненький голосок: Ёри, тот самый мальчишка, который забыл принести на урок боккэн, выглядывал из-за плеча Сабуро. — Возможно, сэнсэй Ямада посоветовал вам научиться постоять за себя.

Джек на секунду задумался и понял, что Ёри прав. Ведь это же очевидно! Если овладеть искусствами

кэндзюцу и тайдзюцу, стать сильнее, быстрее и лучше Кадзуки, то тогда уже Кадзуки будет валяться в пыли!

И может быть, он даже сумеет защитить себя от самого Докугана Рю!

Ради этого определенно стоило тренироваться.

— Джек, с тобой все в порядке? — спросила Акико, озабоченная появившимся на лице Джека решительным выражением.

— Конечно. Просто размышлял над словами сэн-сэя Ямада. Теперь я понял, что он имел в виду.

И после первого же урока в Нитэн ити рю Джек поклялся вступить на Путь воина.

28. Дарума

— **З**аходите, заходите, — ободряюще пригласил сэнсэй Ямада учеников, столпившихся у входа в Буцудэн, Дворец Будды, расположенный на восточной стороне двора. — *Сэйгза!**

Сэнсэй Ямада восседал на возвышении в дальнем конце зала. Он был одет в простое кимоно цвета морской волны и сидел на круглой подушечке *гзафу*, уложенной поверх большой квадратной подстилки *дзабутон* — совсем как добродушная квакуша на листе кувшинки.

Сквозь решетчатые ставни пробивались косые лучи послеполуденного солнца, освещая дым от курящихся благовоний и придавая седой бородачке сэнсэя Ямада вид тонко сплетенной паутины. В воздухе стоял тяжелый аромат жасмина и сандалового дерева, который быстро наваял на Джека спокойствие.

* Садитесь! (*ял.*) — команда для учеников сесть, опираясь на колени и пятки, как традиционно сидят японцы; обычно подается в начале и в конце тренировки.

Ученики расселись на разложенных полукруглыми рядами подушках. Джек, вместе с Акико, Ёри и Кику, выбрал дзабутон в переднем ряду. Устраиваясь поудобнее, Джек заметил, что Кадзуки и Нобу вошли последними и сели позади всех. Кадзуки поймал взгляд Джека, и в его глазах сверкнула ненависть.

— Сядьте так же, как сижу я, — велел сэнсэй Ямада. Он сидел, скрестив ноги одна поверх другой, положив руки на бедра так, что кончики пальцев соприкасались.

Ученики шумно заерзали, принимая такую же позу.

— Это позиция полулотоса. Весьма подходит для медитации. Помогает вашей ки беспрепятственно протекать по телу. Всем удобно? — спросил сэнсэй и сделал долгий, размеренный вдох. — Перед каждым из вас лежит маленький подарок. Добро пожаловать на первый урок дзэн.

Джек посмотрел на деревянную штучку, лежавшую возле его подушки: яйцевидная куколка без рук и ног, раскрашенная ярко-красным, с черными усами и бородой, но без глаз.

— Кто мне скажет, что это такое? — спросил сэнсэй Ямада.

Кику вызвалась ответить.

— Это дарума. Кукла, изображающая Бодхидхарму, основателя *дзэн-буддизма*. На подбородке куклы нужно написать свое имя, загадать желание и потом нарисовать один глаз. И если желание исполнится, то надо нарисовать второй глаз.

— Ответ верный, но далеко не полный, — ответил Ямада и слегка подтолкнул свою куклу.

Дарума качнулся в сторону, помедлил, качнулся в другую сторону, снова помедлил и качался так, пока не затих окончательно.

Ученики терпеливо ждали продолжения урока, однако сэнсэй Ямада словно погрузился в транс. Только когда дарума перестал качаться, сэнсэй поднял взгляд и моргнул, будто удивленный, что ученики все еще здесь.

— Кто может объяснить, что такое «Девять этапов»? — продолжал Ямада, очевидно позабыв, что не закончил предыдущее объяснение.

Все молчали.

Сэнсэй ждал.

Никто не решался ответить. Сэнсэй не торопился, словно ответу просто требовалось время, чтобы осесть в умах учеников, как оседает пыль на старой книге.

Наконец Кику нерешительно подняла руку.

— Да, Кику-тян?

— Вы имеете в виду девять правил для достижения сатори?

— Не совсем, Кику-тян, хотя предположение толковое. — Ямада был явно доволен попыткой. — Я имею в виду восходящую последовательность девяти этапов, через которые должен пройти самурай во время медитации. Истинное понимание всех девяти этапов в конце концов ведет к *сатори*, то есть просветлению.

На губах сэнсэя появилась загадочная улыбка, а глаза блеснули, как солнечные зайчики в ручье. Околдованный взглядом старика, Джек почувствовал себя листком, плывущим по течению этого ручья.

— Такая медитация называется *гзагзэн*. Ее цель — открывать мысли. Когда ваш ум освободится от многочисленных слоев, вы сможете постигнуть истинную природу вещей и таким образом прийти к просветлению.

Голос сэнсэя Ямада журчал как ручей, жужжал как пчелиный улей и ласкал как материнская рука. Хотя Джек не совсем понимал слова сэнсэя, он без усилий погрузился в гипнотические приливы и отливы этого голоса.

— Сегодня мы будем медитировать на даруме — пока не догорит одна палочка. — Сэнсэй Ямада зажег короткую палочку благовоний. — Первый этап медитации — принятие соответствующей позы: ноги скрещены, спина прямая, но без напряжения, руки одна поверх другой, глаза полуприкрыты.

Все заерзали, усаживаясь.

— Второй этап — дыхание из *хара*. Почувствуйте точку чуть выше пупка, это ваш центр тяжести, здесь и находится хара. Дышите медленно, ровно и спокойно. Моксо!* — скомандовал сэнсэй, начиная медитацию.

Джек постарался контролировать дыхание; дышать животом, а не грудью оказалось не так-то просто.

* Начать медитацию! (яп.)

— Дыши через хара, Джек-кун, — мягко поправил Ямада.

«И откуда он знает, как я дышу?» — изумился Джек, старательно выпячивая живот вместо того, чтобы расширять грудную клетку.

Сэнсэй Ямада дал ученикам несколько минут, чтобы совладать с дыханием.

— Третий этап — успокоение духа. Отпустите все пустяковые мысли, отвлекающие вас эмоции и умственное раздражение. Представьте их в виде снега. Пусть все они постепенно растают.

Джек осознал, что его голова забита мыслями. Они гудели под черепом, словно осы: Кадзуки, карта, Докуган Рю, Акико, дом, Масамото, отец, Джесс... Джек постарался успокоить ум, но как только он выталкивал одну мысль, ее место занимала другая.

— Четвертый этап — наполнение. Когда ваши мысли исчезнут, начните наполнять тело жизненной энергией. Представьте себя пустым сосудом. Вливайте в него ки, словно мед. Пусть энергия заполнит вас от пяток до макушки.

Джек все еще пытался избавиться от мыслей: они постоянно отвлекали внимание, и он не мог перейти к четвертому этапу.

— Пятый этап — естественная мудрость. Тот, кто спокоен, сосредоточен и невозмутим, видит все в истинном свете, и тогда мудрость приходит сама по себе.

Ласкающий слух голос сэнсэя убаюкивал учеников. Ямада помолчал, давая время поблаженствовать

в полудремоте. Джек все еще пытался отделаться от мыслей, чтобы наполнить тело жизненной энергией и снова испытать то, что ему случайно удалось в упражнении с боккэном.

— Сегодня мы остановимся на пятом этапе и начнем размышлять над первым *коаном*, вопросом, на который вы сами должны найти ответ. Заставьте вашего даруму качаться и внимательно посмотрите на него. Мы все знаем, что это такое, но что это на самом деле?

Очевидно, сэнсэй Ямада вовсе не ожидал услышать ответ, а просто хотел, чтобы ученики задумались над вопросом. К сожалению, Джек так и не сумел сосредоточиться, и никакого ответа ему в голову не приходило. Дарума как дарума — безглазая кукла, и Джек точно так же слеп и не видит ответа.

Джек отвлекся, забыв о даруме. В голове крутились обрывки мыслей. Когда догорела палочка благовоний, сэнсэй скомандовал:

— Моксо ямэ!*

Наконец-то! Со вздохом облегчения все прекратили попытки медитации.

— Молодцы! Вы только что научились важному принципу бусидо. — На лице сэнсэя расплылась довольная улыбка, словно ответ на коан был яснее ясного.

Джек по-прежнему ничего не понимал. Оглянувшись, он увидел, что многие ученики тоже имеют озадаченный вид: Джек явно оказался не единственным

* Закончить медитацию! (яп.)

ным, на кого не снизошло просветление. А вот Кику и Ёри выглядели вполне довольными.

— Сегодня вечером попробуйте помедитировать на даруме. Посмотрим, чему еще он может вас научить. — Сэнсэй Ямада многозначительно кивнул, словно деревянная игрушка была способна открыть множество истин. — Ключ к овладению искусством медитации — ежедневная практика. Приучите себя медитировать утром и вечером, пока не сгорит половина палочки. И вскоре вы увидите жизнь такой, какая она есть на самом деле.

Сэнсэй Ямада поклонился — урок окончен. Ученики с поклоном поднялись, взяли своих дарума и вышли.

Джек размял ноги, разгоняя кровь, и присоединился к Акико, Кику и Ямато.

— Не забудьте загадать желание и нарисовать один глаз! — весело крикнул сэнсэй Ямада вдогонку. Он так и остался сидеть на подушках — точь-в-точь добродушная квакуша на листе кувшинки.

После полумрака в Буцу-дэн клонившееся к закату зимнее солнце слепило глаза, и Джек прищурился.

— Ну и что это было? — спросил Сабуро, шлепая следом за ними вниз по ступенькам.

— Понятия не имею, — ответил Ямато. — Спроси Кику — уж она-то все знает.

— Ты должен сам сообразить, — бросила Кику через плечо.

— А я ничего не понял, — заявил Сабуро. — Подумаешь, кукла для загадывания желаний!

— Ничего подобного, это не просто кукла, — ответила Кику.

— Сэнсэй Ямада так и сказал. А ты за ним повторяешь. По-моему, ты сама ничего не поняла, — поддразнил Сабуро.

— Я-то как раз поняла! — отрезала Кику и отказалась что-либо объяснять.

— Ну хоть кто-нибудь, скажите мне, что имел в виду сэнсэй! — умолял Сабуро. — Акико? Ямато?

Акико и Ямато пожали плечами.

— Джек, я бы и у тебя спросил, только ты наверняка не знаешь даже, что такое дзэн!

Сабуро был прав: Джек не знал. Спрашивать он не хотел, чтобы не показаться совсем глупым, и надеялся, что кто-нибудь ему объяснит.

— Семь раз упасть, восемь подняться, — сказал тоненький голосок.

Все обернулись: по ступенькам спускался Ёри.

— Что ты сказал?

— Семь раз упасть, восемь подняться. Не важно, сколько раз тебя бросили на землю — вставай и попытайся снова. Как дарума.

Все ошеломленно уставились на Ёри.

— Сэнсэй Ямада научил нас жизненно важному принципу *будо*: никогда не сдавайся.

— А просто сказать нам это он не мог? — спросил Сабуро.

— В дзэн так не делают! — раздраженно вмешалась Кику. Повернувшись к Джеку, словно объясняла именно для него, она сказала: — В дзэн нужно про-

чувствовать истину на себе, а не выучить ее по книгам.

— Ничего не понимаю, — признался Джек, отчаянно пытаясь сообразить, что она имела в виду.

— Сэнсэй Ямада направляет нас, а не учит. Мы сами должны найти ответ. Если сэнсэй просто даст вам ответ на вопрос, то вы не сможете по-настоящему понять его.

— А я бы понял! — возразил Сабуро. — И не пришлось бы голову ломать над дурацкими загадками!

Вечером Джек сел в позицию полулотоса, зажег короткую палочку благовоний и устался на красную куколку. Толкнул ее и смотрел, как она качается, терпеливо ожидая, когда на него снизойдет озарение.

Палочка догорела, а озарения все не было. Тогда Джек зажег другую палочку и снова толкнул даруму. Покачивание куклы убаюкивало. Джек толкнул ее еще раз. Его ничто не отвлекало, и сознание поплыло. Дарума продолжал покачиваться.

Джек расслабился... глаза наполовину закрылись... дыхание замедлилось... ум успокоился... мысли потекли ровнее... тело постепенно наполнилось неярким, теплым сиянием... ки... И тут его молнией пронзила одна-единственная мысль.

Теперь Джек знал, какое желание загадать.

И нарисовал даруме один глаз.

29. Сэнсэй Кюдзо

Пол стремительно приближался. С тошнотворным хрустом Джек упал на спину и, задыхаясь, остался лежать.

Через мгновение рядом с ним повалился Ямато, и тут же сверху на них обоих рухнул Сабуро, не давая им встать.

— Идиот! — рывкнули они оба на Сабуро.

— Извините. Просто его слова показались мне... немного сомнительными, — ответил Сабуро, скатываясь в сторону и потирая грудь.

— Ну теперь-то ты ему веришь? — буркнул Ямато, награждая Сабуро пинком.

Джек неприязненно посмотрел на Сабуро: это из-за него им досталось. Когда сэнсэй Кюдзо перечислял свои победы над разными знаменитыми воинами, Сабуро недоверчиво фыркнул. Взбешенный сэнсэй Кюдзо тут же подошел к нему:

— Это еще что? Полагаешь, я стану врать каким-то соплякам? По-твоему, я слишком мал, чтобы по-

бедить корейского война шести футов ростом? Встать! Ты, Ямато, и ты, гайдзин! — Сэнсэй ткнул искривленным пальцем в Джека. — Нападайте на меня. Все трое одновременно!

Словно вспугнутые кролики, они неуклюже топтались посреди Бутоку-дэн. Старик был меньше любого из них, однако выглядел опаснее гремучей змеи.

— Ну же! Я-то думал, вы самураи! — издевался сэнсэй Кюдзо. — Я даже поддамся немножко: обещаю не пользоваться левой рукой.

Весь класс насмешливо фыркнул, услышав столь невероятное предложение.

— Нападайте на меня сейчас же! — завопил сэнсэй.

Мальчишки посмотрели друг на друга и дружно бросились на него. Не успел Джек прикоснуться к сэнсэю, как взмыл в воздух и с треском приземлился на полу додзё — чуть раньше Ямато и Сабуро, которые потерпели столь же унижительное поражение.

Возвратившись на свое место в ряду учеников, Джек заметил насмешливый взгляд Кадзуки.

— Я благодарен своим родителям за такое маленькое тело. Воины меня недооценивают. Вы тоже меня недооценили, — вызывающе заявил сэнсэй Кюдзо. — Сабуро, мне удалось вколотить в тебя доверие?

— Хай, сэнсэй! — Сабуро так поспешно отвесил поклон, что треснулся головой об пол.

Сэнсэй Кюдзо продолжал говорить, одновременно с силой ударяя то кулаком, то пальцами в деревянный столб — от каждого удара железной руки столб вздрагивал.

— Чтобы победить превосходящих меня по размеру противников, я должен был отточить мастерство до полного совершенства и тренироваться в два раза упорнее.

Слова сэнсэя вылетали короткими фразами, синхронно с ударами.

— Если мой противник тренируется один час, то я работаю два часа. Он работает два часа, а я тренируюсь четыре. Чтобы овладеть тайдзюцу, нужно упорно заниматься, без перерыва, и соблюдать дисциплину. Хай?

— Хай, сэнсэй, — вразной повторили ученики.

— Я спросил, все ли вам понятно. Боги на небесах должны услышать ваш ответ. Хай? — снова повторил сэнсэй Кюдзо.

— Хай, сэнсэй! — дружно завопили все — да так, что стены затряслись.

— Каждый раз, когда вы выходите из додзё, вас встречают десять тысяч врагов. Хай?

— Хай, сэнсэй!

— Руки и ноги — это оружие, которое вы можете использовать против своих врагов. Хай?

— Хай, сэнсэй!

— Чтобы победить завтра, нужно тренироваться сегодня. Хай?

— Хай, сэнсэй!

— Первые три месяца тренировок будут посвящены изучению базовых приемов.

Сэнсэй Кюдзо продолжал бить кулаком по столбу, и его слова звучали отрывисто, как удары.

— Овладейте основными приемами. Больше вам ничего не нужно. Научитесь правильно стоять в стойке. Добейтесь точности в движениях. Тогда вы сможете сражаться. Заумные приемы годятся лишь для того, чтобы впечатлить толпу и щегольнуть перед дамами. Чтобы драться, нужно знать базовые техники.

Сэнсэй вдруг перестал колотить по столбу.

— Эй, гайдзин! Иди сюда, — приказал он.

— Сэнсэй, меня зовут Джек, — хмуро ответил Джек, не ожидавший такого оскорбительного обращения.

— Прекрасно. Гайдзин Джек, иди сюда. — Сэнсэй Кюдзо резко махнул рукой, делая знак подойти.

Кадзуки насмешливо фыркнул и, обращаясь к Нобу, тихонько повторил: «Гайдзин Джек!»

— Кадзуки! — сказал сэнсэй Кюдзо, не сводя глаз с Джека. — Я надеюсь, ты станешь настоящим самураем и не посрамишь своего отца. Не отвлекайся!

Джек нерешительно встал напротив сэнсэя Кюдзо: судя по всему, пощады ожидать не приходилось. В этот раз Джек решил вести себя осторожно.

— Прежде чем мы перейдем к ударам ногами и руками, а также броскам, вы должны научиться удерживать противника. Начнем с захватов, потому что в захвате почувствовать нужное направление проще, чем в ударе.

Сэнсэй смерил Джека неприязненным взглядом.

— Схвати меня за руку, как будто не давая вытащить меч из ножен. Нападай! — приказал сэнсэй Кюдзо.

Джек настороженно взялся за запястье сэнсэя — и тут же его собственную руку обожгло болью, и он непроизвольно упал на колени. Сэнсэй Кюдзо попросту обхватил руку Джека и повернул ее по направлению к его телу, однако результат был ошеломляющий.

— Этот прием называется никкё. В нем используется болевое давление на кисть и предплечье, — объяснил сэнсэй Кюдзо. — Гайдзин, похлопай ладонью по ноге или полу, когда станет слишком больно.

Сэнсэй Кюдзо надавил сильнее, и у Джека в глазах потемнело от боли. Он отчаянно захлопал себя по ноге, и сэнсэй его отпустил. Сквозь невольные выступившие слезы Джек видел, как обрадовало Кадзуки такое публичное истязание.

— Вставай и напади на меня изо всех сил и как можно быстрее! — приказал сэнсэй.

Джек выполнил команду — и в мгновение ока снова оказался на полу, поверженный тем же простым движением. Невыносимая боль заставила Джека что есть мочи захлопать ладонью по ноге, и его отпустили.

— Как видите, мягкое может управлять жестким. Чем сильнее гайдзин Джек нападает, тем легче мне дается победа над ним. — Безжалостно ухмыляясь, сэнсэй Кюдзо еще несколько раз продемонстрировал прием на Джеке — чтобы остальные хорошенько разглядели, что происходит.

Затем он показал другие приемы: Джека бросали туда-сюда, как куклу, использовали вместо боксерской груши и роняли на пол, чтобы показать, как

неустойчива его стойка. В конце концов Джек оказался измочален, избит и покрыт синяками.

— А теперь каждый из вас попробует сделать никкё. Разделитесь на пары: один будет *тори*, он выполняет прием, а второй — *укэ*, он нападает. Кадзуки, почему бы тебе не взять моего *укэ*? Он как раз хорошенько размялся.

Джек застонал про себя: да за что же ему такое наказание! Но внешне ничем не показал своего раздражения.

— Раз ты мой *укэ*, гайдзин Джек, то нападай на меня, — сказал Кадзуки, вытягивая руку вперед.

— Помните, что если прием причиняет вам слишком сильную боль, то дайте знать об этом партнеру, похлопав по ноге или полу. Ваш партнер обязан вас отпустить.

Джек спокойно схватился за запястье Кадзуки, уверенный, что противник слишком неопытен, чтобы провести прием. Однако Кадзуки был явно не новичок: Джек упал на колени, инстинктивно пытается избежать боли, и похлопал себя по ноге.

Кадзуки надавил еще больше.

Джек захлопал сильнее.

Кадзуки до предела вывернул кисть Джека. От невыносимой боли у Джека потекли слезы. Кадзуки злорадно смотрел на него.

— Поменяйте партнера, — скомандовал сэнсэй Кюдзо.

— Приятно потренироваться с тобой, гайдзин Джек, — прошипел Кадзуки. Отпустил Джека и пошел искать себе новую жертву.

Джек кипел от злости: ему даже не дали возможности отыгаться!

Когда урок закончился, Джек первым выскочил за дверь.

Акико помчалась следом.

— Джек, как ты? — спросила она.

— Еще спрашиваешь? Почему сэнсэй Кюдзо не мог показывать приемы на ком-нибудь другом? — взорвался Джек. — Он нарочно меня выбрал! Они с Кадзуки одинаковы: оба ненавидят гайдзинов!

— Да нет, неправда. В следующий раз сэнсэй Кюдзо выберет кого-нибудь другого, — сказала Акико, пытаясь успокоить Джека. — И вообще, укэ быть хорошо. Масамото говорил мне, что это лучший способ научиться: ты будешь знать, что должен чувствовать, если прием выполнен правильно.

Из Бутоку-дэн выходили ученики, направляясь в Тё-но-ма на обед. Джек слышал выкрики «Гайдзин Джек!» и хихиканье.

— За что они меня дразнят? Я же их не обзываю!

— Не обращай внимания, — ответила Акико. — Они ведут себя очень глупо.

«А ведь должны вести себя как самураи!» — подумал Джек.

30. Стрельба по мишеням

Белое пятнышко, размером не больше глаза, ярко сияло под полуденным солнцем. В храме ударил гонг, и звук задрожал над крышами школьных зданий.

Пучок перьев с резким свистом пролетел по воздуху, словно ястреб, бросающийся на добычу. Раздался стук, похожий на удар сердца, и стрела вонзилась в самый центр белой мишени.

Через мгновение рядом воткнулась вторая стрела. Их оперения подрагивали.

Ученики захлопали. Сэнсэй Ёса замерла еще на мгновение, сама натянутая словно тетива. Потом опустила лук, подходя к ученикам.

— Кюдзюцу требует от самурая редкого сочетания талантов, — сказала сэнсэй Ёса. — Вам потребуются решительность воина, грация танцора и духовное спокойствие монаха.

Ученики внимательно слушали, собравшись в Нандзэн-нива, Южном саду дзэн, позади Дворца Будды. Сад отличался поразительной простотой: длинная

прямоугольная полоска тщательно выровненного белого песка в середине, огромные валуны и ухоженные деревца. Древняя сосна с корявым, изогнутым от ветра стволом росла в противоположном конце сада, подпертая, словно дряхлый старик, деревянным костылем. Мишень стояла под сосной и казалась размером не больше головы Джека, а белый кружок в центре двух черных кругов был едва заметен.

— Лук — лучшее оружие для дальнего боя. Из него могут стрелять как мужчина, так и женщина и даже ребенок — и результат будет одинаково сокрушительный.

Джек сидел между Ямато и Акико, восхищаясь как красотой, так и мастерством сэнсэя Ёса.

«Наша наставница — смертоносный ангел», — подумал он.

— Все даймё, от Такатоми Хидэяки до Камакуры Кацуро, и даже сам Масамото Такэси, изучали кюдзюцу. И конечно же, именно искусное владение луком прославило Томоэ Годзэн.

Джек заметил, как Акико замерла, очарованная словами сэнсэя. А упоминание Томоэ Годзэн так ее восхитило, что она чуть не захлопала в ладоши.

— В отличие от меча, кулака или ноги, лук оказывает сопротивление. Полностью натянутый лук готов вот-вот переломиться пополам!

Ученики изумленно ахнули. Только Кадзуки озираясь по сторонам, словно все это ему наскучило. «Наверное, для него кюдзюцу недостаточно жестоко», — решил Джек.

— Мастерство владения луком похоже на пирамиду: тонкие навыки опираются на очень широкое и прочное основание. Постройка этого основания требует определенного времени. За последующие месяцы занятий мы постепенно будем надстраивать один уровень за другим. — Сэнсэй Ёса нежно гладила пальцами оперение стрелы. — А сегодня я хочу, чтобы вы просто почувствовали лук. И если получится, сделали выстрел.

Перспектива выстрелить в настоящую мишень вызвала оживленный шепот. Акико выпрямилась и сидела тугая, как скрученная пружина, готовая вскочить на ноги при первой возможности.

— Для начала посмотрите внимательно, чтобы вы могли повторить мои движения. Первое правило кюдзюцу: дух, тело и лук должны быть единым целым. — Сэнсэй Ёса встала к мишени боком, приняв широкую стойку, похожую на букву А. — Второе правило — устойчивость. Представьте, что вы дерево. Нижняя часть тела — ствол и корни, мощные и неподвижные. Верхняя — это ветви, которые могут гнуться, однако сохраняют свою форму. Именно устойчивость — ключ к мастерству в стрельбе из лука!

Сэнсэй Ёса зажала тетиву правой рукой, а левой аккуратно взялась за рукоять и подняла над головой лук, который был выше ее роста.

— Ум и тело постоянно борются за контроль над выстрелом. Чтобы достаточно точно поразить цель, необходима полная концентрация внимания. Это и

есть третье правило. Малейшая неустойчивость, неверный вздох, рассеянность приводят к промаху.

Сэнсэй Ёса опустила лук, оттянув тетиву к уху так, что стрела оказалась на уровне глаза, а чуть выше виднелся ярко-красный шрам на щеке.

— Когда ваш дух устойчив, стрела попадет в цель. Ваша задача — полностью подчинить свой дух *кюдо*.

Одним плавным движением сэнсэй Ёса отпустила тетиву, и стрела снова поразила центр мишени.

— Кто хочет попробовать первым? — спросила сэнсэй Ёса.

Акико мгновенно подняла руку. Эми увидела возможность превзойти Акико и тоже подняла руку.

— Хорошо, начнем с вас двоих. Возьмите эти два лука. Они должны вам подойти по размеру и натяжению тетивы. — Сэнсэй Ёса показала на подставку с луками за ее спиной.

— Удачи! — дружелюбно сказала Кику, когда сидевшая рядом с ней Эми встала.

— Удача нужна неопытным, — высокомерно бросила Эми.

— Натяните лук, как я вам показывала, но не стреляйте без моей команды.

Обе девочки подняли луки, оттянув тетиву. Эми была заметно выше ростом; длинные, прямые волосы делали ее худощавую фигурку еще тоньше. На красивом лице выделялся крохотный ротик. В целом, по мнению Джека, она была очень похожа на герб своей семьи — журавля: такая же высокая, тонкая и грациозная.

— Хорошо, вы обе неплохо стоите. Теперь можете стрелять — цельтесь в ближайшую мишень. — Сэнсэй Ёса показала на стоявшую шагах в десяти мишень.

Эми выстрелила, однако тетива задела руку, и стрела, бессильно трепыхаясь, упала, не долетев до цели.

У Акико получилось лучше, но она все равно промазала.

— Для первого раза сойдет, — сказала сэнсэй Ёса. — Вы уже стреляли раньше?

— Хай, сэнсэй, — кисло призналась Эми.

— Нет, сэнсэй, — ответила Акико к неудовольствию соперницы.

— Ты молодец, Акико, — похвалила сэнсэй Ёса. — У тебя явная склонность к стрельбе из лука.

— Я хочу попробовать еще раз, — потребовала Эми.

Сэнсэй Ёса, слегка обескураженная такой бесцеремонностью, внимательно посмотрела на обеих девочек.

— Ну что же, я не против состязаний: они поощряют способных. Давайте посмотрим, попадете ли вы в цель со второго раза.

Эми подошла к черте. Снова встала в стойку, натянула лук и выстрелила. Стрела попала во внешний черный круг мишени. Эми снисходительно глянула на Акико, уверенная в победе.

— Очень хорошо, Эми-тян. Посмотрим, сможет ли Акико-тян выстрелить лучше, — подзадорила сэнсэй Ёса.

Джек затаил дыхание, наблюдая, как Акико занимает исходную позицию. Дрожащими руками она взяла лук, пытаясь успокоить дыхание. На ее лице отразилась железная решимость. Акико приняла устойчивое положение, подняла лук над головой и затем медленно опустила его, потянув тетиву. Джек видел, что Эми отчаянно желает Акико промаха. Центр мишени такой маленький — разве Акико сможет в него попасть?

Натянув тетиву до самого уха, Акико выстрелила. Свистнув в воздухе, стрела попала в цель — на палец ближе к центру, чем стрела Эми. Джек торжественно завопил, и к нему присоединились остальные ученики. Акико сияла от восторга и удивления.

— Превосходно, Акико-тян. Вы обе можете сесть, — велела сэнсэй Ёса. — Кто еще хочет попробовать?

Несколько человек тут же вскинули руки. Недовольная Эми и ликующая Акико вернулись на свои места.

Джек наблюдал, как стреляют остальные.

Кадзуки и Нобу выбрали самые большие луки, хотя сэнсэй Ёса предупреждала, что такие луки им не по силам. Нобу немедленно доказал справедливость этого предупреждения: не удержал тетиву и она сильно ударила его по щеке. Нобу завопил от боли, к удовольствию всех остальных. Даже Кадзуки посмеялся над неудачей друга.

А потом наступила очередь Джека.

Он подошел к черте, приложил стрелу и натянул лук. Вдруг что-то ударило его по щеке. Джек отвлек-

ся, не удержал тетиву, и стрела сорвалась. Ударила в большой валун и, отлетев в сторону сэнсэя Ёса, пригвоздила к земле краешек ее таби.

— Стой! — закричала сэнсэй Ёса.

Все застыли на месте. Над садом повисла мертвая тишина. Джек отчетливо слышал скрежет наконечника, когда сэнсэй Ёса вытаскивала его из земли, и скрип гравия под ее ногами.

— Джек-кун, — выдохнула она ему на ухо, — разве я разрешила стрелять?

— Прошу прощения, сэнсэй, но я не виноват.

— Научись отвечать за свои поступки! Ты и лук — одно целое. Все было в твоих руках. Подойди ко мне после урока, и я назначу тебе наказание.

— Извините, сэнсэй Ёса, — застенчиво сказал Ёри.

— В чем дело, Ёри-кун?

— Сэнсэй, Джек не виноват. В него бросили камень.

— Это правда? — спросила у Джека сэнсэй Ёса. — Кто бросил?

— Не знаю, — ответил Джек, хотя и догадывался.

— Ёри, кто это сделал?

Мальчишка поклонился и испуганно прошептал имя Кадзуки.

— Что ты сказал? — переспросила сэнсэй Ёса, не расслышав с первого раза.

— Кадзуки, сэнсэй... — Ёри замолк.

От столь неприкрытого предательства в глазах Кадзуки вспыхнула ярость. Он дернулся к Ёри, но, услышав голос сэнсэя Ёса, застыл на месте.

— Кадзуки! — оглушительно рявкнула сэнсэй Ёса. — Подойдешь ко мне после урока, и мы обсудим твоё наказание. А сейчас вытаци мои стрелы из мишени!

Кадзуки торопливо поклонился и побежал к мишени. Он так испугался ярости сэнсэя, что не мог вытащить стрелы. Ему едва удалось справиться с одной, как над ухом просвистела стрела и пригвоздила рукав его кимоно к мишени. Кадзуки резко обернулся, выпучив глаза и раскрыв от ужаса рот.

— Кадзуки, не дразни пчелу, не то она налетит на тебя, как дракон! — крикнула сэнсэй Ёса с противоположного конца сада, прикладывая еще одну стрелу. — Кюдзюцу очень опасно для учеников. Никаких шалостей, ты меня понял?

Она выпустила вторую стрелу — Кадзуки и глазом моргнуть не успел. Стрела пролетела у него над самой головой, задев волосы, и воткнулась в мишень. Кадзуки, извиваясь, как червяк на крючке, мечтал лишь о том, чтобы закончилось это унижение.

— Хай, сэнсэй! Мосивакэ аримасэн дэсита!* — выпалил он, выражая самое глубокое раскаяние.

Джек не помнил себя от радости: его враг получил по заслугам! Может быть, в другой раз подумает, прежде чем строить козни.

Джек повернулся к Ёри, чтобы поблагодарить, однако мальчонка не обратил на него внимания: сидел, глядя перед собой пустыми глазами и нервно покусывая нижнюю губу.

* Слушаюсь, сэнсэй! Покорнейше прошу меня простить! (яп.)

37. Война с Кадзуки

На ужин Кадзуки не пришел.

Впервые за все время пребывания в Киото Джек расслабился: Кадзуки наверняка еще отбывает наказание, назначенное сэнсэем Ёса. Единственное, что тревожило Джека, так это отсутствие Ёри. Акико видела, как он шел во Дворец Будды — наверное, чтобы повидать сэнсэя Ямада. Однако к ужину сэнсэй Ямада явился один.

Уже почти все поели, а Ёри все не было. Джек не мог отделаться от мысли, что с мальчиком что-то случилось. А когда Нобу поспешно выкатился за дверь, Джек разволновался еще больше.

— Акико, я беспокоюсь за Ёри. Он так и не пришел на ужин.

— Я уверена, что с Ёри все в порядке. Медитирует где-нибудь. Я постоянно вижу его за этим занятием: он медитирует у себя в комнате утром, днем и вечером. У Ёри есть замечательные благовония, и он даже дал мне попробовать...

— Акико, я серьезно! После того, что случилось сегодня на кюдзюцу, Кадзуки наверняка его возненавидел.

— Джек, Кадзуки действительно потерял лицо, однако он не посмеет и пальцем тронуть Ёри. Кадзуки должен относиться к Ёри с уважением.

— С уважением? С каким еще уважением? На меня-то он все время нападает!

— Верно, но ты... — Акико внезапно смутилась. — Ты гайдзин... чужеземец. Кадзуки не относится к тебе, как к равному. А вот Ёри — японец, из клана самураев с долгой и славной историей.

— Масамото меня усыновил! Разве я не заслуживаю точно такого же уважения? — Джек замолчал.

Он все понял по глазам Акико: своим его не считают. И никогда не будут считать. Ни Акико, ни Кадзуки.

Джек оглянулся вокруг: Сабуро и Кику вежливо отвели взгляд. Ямато безучастно смотрел прямо перед собой. Сразу видно, что Ямато до сих пор всего лишь терпит Джека — потому что так приказал отец. А ведь Джек спас этому мальчишке жизнь!

— Ясно, значит, уважать можно только японцев! Так, да? — резко бросил Джек. Лицо Акико вытянулось, и она поклонилась, избегая сердитого взгляда Джека. — Ладно. Тогда, по крайней мере, проявите уважение к Ёри и помогите мне его найти!

— В самом деле, это отличная мысль, — вставил Сабуро, пытаясь разрядить напряжение. — Давайте мы с Ямато поищем Ёри в саду, Акико и Кику посмот-

рят во Дворце львов, а Джек пусть сходит в Буцу-дэн. Акико права, скорее всего, Ёри где-то сидит и медитирует.

Сабуро вскочил на ноги, подталкивая остальных, и они торопливо покинули Тё-но-ма.

Ночь опять выдалась холодная. На усыпанном звездами небе висела половинка луны, заливая двор призрачным бледным светом. Джек в одиночестве поднимался по каменным ступеням Дворца Будды.

Ему хотелось завывать на луну. Как же надоела эта дурацкая Япония! Все бы ничего, и даже выходы Кадзуки можно стерпеть, но Акико! Ее отношение очень обидело Джека: ведь она тоже считает его другим, стоящим ниже нее. А он-то думал, что они стали друзьями! Друзей различия не разделяют, а объединяют...

Джек грустно улыбнулся своим мыслям: прямо-таки сэнсэй Ямада, вещающий изречения дзэн! Он проглотил обиду. По крайней мере, за него заступился Ёри — будем надеяться, Ёри это не выйдет боком.

Добравшись до верхней ступеньки, Джек заглянул в мрачную темноту Зала Будды, прорезанную лучами лунного света, словно тюремными решетками. Джек хотел позвать Ёри — и вдруг услышал тихие голоса: злые и напряженные.

— Мне пришлось унавоживать сад дерьмом из отхожих мест! Я пропустил ужин, и от меня воняет!

— Извини, Кадзуки, но все же не следовало...

Джек осторожно заглянул внутрь: Кадзуки навис над дрожащим Ёри, позади которого стоял Нобу —

его толстая, округлая тень расплзлась по полу. Джек прижался к стене и под прикрытием темноты подобрался поближе.

— Не следовало? Тебе-то что! Он ведь гайдзин! Нам не ровня, — злобно бросил Кадзуки. — Да как ты мог вступить за какого-то гайдзина! Ты, Ёри, старший сын в клане Такэда, чьи предки победили монголов!

— Кадзуки, на самом деле он такой же, как мы... — взмолился Ёри.

— Что? Да тебе еще учиться и учиться! Мы потомки Аматэрасу, богини солнца. Самураи — воины, избранные богов. А гайдзины — ничтожества. Мы над ними хозяйева.

Джек ушам своим не поверил: какой же Кадзуки спесивый! Разве можно говорить такие глупости? Люди не лучше и не хуже друг друга, они просто разные. А Кадзуки рассматривал различия как слабость, промах или ошибку.

Джек уже приготовился вмешаться, когда Кадзуки пошел на попятную.

— Ёри, я ведь могу быть справедливым, — почти примирительно сказал Кадзуки. — Из уважения к твоим предкам я дам тебе шанс избежать наказания.

Джек замер: возможно, Акико права и Кадзуки проявит уважение к Ёри, потому что он самурай. Испуганный Ёри растерянно моргнул.

— Ты, кажется, хорошо разбираешься в дзэне. Дай мне ответ на один коан — я уверен, что ты легко решишь эту загадку. А если не сможешь, то с благо-

дарностью примешь наказание. Правда, тогда жевать ты будешь с трудом.

Нобу хихикнул над такой угрозой и захрустел пальцами — хруст разнесся по всему залу. Ёри заскулил.

— Вот тебе коан: когда хлопают в две руки, слышится звук. А как звучит хлопок одной ладонью?

Ёри молчал, теребя руками свое кимоно и сморщив лоб в отчаянной попытке сосредоточиться.

— Ну что, Ёри, как звучит хлопок одной ладонью? — снова спросил Кадзуки.

— Тише, пожалуйста, мне нужна тишина, чтобы подумать.

— Извиняюсь, но я голоден, и мое терпение иссякает. Отвечай!

— Это... относится к самому коану. Две хлопающие руки означают... поиск ответа... тогда сами руки становятся коаном... отсюда следует, что тот, кто медитирует... тоже становится тем коаном, который решает... Вот так звучит хлопок одной рукой.

— Прекрасно! Сэнсёу Ямада очень понравилась бы эта философская белиберда. Только ответ неправильный. Хлопок одной рукой звучит вот так! — Кадзуки размахнулся и со всей силы ударил Ёри по лицу — тот упал, поскуливая от боли.

— Нет! — закричал Джек и, не раздумывая, налетел на Кадзуки. Ударил его плечом в живот, и оба мальчишки покатались по полу. Кадзуки задышался, не в силах двинуться с места. Джек врезал ему в челюсть. — Это тебе за Ёри! А это от меня!

Акико и Кику ворвались в Буцу-дэн как раз в тот момент, когда Джек занес кулак для второго удара.

— Джек! — крикнула Акико.

Джек поднял взгляд — и Кадзуки воспользовался моментом: треснул Джека кулаком в подбородок, заставив отлететь назад. Кадзуки, с разбитой губой, поднялся на ноги и встал над растянувшимся на полу Джеком.

— А вот это ты зря, гайдзин! — Кадзуки поднял ногу для удара.

— Нет! — закричала Акико, бросившись на Кадзуки, чтобы остановить его. Однако Нобу схватил ее за волосы и резко дернул назад.

Джек, разозленный нападением Нобу на Акико, подкатился к Кадзуки и сильно ударил его по опорной ноге.

Кадзуки потерял равновесие и рухнул на пол.

Мальчишки сцепились, стараясь побороть друг друга.

Кадзуки удалось оказаться сверху и зажать левую руку Джека. От боли Джек не мог пошевеливаться: при малейшей попытке двинуться Кадзуки давил еще сильнее.

В Буцу-дэн примчался Ямато вместе с Сабуро.

— Ямато, помоги Джеку! — закричала Акико, вырываясь из рук Нобу.

Испугавшись, что Ямато нападет на него, Нобу выпустил Акико. Кику бросилась к ней на помощь, однако помощи не потребовалось: Акико всадила локоть в живот Нобу, заставив того согнуться пополам.

— Ямато, зачем тебе помогать гайдзину? — выкрикнул запыхавшийся Кадзуки. — Особенно тому,

который занял не принадлежащее ему место твоего брата? Ведь Масамото усыновил его, верно?

Ямато замешкался, не торопясь приближаться, и пристально посмотрел на придавленного к полу Джека.

— Как ты мог это допустить, Ямато? Гайдзин стал членом твоей семьи! Какой позор!

Слова Кадзуки эхом отдались от стен Буцу-дэна и зазвенели в ушах Ямато: «Позор! Позор! Позор!»

— Я могу прекратить это безобразие. Сломаю ему руку так, что даже Масамото не вылечит. Что-то я не встречал одноруких самураев, как ты думаешь, Ямато?

Джек видел, что Ямато колеблется: с одной стороны, было бы гораздо лучше избавиться от Джека навсегда, а с другой стороны, Ямато был обязан ему жизнью. Однако в данном случае долг чести роли не играл: все решал гнев отца.

— Масамото нас не накажет, — подзуживал Кадзуки, словно читая мысли Ямато. — Нобу будет свидетелем: гайдзин первый на меня напал. И я имею полное право защищаться.

Ямато отступил на шаг назад.

— Верно, Ямато, дай мне возможность избавиться тебя от этого гайдзина. Мы с тобой оба знаем, что он встал тебе поперек горла.

Чтобы подкрепить свои слова, Кадзуки сильнее скрутил кисть Джека. Боль, как раскаленное железо, обожгла руку, и Джек вскрикнул. И вдруг его кисть оказалась свободна.

Акико изо всех сил пнула Кадзуки в спину, применив маэ-гэри — простой, но эффективный прямой удар ногой, который они как раз изучили на тайдзю-цу. Кадзуки пропахал носом по полу. Потом вскочил и двинулся на Акико.

Она инстинктивно закрылась рукой, однако Кадзуки в последний момент удержался от удара.

— Вот еще глупости! — сказал он, отступая и поднимая обе руки в знак мирных намерений. — Из-за гайдзина поцапались. Масамото велел проявлять солидарность. Я не буду с тобой драться.

— А с Джеком, значит, будешь, хотя он тоже самурай? — парировала Акико.

— Да какой из него самурай! Никогда ему не быть самураем, и он это знает. Ты только посмотри!

Джек, с распухшим от удара Кадзуки лицом, лежал на полу, прижимая к себе руку. Акико глянула на него с жалостью.

А вот жалости не надо! Его покалечили и унизили, но не победили. На самом деле Джек хотел, чтобы его признали своим, однако этого, похоже, не дождешься. Он отвернулся от Акико.

Кадзуки поклонился и невозмутимо зашагал в выходу. Нобу, все еще держась за живот, преданно пошел следом. Кадзуки вытер окровавленную губу тыльной стороной ладони и повернулся к оставшимся:

— Не вздумайте рассказать наставникам о том, что здесь произошло.

— Только тронь Джека еще раз, и я все расскажу Масамото! — пригрозила Акико.

— Не расскажешь! Иначе нас всех выставят из школы: в Буцу-дэн драться запрещено.

— Джек — мой друг, и я буду на его стороне, чего бы мне это ни стоило.

Джек ушам своим не поверил! Акико принародно назвала его другом! На всех остальных это тоже произвело впечатление.

Акико помогла Джеку подняться.

— Не водись с гайдзинами, Акико! Не то в следующий раз, когда ты окажешься на моем пути, я могу и не сдержаться, — предупредил Кадзуки.

— Тронь Джека, и я все расскажу!

Кадзуки растерялся.

Джек понял, что угроза Акико могла иметь для Кадзуки серьезные последствия: для мальчика, близко связанного родственными узами с императорской семьей, вылететь из Нитэн ити рю означало бы навсегда потерять лицо.

— Акико, мне бы не хотелось увидеть твой позор, поэтому, если ты забудешь то, что случилось сегодня, я обещаю не драться с гайдзином в стенах Нитэн ити рю. Договорились?

Акико снова посмотрела на Джека, затем кивнула.

— Гайдзин! — прорычал Кадзуки. — Мы с тобой еще не закончили. Война едва началась!

32. Ханали

Прелестная бабочка с радужными крылышками сидела на розовом цветке вишни и, набираясь сил, пила сладкий нектар. Ее усики подрагивали, когда ветер менял направление.

Откуда ни возьмись, на цветок обрушился тяжелый железный прут. Бабочка упорхнула, в последний момент избежав смерти. Красный демон гигантского роста с шумом выскочил из кустов, размахивая прутом и упорно пытаясь ударить бабочку, как только она садилась на цветок.

Бабочка с легкостью избегала все новых ударов. Демон раздраженно хмурился, по его лицу текли ручьи пота. Кипя от злости, демон все бил по бабочке, пока не рухнул на землю, выбившись из сил. Бабочка, ничуть не пострадав, упорхнула прочь.

Джек моргнул, открывая глаза.

Струйка дыма от палочки благовоний лениво тянулась к потолку комнатки. На узком подоконнике,

рядом с бонсаем, сидел красный дарума, добродушно уставившись на Джека единственным глазом.

Джек тяжело дышал, ошеломленный видением.

Во время утренней медитации он без труда достигал третьего этапа, чистоты сознания. В результате на целый день голова сохраняла ясность. А вот видений никогда прежде не случалось.

Откуда вдруг взялись демон и бабочка? Что это значит — и значит ли что-то вообще?

Ничему подобному их не учили. Придется поговорить с сэнсэем Ямада.

Джек встал и потянулся. Взял стоявший у окна кувшинчик и полил бонсай: он делал это каждое утро, в точности как велел Уэкия.

«Старик будет доволен», — подумал Джек. Деревцо все еще живо!

Занимаясь бонсаем, Джек заметил на веточках крохотные розовые почки — точно такие же, как в его видении. Сакура зацветает! Значит, весна пришла.

«С ума сойти!» — подумал Джек. Он уже больше трех месяцев учится в Нитэн ити рю. И почти девять месяцев прожил в Японии. А в Англии не был чуть не три года! Жизнь так изменилась... Теперь он больше не ребенок, мечтавший стать штурманом, как отец. Теперь он юный самурай!

Каждое утро Джек просыпался еще до рассвета, чтобы медитировать, пока не стгорит половина палочки. Потом вместе со всеми ел безвкусный завтрак из риса и маринованных овощей. Эх, сейчас бы кусок настоящего бекона с яичницей!

Затем начинались уроки: утром первый, после обеда второй. Один день изучали кэндзюцу и дзэн, а на следующий — кюдзюцу и тайдзюцу. После занятий Джек и остальные ученики ужинали в Тё-но-ма, где на почетных местах сидели все сэнсэй — словно загадочные боги войны, наблюдающие за своими подопечными.

После ужина полагалось тренироваться самостоятельно, отработывая изученные приемы. Ученикам постоянно вбивали в головы девиз «Тренируйся сегодня, чтобы выжить завтра!».

И все же, несмотря на жесткий режим дня и дисциплину, Джек не мог отрицать, что давно не испытывал такого внутреннего спокойствия. Жизнь по расписанию очень этому способствовала: вместо бесцельного болтания он был занят делом — учился защищать себя, жить в соответствии с принципами бу-сидо и быть настоящим самураем.

Теперь Джек умел наносить точные и сильные удары боккэном и овладел тремя первыми атаками — сэнсэй Хосокава как-то сказал, что других и не понадобится.

А еще Джек научился стрелять из лука, хотя в цель попал только дважды — в отличие от Акико, которая словно родилась с луком в руках.

Кроме того, он мог бить руками и ногами, парировать удары и бросать противника. Конечно, пока что он знал лишь самые простые приемы, однако уже сейчас перестал быть беспомощным мальчиком, который не сумел спасти отца. В следующий

раз, когда они встретятся с Докуганом Рю, он будет самураем!

После драки в Буцу-дэне многое изменилось. Вслух назвав Джека своим другом, Акико стала его верным союзником. Ёри примкнул к их компании, правда, держался так замкнуто, что Джек до сих пор очень мало о нем знал. Кику тоже вела себя вполне дружелюбно, хотя Джек подозревал, что она делает это ради Акико, а вовсе не из симпатии к нему. Сабуро не вставал ни на чью сторону: он дружил со всеми и разговаривал с любым, кто его слушал.

А вот Ямато совсем отдалился. Теперь он сидел за одним столом с Кадзуки, Эми и Нобу. Разговаривал с Акико и остальными и лишь Джека в упор не видел. Ну и пусть!

Зато Кадзуки держал свое слово: оставил Джека в покое. Хотя и продолжал бросать угрожающие взгляды и, вместе со своими дружками, дразнить его «гай-дзин Джек», но в драку больше не лез. Не считая занятий по тайдзюцу!

Там закон был не писан.

Когда они занимались кихон вадза и рандори, Кадзуки частенько применял большую силу, чем требовалось, однако сэнсэй Кюдзо не обращал на это внимания. Однажды Джек и Кадзуки отрабатывали удэ-укэ, защитный блок предплечьем, и удары становились все чувствительнее. В конце концов мальчишки колотили друг друга в полную силу, а потом целую неделю ходили с синяками. Джек попытался пожаловаться на поведение Кадзуки, но сэнсэй Кюд-

зо его отбрил: «Ничего, крепче будешь. Если ты, гайдзин, боишься боли, то самураем тебе не быть!»

— Джек, ты идешь? — Голос Акико прервал его размышления.

Джек моргнул. Одетая в голубое кимоно с бабочками, Акико сама была похожа на бабочку из его видения. Рядом с ней появилась Кику — в светло-зеленом весеннем кимоно и с маленькой сумочкой в руках.

— Куда? — спросил Джек.

— На ханами! — пропела Акико и торопливо удалилась. Кику последовала за ней.

— Что еще за ханами? — крикнул ей вслед Джек.

— Праздник любования цветущей сакурой, — объяснил Сабуру, высовываясь из-за угла. Позади молча стоял Ёри.

— Праздник любования цветущей сакурой? Звучит неплохо! — с напускным восторгом отозвался Джек. Однако все же поставил на место кувшинчик с водой и пошел следом за остальными: по крайней мере, хоть что-то новенькое в ежедневной рутине тренировок!

— Да уж, такого я еще не видел! — удовлетворенно вздохнул Джек, развалившись на заросшем травой берегу реки Камогава, в тени вишневых деревьев, согнутых под тяжестью множества цветков.

Акико, Кику, Ёри и Сабуру сидели рядом, вместе с Джеком наслаждаясь свободой: учеников впервые выпустили за ворота школы.

— Ну и как тебе наш праздник любования сакурой? — поинтересовалась Акико.

— Если он состоит в том, чтобы есть, пить и валяться в тени вишневых деревьев, то лучшего праздника я не знаю! — ответил Джек.

— Джек, ведь мы здесь не просто едим, пьем и бездельничаем! — с дружелюбной улыбкой упрекнула его Акико.

— Ты говоришь как сэнсэй Ямада с его коанами! — пошутил Джек, и все засмеялись.

— Нет, в самом деле, ханами для нас имеет огромное значение, — сказала Акико. — Когда зацветает вишня, приходит время сажать рис, а по цветкам сакуры мы определяем, каким будет урожай, — в этом году должен быть хорошим.

— А еще цветение сакуры знаменует новый этап в жизни, — добавила Кику. — Поэтому мы приносим жертвы богам, живущим в стволах деревьев. Видишь вон тех самураев?

— Вижу, — отозвался Джек, разглядывая разлегшихся в тени сакуры трех самураев: они передавали друг другу огромную глиняную бутылку и, похоже, здорово опьянели от ее содержимого.

— Они, по традиции, поднесли богам сакуры сакэ и теперь вкушают поднесенный ими дар.

— А что такое сакэ? — спросил Джек.

— Рисовое вино! — жизнерадостно объяснил Сабуро. — Хочешь попробовать?

— Давай, — согласился Джек, хотя и заметил неодобрительный взгляд Акико.

Сабуро побежал к пьяным самураям, быстро вернулся и протянул Джеку деревянную чашку, наполненную прозрачной жидкостью.

Джек отхлебнул. Сакэ оказалось сладким и водянистым, однако стоило его проглотить, и вкус стал резким. Вино обожгло горло, и Джек закашлялся.

— Ну, как тебе? — нетерпеливо поинтересовался Сабуро.

— Не такое крепкое, как грог на корабле, но лично я предпочел бы воду.

Сабуро равнодушно пожал плечами и одним глотком осушил остатки. Затем пошел к самураям, чтобы отдать пустую чашку, и в результате вернулся с еще одной полной. На этот раз он предложил ее девочкам.

— Ты же знаешь, нам запрещено пить сакэ! — отругала его Кику.

Сабуро пропустил ее слова мимо ушей и стал потягивать вино в одиночестве.

Они до вечера валялись на травке под деревом, иногда окуная ноги в прохладную воду Камогавы. Сабуро время от времени наполнял опустошенную чашку.

Когда солнце склонилось к закату, на деревьях вдоль дорожек развесили горящие фонарики из бумаги: они казались светящимися плодами. Темнело, и пора было возвращаться в школу.

— Джек, а теперь что ты думаешь о сакуре? — спросила Акико.

— Цветы сакуры прекрасны и недолговечны, как сама жизнь, — ответил Джек, повторяя слова садовника Уэкия.

— А вот и нет! Они недолговечны как женская красота! — брякнул Сабуро, опьянев от сакэ. Попытался встать, однако коленки подгибались; Кику и Ёри помогли ему подняться.

— Верно, Джек. Как сама жизнь, — согласилась Акико, не обращая внимания на пьяного Сабуро. — Ты начинаешь думать как настоящий японец.

Они возвращались в школу вдоль берега реки, под цветущими ветвями сакуры с развешанными на них фонариками. Джек и Акико ушли вперед, а Кику и Ёри с трудом тащили нетрезвого Сабуро.

В мягком свете фонарей Акико казалась еще красивее, чем обычно. Джек вспомнил, как впервые увидел ее: возле храма на полуострове, рядом с белым жеребцом, привязанным к огромному камню. С тех пор как Джек очутился в Японии, Акико была его верным союзником: ухаживала за ним, когда он болел, помогала учить язык, знакомила с обычаями, а потом защищала от Кадзуки. Джек у нее в неоплатном долгу!

Он повернулся и открыл было рот, но слова застряли в горле — Джек молча смотрел на Акико. Она остановилась и встретила его взгляд: ее карие глаза сияли в полумраке.

— Эй ты! Гайдзин Джек! — зарычал кто-то. — Ты что тут делаешь?

У Джека кровь застыла в жилах.

33. Гарю-дзидай

Кадзуки, усмехаясь, смотрел на него:

— Эй, гайдзин! Ты что, оглох? Я спрашиваю, что ты делаешь за пределами школы?

— Кадзуки, оставь его в покое! Ты обещал! — сказала Акико.

— А, подружка гайдзина! Он все еще не может сам за себя постоять? — поддразнил Кадзуки. — Что, гайдзин, за спину девчонки прячешься? Слыхали, парни, гайдзину нужна телохранительница!

Насмешливо фыркнув, Кадзуки бросил взгляд через плечо: за его спиной стояли четверо мальчишек. Объемистый животик Нобу затрясся от смеха. Двое незнакомых Джеку мальчишек одобрительно засмеялись. А вот четвертый дружок Кадзуки явно чувствовал себя не в своей тарелке, с преувеличенным интересом разглядывая свои таби, — это был Ямато.

— И все-таки Акико тебя побила, скажешь, нет? — ответил Джек, и один из мальчишек фыркнул.

— Только потому, что напала сзади! — огрызнулся Кадзуки. — И вообще, гайдзин, ты бы лучше о себе побеспокоился, чем обо мне. У нас с тобой свои счета.

— Нет! — воскликнула Акико. — Я тебя предупреждала, что все расскажу Масамото!

— Что ты ему расскажешь? Что несколько месяцев назад мы немного поспорили в Буцу-дэне? Вряд ли — поздновато теперь рассказывать.

Кадзуки сделал шаг вперед, надвигаясь на Джека.

— И вообще, Акико, у тебя память слишком короткая: мое обещание распространялось только на пределы школы. Вне школы я могу делать, что вздумается: Масамото здесь не хозяин.

— Ну давай! — бросил вызов Джек. — Давай сведем счета!

Джеку до смерти надоели дразнилки, шепотки за спиной, издевательства на тайдзюцу и постоянные угрозы — все время тебе на нервах играют. И единственный способ прекратить это — свести счета с Кадзуки раз и навсегда.

— На твоём месте, гайдзин, я бы хорошенько подумал, прежде чем ввязываться в драку, которую ты заведомо проиграешь, — заявил Кадзуки. — Ты ведь еще не знаком с моими двоюродными братьями? Это Райдэн, его имя означает «Бог грома».

Один из мальчишек сделал шаг вперед, отвесил поклон и снова выпрямился. Джек с удивлением увидел, что Райдэн на добрую голову выше, руки у него толстые и мускулистые, а ноги — как стволы деревь-

ев! Для японца Райдэн был необычно волосат: темные, кустистые брови свисали с выступающего вперед лба, а из-под кимоно на груди выбивались волосы.

При виде такого грозного гиганта Джек перепугался бы до полусмерти, если бы не слишком близко посаженные глаза Райдэна, придававшие ему глупый вид обезьяны-переростка.

— А это его близнец Тору. Поверь мне на слово, что означает его имя тебе лучше не знать.

Джек решил, что Тору выглядит точно так же, как Райдэн, только еще глупее.

— Они приехали с Хоккайдо, хотя тебе-то, гайдзин, откуда знать, где это? — снова поддразнил Кадзуки. — Придется объяснить. Хоккайдо — остров на севере Японии, и эти парни из клана Сэто, самого грозного и безжалостного клана самураев. Поэтому они записались в школу Ягю рю. Из этой прославленной школы в Киото вышли самые грозные воины в Японии. И содержит ее не кто-нибудь, а сам даймё Камакура Кацуро!

— Кадзуки, это касается только нас с тобой, — оборвал его Джек, которому надоели угрозы. — Пошли своих горилл домой!

Райдэн и Тору зарычали от такого оскорбления и двинулись вперед с явным намерением разорвать Джека на части.

— Эй, ч-чего это вы тут? — заплетающимся языком спросил Сабуро, вырываясь из рук Кику и Ёри и вставая на пути приближающихся к Джеку вер-

зил. — От-отстаньте от моего др-друга... Мы х-ханами пр-празднуем... и вас не пр-приглашали...

Сабуро слегка покачивался, как дарума, а затем повалился вперед, уткнувшись головой в грудь Райдэна. Тот отмахнулся, словно муху отгонял.

— Ой! — вскрикнул Сабуро, пошатнувшись от удара. Из разбитого носа закапала кровь. — Ах ты, дуболом толстопузый! Мне же больно!

Кику и Ёри бросились ему на помощь, но Сабуро оттолкнул их и замахнулся на обидчика. Райдэн попросту поднял кулачище, собираясь врезать Сабуро в челюсть.

— Эй ты! Нашел с кем связываться! — крикнул Джек и нанес боковой удар ёко-гэри, попав пяткой Райдэну по ребрам.

Райдэн зарычал, отшатнулся в сторону, и его кулак пролетел мимо лица ошеломленного Сабуро, врезавшись прямо в ствол ближайшей сакуры. Райдэн завыл от боли. Доведенный до бешенства, он осыпал Джека градом ударов.

Джек отходил назад, чтобы не получить по голове. — Берегись! — крикнула Акико.

Поздно. Тору подкрался сзади и стиснул Джека в медвежьем объятии, прижав его руки к бокам.

— Ну и что ты теперь будешь делать, гайдзин Джек? — издевался Кадзуки, который наблюдал за потасовкой с нескрываемым удовольствием. Позади него Ямато отступал в тень, пытаясь отойти подальше от драки.

Тору крепче сжал Джека, не давая ему дышать. Джек почувствовал, что теряет сознание. Но тут верзила застонал, и его хватка ослабела: Акико обрушилась на него усиро-гэри, удар пяткой назад — самый мощный удар в тайдзюцу. Усиро-гэри пришелся по ребрам — любого нормального человека это свалило бы с ног, но Тору лишь слегка ослабил хватку, испепеляя Акико взглядом.

Тогда Акико нанесла ему маваси-гэри, боковой удар голенью с разворотом всего тела. На этот раз Тору ждал атаки: он развернулся, прикрываясь Джеком. Акико, отчаянно стараясь не задеть Джека, потеряла равновесие. Не выпуская Джека, Тору одной рукой поймал Акико за ногу. Теперь он держал их обоих.левой рукой он сдавил Джеку горло и стал его душить.

— Прекратите немедленно! — закричала расстроенная Кику. Рядом с ней застыл Ёри, встревоженно глядя широко раскрытыми глазами. — Ямато, да помоги же им!

Однако Ямато, не обращая внимания на мольбы Кику, отошел подальше от драчунов. Все это время Кадзуки и Нобу наслаждались представлением, поджуживая близнецов и дразня Джека.

— Эх ты, гайдзин, так ничему и не научился! Да любой самурай запросто вырвался бы из такого захвата! — потешался Кадзуки.

— Давай, Тору, переломи его пополам! — крикнул Нобу.

Тору еще крепче стиснул горло Джека, так что тот едва дышал. Однако волноваться следовало не об этом: Райдэн, подняв кулаки, шел прямо на него.

Зажатый железной хваткой Тору, Джек понял, что для защиты остаются только ноги. Он ухватился за руку Тору, оттянув ее немного, чтобы глотнуть воздуха, а потом, опираясь на нее, оторвался от земли и обеими ногами нанес маэ-гэри, прямой удар. Застигнутый врасплох, Райдэн чуть промедлил и получил по зубам. Он отшатнулся назад, закрывая руками разбитое, окровавленное лицо.

Сабуро воспользовался подвернувшейся возможностью и выставил ногу: споткнувшийся Райдэн потерял равновесие и врезался в ствол сакуры. Дерево задрожало. Удар стряхнул с ветки бумажный фонарик, который слетел прямо на голову Тору. Хлипкий абажур развалился, и горящая свеча упала на грязную шевелюру — волосы мгновенно вспыхнули. Тору выпустил Акико и Джека и заплясал, как танцующий медведь, ожесточенно молотя ладонями по пылающим лохмам, пытаясь сбить пламя.

Сабуро, Кику и Ёри расхохотались при виде пляшущего Тору, но веселье было недолгим.

Во всеобщей неразберихе Райдэн пришел в себя и схватил Сабуро за волосы, разворачивая его к себе лицом, чтобы нанести удар. Разъяренный Тору с дымящейся как труба макушкой угрожающе двинулся на Акико и Джека.

Шутки кончились: близнецы решили нанести решительный удар.

— Ямэ! — Голос прогремел так властно, что даже проходившие мимо подвыпившие самураи замерли на месте.

— Что здесь происходит?

Из темноты выступил Масамото — его обезображенное лицо горело.

Скрывавшийся в тени Ямато побелел и стыдливо опустил голову. Кадзуки и Нобу рухнули на колени.

— Оставьте в покое моих учеников! — приказал Масамото и нанес молниеносный нукитэ-ути в шею Райдэна.

Удар руки-копья пришелся на скрытую болевую точку, заставив Райдэна мгновенно упасть на землю, словно марионетка, у которой перерезали ниточки.

Сабуро, потирая голову там, где из его шевелюры вырвали клочок волос, торопливо бросился к Ёри и Кику — все трое склонились перед Масамото.

— Масамото! Это ты оставь в покое моих учеников! — донесся другой голос из-за спины Масамото.

На тропинку вышел самурай в кимоно голубого, желтого и золотистого цветов. Когда он приблизился, оказавшись под фонарем, Джек немедленно узнал его — даймё, проезжавший в лакированных носилках по Токайдо, Камакура Кацуро.

Камакура был ниже ростом, чем Масамото, и тем не менее пытался смотреть свысока. На злом лице с острым подбородком и крепко сжатым ртом топорщились усики. Надутый и самоуверенный, Камакура надменно осмотрелся, разглядывая каждого ученика Масамото, словно тараканов, подлежащих ис-

треблению. Джек вспомнил старика торговца, который лишился головы только за то, что не успел поклониться.

— Получше присматривай за своими учениками, не то я сам этим займусь, — ответил Масамото. — Сдается мне, что в твоей школе с дисциплиной проблема.

— У нас-то как раз с дисциплиной проблем нет, — высокомерно отозвался Камакура. — А вот в твоей школе явная проблема с обучением. В жизни не видел такой плохой техники.

— Как раз с техникой у них все в порядке! Акико показала прекрасный маваси-гэри, и я сомневаюсь, что кто-то из твоих учеников способен на двойной маэ-гэри, когда его душат!

— Масамото, давай не будем. Мы ведь старые соратники, — сказал Камакура умиротворяющим и в то же время неискренним тоном. — Не в парке же обсуждать такие вещи. Давай сделаем как положено — предлагаю устроить Тарю-дзай между школами.

— Тарю-дзай? — повторил застигнутый врасплох Масамото.

— Эти трое, — Камакура пренебрежительно махнул рукой, показывая на Джека, Акико и Сабуро, — против Райдэна, Тору и одной из моих девчонок — любая из них будет лучше твоей!

— И в чем же именно они будут соревноваться? — спросил Масамото, пропуская мимо ушей оскорби-

тельное замечание об Акико — ему явно понравилась идея Камакуры.

— Кэндзюцу, кюдзюцу и тайдзюцу.

— Согласен! — не колеблясь, ответил Масамото.

Джек понятия не имел, о чем идет речь, но, судя по тому, что от одного упоминания Тарю-дзай лицо Акико побледнело и вытянулось, а Сабуро моментально протрезвел, ничего хорошего их не ожидало.

— И когда ты хотел бы провести наше маленькое соревнование? — поинтересовался Камакура.

— Как насчет в день перед праздником Гион? — не моргнув глазом, предложил Масамото.

— До него же целых три месяца! — ошеломленно воскликнул Камакура.

— Судя по тому, что я видел здесь сегодня, твоим ученикам не помешает немного подготовиться. Мы ведь хотим, чтобы соревнование было на равных, верно? — широко улыбнулся Масамото и отвесил поклон. — Кроме того, свои победы я люблю праздновать с размахом.

34. Тайна сэксэя Ямада

— Почему ты не вступился за них? — прогремел голос Масамото.

Сдавленный ответ расслышать не удалось.

— Я видел, как ты отступал, презренный трус! Тэнно никогда бы так не сделал! — продолжал горящий гневом Масамото. — Почему ты не помог Джеку? Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, ты обязан ему жизнью! Он спас тебя. Получается, что он больше достоин быть самураем, чем ты!

Послышалось приглушенное извинение.

— Где твое мужество, твои доблесть и гордость? Это ты должен принимать участие в Тарю-дзидай, защищая честь школы. Ты, а не Джек!

Голос Масамото надломился, тут же что-то грохнуло, и со столика полетела на пол чайная чашка.

— Ты опозорил не только себя, но и всю семью! Подумай о том, что значит принадлежать к клану Масамото, и приходи, когда найдешь ответ! А сейчас убирайся!

Сёдзи скользнули в сторону, и появился Ямато: покрасневший от стыда и со слезами на глазах. На Джека, Акико и Сабуро, сидевших возле входа в Хо-о-но-ма, Зал феникса, Ямато даже не посмотрел, избегая их недоуменных взглядов. В Зал феникса, личное додзё Масамото, приглашали лишь учеников, которые удостоивались чести изучать технику «Двух небес».

— Ямато, мне очень жаль... — начал Джек, пытаюсь хоть как-то его утешить.

Однако Ямато оборвал его свирепым взглядом и бросился вон.

— Джек, ты не виноват, — тихо сказала Акико.

— Еще как виноват! Если бы я никогда здесь не появился, он бы...

— Войдите! — загрохотал голос Масамото.

Они в ужасе переглянулись. После драки во время ханами Масамото отвел их в школу, приказав тотчас ложиться спать. Впрочем, всю ночь они проводились, потому что Масамото велел всем троим явиться к нему на рассвете — Кику и Ёри признали невиновными свидетелями и отпустили. Акико объяснила Джеку, что приказ явиться к Масамото до завтрака означал только одно — их ожидало наказание. Вопрос лишь в том, насколько суровое.

— Сэйдза! — сказал Масамото, когда они вошли и склонились как можно ниже.

Он сидел на возвышении, возле черного лакированного столика. Одна служанка вытирала разлитый чай, а другая ставила перед Масамото чайник со свежей заваркой.

За спиной Масамото висел нарисованный на шелке горящий феникс: с крыльев падают искры, клюв смотрит в небеса.

Масамото кипел от злости, и его шрам покраснел, как раскаленная лава вулкана. Дрожащие Джек, Акико и Сабуро склонились до самого пола. Масамото молчал, ожидая, пока уйдут служанки.

— Сядьте прямо!

Он пристально оглядел каждого из троих, словно прикидывая, выдержат ли они тяжесть наказания. Масамото тяжело дышал, и у Джека пересохло в горле от страха.

— Прекрасно! — На искаженном яростью лице появилась тень улыбки. — Вчера вечером я был приятно поражен вашим поведением.

Они в растерянности переглянулись: наказания не будет?

— Сабуро, я прощаю тебя за твое не совсем трезвое состояние. По одной-единственной причине — ты проявил преданность друзьям. А твоя подножка этому верзиле Райдэну доказывает, что даже в пьяном виде ты ведешь себя, как боец.

Сабуро распростерся в поклоне, не в силах сдерживать облегчение: его простили!

— Акико, ты достойная ученица Нитэн ити рю. Только храбрейшие из воинов могут посмотреть в лицо опасности. — Масамото светился от гордости. — Противник Джека был больше тебя раза в два, однако ты, не колеблясь, атаковала его. Жаль, что даже маваси-гэри такому громиле оказался ни-

почем... Не переживай, сегодня утром ему будет очень больно.

Едва слышно вздохнув, Акико поклонилась: ее тоже помиловали!

— Ну а теперь ты, Джек. — Масамото отхлебнул глоток сэпча.

Джек знал, что он так легко не отделается: ведь драка завязалась именно из-за него. Вот ему-то и достанется за все!

Масамото не торопился с приговором, наслаждаясь сэпча. Джек сидел ни жив ни мертв.

— Ты раз за разом превосходишь мои ожидания, — наконец сказал Масамото. — Ты добился заметных успехов в боевых искусствах. Проявил преданность друзьям и бесстрашие. Может, ты родился самураем?

— Нет, Масамото-сама. — Джека охватила волна облегчения: наказания не будет!

— Простите, Масамото-сама? — поклонилась Акико.

— Да, Акико?

— Вы хотите сказать, что видели все, что произошло?

— Да.

— Тогда почему вы не вмешались до начала драки? — выпалил изумленный таким откровением Джек.

— По-моему, моя помощь вам не требовалась. — Масамото сделал глоток сэпча. — Кроме того, мне было интересно посмотреть, как вы поведете себя перед лицом опасности. Самурая судят не по тому,

насколько он хорош в безопасности своего додзё, а по тому, как он реагирует на атаку. Должен заметить, что твой маэ-гэри, хотя и небезупречный по технике выполнения, все же достиг цели. Ты проявил изобретательность.

Джек, Акико и Сабуро с ужасом переглянулись: то, что для них было делом жизни и смерти, Масамото рассматривал всего лишь как экзамен!

— А теперь поговорим о Тарю-дзай. Я думаю, Акико объяснила вам, что это такое?

Вчера вечером, по дороге обратно в школу, встревоженная Акико дрожащим голосом сказала Джеку: «Тарю-дзай — это состязание между школами. Участники соревнуются в разных видах воинских искусств, чтобы определить, какая школа лучше. Однако важна не сама победа в турнире. Тарю-дзай — это дело чести. Победившая школа будет названа лучшей в Киото, а ее основатель получит редкую привилегию аудиенции с императором. Проиграть для Масамото невыносимо!»

Джек согласно кивнул.

— Хорошо. — Масамото поставил чашку на столик. — Тогда вы понимаете всю важность подобного состязания. Мы обязаны победить.

— Да как же мы можем их победить? — брякнул Сабуро. — Вы же сами сказали, что они в два раза больше и не оставили бы от нас мокрого места, если бы вы не...

— Хватит! — резко оборвал его Масамото. — О поражении и речи быть не может! Даже думать об

этом не смейте! Кроме того, чем выше препятствие, тем больше славы достается победителю*.

— Хай, Масамото-сама! — неуверенно согласились они.

— Нам повезло, что я смог отложить турнир, и теперь у вас есть время подготовиться. Ваши противники в самом деле больше вас. Но чем они больше, тем больнее им будет падать — а они упадут, если вы сумеете правильно их бросить.

«Акико права, — подумал Джек. — Для Масамото проиграть просто невыносимо!»

— Я договорился с вашими наставниками: они будут каждый вечер заниматься с вами дополнительно. Вам придется тренироваться в два раза дольше и усиленнее остальных.

— Но... — запротестовал Сабуро.

— Никаких «но»! Вы будете вести себя, как подобает самураям, и добьетесь победы!

Масамото отпустил их. Они поклонились и вышли.

Снаружи, сидя на коленях, ждали Кадзуки и Нобу. Лицо Нобу было бледнее мела, а Кадзуки, против обыкновения, не решился дразнить Джека: теперь ему своих проблем хватало.

Слишком ошеломленные предстоящей задачей, чтобы разговаривать, Джек, Акико и Сабуро молча пошли на завтрак в Тё-но-ма.

Весь день Джека, Акико и Сабуро донимали ученики: по школе разнесся слух, что они втроем будут

* Мольер, Жан Батист. — *Примеч. авт.*

защищать честь школы в Тарю-дзай, и всем хотелось знать, правда ли это. Когда слух подтвердился, все напрашивались к ним в друзья, надеясь поднять этим собственный статус.

Джека внезапно признали своим: больше никто не дразнил его «гайдзин Джек» и не шептался за спиной. Все слышали, как он храбро дрался с близнецами Сэто, и каждому хотелось примазаться к славе.

К ужину драка во время ханами превратилась в легенду. Близнецы Сэто с Хоккайдо стали великанами в два человеческих роста и с шестами в руках. Акико летала по воздуху, нанося удары ногами направо и налево. Джек оказался самураем, который способен не дышать, а Сабуро — пьяным воином, победившим Райдэна, Бога грома, с закрытыми глазами.

Джек подозревал, что большинство преувеличенный исходили от болтунишки Сабуро, который был готов бесконечно повторять свой рассказ, упиваясь вниманием слушателей. А вот Джек и Акико предпочитали помалкивать, озабоченные предстоящим испытанием.

После ужина они пошли в Зал Будды на первое подготовительное занятие для Тарю-дзай — урок сэнсэя Ямада. Во дворе им навстречу попались Кадзуки и Нобу, которые нарочито не обратили на них внимания.

— Куда это они? — спросил Джек, удивленный, что Кадзуки не бросил как обычно «гайдзин Джек!».

— В Бутоку-дэн, — ответила Акико.

— Что? Разве они тоже тренируются?

— Нет! — засмеялся Сабуро. — А ты не слышал? Масамото наказал их за то, что они обесчестили школу. Велел отполировать весь зал, от пола до потолка.

— Правда? На это им понадобится не один день! — воскликнул Джек, не в силах удержаться от радостной улыбки.

— Это еще что, а сколько дней им понадобится, чтобы почистить каждый кирпичик во дворе! — не менее радостно отозвался Сабуро. — А потом они должны разровнять гравий в Южном саду дзэн — пользуясь только своими хаси! У них недели уйдут!

«По крайней мере, Кадзуки не будет постоянно меня дразнить, — с облегчением подумал Джек. — И без него забот хватает!»

Они поднялись по лестнице и вошли в Буцу-дэн. Сэнсэй Ямада уже сидел на покрытом подушками возвышении. Вокруг него горели свечи и дымились благовонные палочки.

— Входите, входите. Сэйдза! — Голос сэнсэя Ямада эхом отразился от стен огромного зала.

Джек, Акико и Сабуро уселись на подушки, лежавшие перед возвышением.

— Так, значит, это вы трое могучих воинов? — спросил Ямада с озорными искрами в глазах. — И я удостоился чести подготовить вас к поединку?

Сэнсэй Ямада зажег еще одну палочку — смесь кедра и красной смолы, которую он называл «кровь дракона». Смола добывалась из ротанговой пальмы

и давала тяжелый, лесной запах, такой сильный, что у Джека слегка закружилась голова.

С полузакрытыми глазами сэнсэй Ямада погрузился в транс, что-то напевая себе под нос. Джек, Акико и Сабуро, уже привыкшие к такому поведению сэнсэя, тоже начали медитировать.

— Джек, чего ты боишься? — через несколько минут спросил сэнсэй Ямада, не выходя из транса.

Джек неопределенно замычал: неожиданный вопрос прервал его собственную медитацию в момент перехода к пятому этапу — естественной мудрости, когда все вещи представляются в их истинном свете.

— Расскажи мне, что именно ты видишь. Чего ты боишься?

Голос сэнсэя гудел в ушах Джека, запах благовоний обострил чувства, и в голове из темного круговорота появились образы, всплыли на поверхность лица, и ожили кошмары.

— Утонуть... я всегда боялся утонуть... уйти на дно океана... — запинаясь, ответил Джек, выдавливая слова.

— Хорошо. А что еще ты видишь?

— Маму... я боюсь... она уходит... умирает... одна. — Джек застонал и слегка вздрогнул. — Гинзель... у него в спине нож...

Затем в темноте перед мысленным взором Джека сгустилась зеленая дымка, превратившись в глаз.

— Зеленый глаз... Теперь я вижу зеленый глаз... похож на дракона. Докуган Рю!.. он плывет над от-

цом... я не могу помочь... отец умирает... — Джек распахнул глаза, чтобы не видеть ужасные картинки. — Смерть... я боюсь... смерти!

— Смерти бояться не надо, — спокойно ответил сэнсэй Ямада и тоже открыл глаза. Его взгляд затягивал так глубоко, что Джек чуть не утонул в нем. — Смерть встречается чаще, чем жизнь. Все умирают, но далеко не все живут. Твоя мать, Гинзель, отец. Отпусти их.

— Я... не понимаю, — пробормотал Джек, ошеломленный словами сэнсэя.

— Смерти бояться не надо. Больше всего ты боишься жить полной жизнью. Джек, самое главное, даже в смерти, — это жизнь, — объяснил сэнсэй, глядя всепонимающими глазами. — Важнее всего то, как ты живешь. Твой отец жил и умер, защищая тебя, и это самая достойная цель. Не бойся за него, потому что он жил и продолжает жить в тебе.

Слова сэнсэя эхом отозвались в ушах Джека, и по щекам потекли слезы. Долгие месяцы одиночества, боли, страдания и печали полились из него рекой.

Постепенно рыдания затихли.

Джек вытер слезы и обнаружил, что чувствует себя легче, спокойнее и увереннее, словно его закутали в одеяло умиротворенности и сняли с плеч невидимый груз.

— Я не знаю, как победить других; я знаю лишь, как одержать победу над самим собой. — Слова сэнсэя привлекли внимание остальных. — Наши настоящие и самые опасные враги в жизни — страх, гнев,

растерянность, сомнение и отчаяние. Если мы одолеем этих внутренних врагов, то одержим победу и над любым нападением извне.

Сэнсэй Ямада внимательно посмотрел на каждого из трех учеников, чтобы убедиться, что они поняли смысл его слов.

— Преодолейте свои страхи, и вы покорите весь мир. Об этом наш сегодняшний урок.

Сэнсэй Ямада слегка поклонился и отпустил учеников. Акико и Сабуро поклонились в ответ и пошли к выходу. Джек остался сидеть.

— Мне нужно спросить кое-что у сэнсэя Ямада, — сказал Джек в ответ на обеспокоенные взгляды товарищей. — Я сейчас приду.

— Мы подождем на лестнице, — пообещала Акико, уводя Сабуро.

— Джек, тебя что-то тревожит? — спросил сэнсэй Ямада.

— Вчера... утром... у меня...

— Было видение? — закончил за Джека сэнсэй Ямада.

— Да. Откуда вы знаете?

— Такое случается нередко. Освобожденный дух обладает большей силой, чем ты можешь себе представить. Что ты видел?

Джек описал красного демона, ожесточенно атакующего бабочку.

— Есть много способов истолковать подобное откровение, — подумав, ответил сэнсэй Ямада. — Его истинное значение обычно скрыто под многими на-

слоениями ума, только ты сам можешь добраться до сути. Тебе нужно найти ключ к этому секрету.

Джек почувствовал безграничное разочарование: он-то надеялся, что старый монах сразу же даст ответ, а вместо этого сэнсэй Ямада, как обычно, говорил загадками. Разве ключом можно открыть ум?

— Возможно, ключ в тё-гэри... — пробормотал Ямада себе под нос.

— Тё-гэри? — повторил Джек с внезапно вспыхнувшей надеждой.

— Да, тё-гэри. Иногда путь к пониманию духа лежит через тело. Ты видел бабочку. Порхая, она избежала атаки демона. Возможно, тё-гэри поможет тебе разобраться в твоём видении.

— А где мне найти тё-гэри?

— Джек, дело не в том, где его найти, а в том как. Тё-гэри — древний прием китайских боевых искусств, потерянный в глубине веков. Он назван «Удар бабочки», потому что это удар ногой в прыжке, когда руки и ноги вытянуты подобно крыльям летящей бабочки. Это очень сложный прием, которым можно отразить любую атаку. От тё-гэри практически нет защиты.

— Ну и какой смысл давать мне ключ, которого никто не знает? — Постоянные загадки сэнсэя Ямада начали раздражать Джека.

— Я не сказал, что его никто не знает, — ответил сэнсэй и уставился на Джека долгим взглядом. Джеку стало не по себе: казалось, что старик заглядывает в самую душу.

— Я попробовал бы научить тебя, — наконец заговорил сэнсэй Ямада, — однако тебе это может оказаться не по силам.

— Мне... — недоверчиво заикнулся Джек. — Простите, сэнсэй, не староваты ли вы для воинских искусств?

— Ох уж эти слепые юнцы! — Ямада встал, опираясь на тросточку.

Джек уже собрался рассыпаться в извинениях, когда сэнсэй внезапно отпустил трость и взлетел в воздух.

Тело старика изогнулось, руки описали дугу, а обе ноги ударили высоко над головой Джека.

Затем сэнсэй Ямада невозмутимо поправил кимоно, поднял трость и собрался уходить.

— Как вам это удалось? Невероятно!

— Внешность обманчива. Я монах, Джек. Но кто я на самом деле? — загадочно бросил он, прежде чем задуть свечи и, шаркая ногами, раствориться в темноте.

Последние струйки дыма от палочек благовоний поднимались вверх, как привидения. Старик исчез.

Из Зала Будды Джек вышел ошеломленный увиденным: как мог старый монах летать по воздуху с легкостью бабочки? И что значили его слова, сказанные на прощание?

Акико и Сабуро дожидались Джека, сидя на ступеньках. Он устало опустился рядом.

— С тобой все в порядке? — спросила Акико, обеспокоенная, что урок дался Джеку слишком тяжело.

— Вы не поверите, что я сейчас видел... — ответил Джек и рассказал о выдающихся способностях сэнсэя Ямада.

— Джек, ну ты даешь! Это даже я могу сообразить, — изумился Сабуро. — Он же сохэй!

— Сохэй? Я думал, их всех убил Нобунага!

— Значит, не всех. — Сабуро восторженно уставился на Буцу-дэн. — А спорим, что сэнсэй Ямада способен убить человека, используя только свою ки!

— Смотрите, Кику! — Джек заметил, как девочка вышла из Дворца львов и побежала к ним через двор.

Кику взлетела по каменным ступеням.

— Что стряслось? — спросила Акико, встревоженная такой поспешностью.

— Ямато сбежал!

35. Замечка

— Джек-кун! Джек-кун! Джек-кун!

Джек моргнул от яркого солнечного света. «Сегодня опять будет жарко», — подумал он, выходя из прохладной тени Дворца львов под приветственные крики собравшихся зрителей.

Для Джека, Акико и Сабуро последние три месяца были наполнены изнурительными тренировками. Джек потерял счет ударам боккэном на кэндзюцу, числу стрел, выпущенных, потерянных или сломанных на кюдзюцу, а после тайдзюцу на всех троих живого места не оставалось.

Кроме того, Джеку приходилось выкраивать время для тайных тренировок с сэнсэем Ямада, где он пытался научиться выполнять тё-гэри в надежде, что это прояснит смысл видения. Однако овладеть тонкостями хитрого приема Джеку так и не удалось. Такими темпами понадобятся годы!..

— Я никогда не смогу это сделать! — в отчаянии пожаловался Джек, в пятый раз подряд приземлив-

шись на спину, — а до Тарю-дзай осталась всего неделя.

— Во что ты поверишь, то и произойдет, Джек-кун, — невозмутимо ответил сэнсэй Ямада. — Ты должен не приемом овладеть, а самим собой.

Поддержал, называется, ничего не скажешь! Джек все сильнее злился на бессвязные поучения сэнсэя. Неужели старик не видит, что Джеку этот прием не по силам? Зачем заставлять его тренироваться каждый вечер, до боли в мышцах?!

Джек стоял посреди залитого знойным солнцем двора в окружении толпы доброжелателей и надеялся, что все страдания и усилия даром не прошли. Правда, сейчас уже слишком поздно об этом волноваться.

Наступил день Тарю-дзай.

— Джек-кун! Джек-кун! Джек-кун!

Крики звенели в ушах, пока Джека провели через двор в Нандзэн-нива, Южный сад дзэн. Акико и Сабуро ждали возле одного из валунов. У Джека сердце выскакивало из груди.

— Самураи Нитэн ити рю! Приветствуем вас! — прокричал лысый чиновник в ослепительно белом кимоно.

В толпе оглушительно захлопали, а Джек, Акико и Сабуро непроизвольно придвинулись поближе друг к другу.

Ученики выстроились ровными рядами: Нитэн ити рю на восточной стороне, Ягю рю — на западной.

Масамото и Камакура сидели на закрытом от солнца возвышении в северном конце сада. Возле них

заняли места наставники обеих школ, одетые в церемониальные кимоно. Аплодисменты постепенно затихли, Масамото и Камакура вежливо разговаривали между собой, однако внешняя учтивость не могла скрыть внутреннюю неприязнь. Масамото выглядел особенно мрачным: бегство Ямато состарило его куда сильнее, чем все шрамы. Предательство сына стало незаживающей раной.

— Самураи Ягю рю! Приветствуем вас! — крикнул чиновник.

Ученики на западной стороне сада захлопали, испустив воинственный клич «Ягю! Ягю! Ягю!».

В сад вошел верзила Райдэн и встал у камня напротив. Джек уже и забыл, какой Райдэн громадный! Если на празднике любования сакурой он казался гориллой-переростком, то сегодня выглядел быком — безжалостным и устрашающим. Тарю-дзидэи будет не состязанием, а побоищем!

Позади Райдэна появилась худощавая девочка с волосом цвета воронова крыла. Она двигалась быстро и расчетливо, словно каждый шаг был частью ката. Глаза у нее горели, словно черные алмазы, а тонкогубый рот выглядел узкой красной полоской на покрытом белилами лице.

«Смертельно привлекательная, — подумал Джек. — Как готовая к броску гадюка».

И тут девочка слегка улыбнулась, показав зубы. Они были полностью закрашены черным.

Джек еще не пришел в себя после такого потрясения, как вышел третий участник Ягю рю. Ученики

Нитэн ити рю взорвались криками изумления: это был не Тору.

Третьим участником оказался Ямато!

Джек глазам своим не поверил: неужели Ямато действительно на стороне Ягю рю? Они не виделись с весны, и среди учеников ходили слухи, что Ямато перешел в Ягю рю, однако сражаться против школы своего отца... Уму непостижимо!

Узнав последнего участника, Масамото вскочил, вытаращив глаза от ярости. Повернулся к Камакура, но от злости и слова сказать не мог. Камакура сидел, наслаждаясь моментом: великий Масамото потерял самообладание!

— Мы так не договаривались! Где третий участник? — бросил Масамото, едва сдерживаясь.

— А разве я не сказал? Прошу прощения. К сожалению, его отозвал к себе отец, и нам пришлось поставить вместо него одного из моих учеников, — ответил Камакура, нарочито подчеркнув последние слова.

— Одного из твоих учеников? Так нельзя!

— Насколько мне известно, в правилах Тарю-дзай ясно сказано, что соревнуются школы, а не отдельные ученики. Ничто не запрещает мне заменить своих участников в любой момент до начала состязания. Не так ли, Такэда-сан? — обратился Камакура к чиновнику.

— Хай, Камакура-сама, это верно, — ответил тот, намеренно избегая недовольного взгляда Масамото.

— Так что если ты не хочешь сразу же признать поражение...

— Нет! Продолжаем. — Масамото сел, кипя от злости.

Чиновник поднял руку, требуя тишины. Бормотание толпы стихло.

— Меня зовут Такэда Масато, — сказал лысый чиновник. — Императорский совет назначил меня независимым судьей Тарю-дзиай. Я буду судить все состязания. Мое решение окончательное и обжалованию не подлежит. Первый вид состязаний — кюдзюцу. Самурай, приготовиться!

Раздались громкие аплодисменты. На другом конце сада устанавливали мишени.

— Почему Ямато на стороне Ягю рю? — спросил Джек, когда все трое сгрудились вокруг валуна. — Как он может сражаться против нас?

— Ты же слышал слова Масамото — мы знаем не больше тебя, — ответила Акико. — После праздника любования сакурой Масамото отказался от сына. Ямато сбежал, потому что потерял лицо и не мог вынести позора.

— Но почему он пошел в Ягю рю?

— Джек, да ведь ясно же почему! — воскликнула Акико. — Потому что хочет заставить отца тоже потерять лицо.

— Хватит болтать! — К ним подошла сэнсэй Ёса. — Вы должны сосредоточиться на состязании. Не позволяйте противнику отвлечь себя уловками. Помните, чему я вас научила: для кюдзюцу необходима пол-

ная сосредоточенность. Равновесие — залог успеха. Дух, тело и лук должны быть единым целым.

Последние три месяца сэнсэй Ёса каждый день вдалбливала в них эти простые истины. Первый месяц ушел на то, чтобы научиться правильно стоять и держать лук. Только потом сэнсэй Ёса показала, как выпускать стрелу. Быстрее всех этому научилась Акико, а вот Сабуро и Джек до сих пор попадали в цель далеко не каждый раз.

В последние недели перед Тарю-дзией сэнсэй Ёса заставляла их стрелять, пока на пальцах не полопались мозоли. Однажды она подошла к Акико сзади и пощекотала ее ухо оперением стрелы. От неожиданности ошеломленная Акико промазала, и стрела чуть не убила птичку на старой сосне.

«Вы слишком легко отвлекаетесь. Помните, вам нужна полная сосредоточенность!» — спокойно заметила сэнсэй Ёса. На следующем занятии она крикнула прямо в ухо Сабуро, и в результате его выстрел ушел в небо. «Будьте внимательнее!» — повторила сэнсэй Ёса.

— Начнем. Первый раунд. Мишени поставлены на расстоянии ста сяку, — провозгласил судья.

— Сто сяку! — воскликнул Сабуро, поднимая лук и стрелы. — Да я и с пятидесяти-то едва попадаю!

— Школа, набравшая больше очков за шесть выстрелов, будет объявлена победительницей этого состязания, — продолжал судья. — За попадание в мишень — одно очко. За попадание в цель — два очка. Начинает Ягю.

Девчонка с черными зубами подошла к черте. Зрители притихли. Девчонка натянула тетиву и с невозмутимым видом выстрелила.

Стрела вонзилась в яблочко. Ученики школы Ягю рю радостно завопили. Не медля ни секунды, девчонка выпустила вторую стрелу: она вонзилась в белый кружок, на расстоянии пальца от центра мишени. Девчонка досадливо поморщилась.

— Три очка в пользу Ягю рю!

Сабуро подошел к черте. Даже издали видно было, как у него трясутся руки: он едва сумел приложить стрелу к тетиве.

Первый выстрел ушел так далеко в сторону, что чуть не задел одного из зрителей. В толпе учеников Ягю рю послышались смешки. Второй выстрел был не лучше: стрела не долетела до цели.

— Ноль очков в пользу Нитэн ити рю!

— Не переживай, Сабуро, — сказал Джек, увидев помертвевшее лицо друга. — Вряд ли эта горилла Райдэн умеет стрелять.

К счастью, Джек оказался прав: Райдэн даже держать лук толком не умел. Обе стрелы пролетели мимо, не задев мишени.

— Ноль очков в пользу Ягю рю!

Наступила очередь Джека. Он тщательно проверил свою стойку и успокоил дыхание. Выпустил первую стрелу — она попала на самый краешек белого круга. Послышались громкие возгласы одобрения.

Джек постарался не отвлекаться, дожидаясь, пока толпа затихнет в почтительном молчании.

Прицелился и выстрелил.

Мимо!

Зрители на стороне Нитэн ити рю застонали, а на стороне Ягю — завопили от радости. Судья поднял руки, требуя тишины.

— Одно очко в пользу Нитэн ити рю!

— Простите, — сказал Джек, возвращаясь к стоявшим возле валуна друзьям.

— Нет, ты молодец. У нас все еще есть шанс, — ответила Акико с легкой дрожью в голосе. Их единственный шанс — это она сама!

К черте подошел Ямато. Основами техники он владел неплохо, и первая стрела попала в мишень, хотя и не в яблочко. Почуввав близкую победу, сторонники Ягю закричали. Однако со вторым выстрелом Ямато поспешил: натянул тетиву с такой силой, что стрела пролетела мимо цели, воткнувшись в старую сосну на противоположной стороне сада. Джек, Сабуро и Акико вздохнули с облегчением: состязание еще не закончилось!

— Одно очко в пользу Ягю!

Ямато даже не взглянул в сторону Джека и остальных. Сел на свое место, явно недовольный результатом.

Пришел черед Акико.

— Чтобы победить, ей нужно два раза подряд попасть в яблочко! — в отчаянии прошептал Сабуро. — Когда ей такое удавалось?

— Сегодня? — с надеждой предположил Джек, глядя, как Акико сделала глубокий медленный вдох, успокаивая нервы.

Как-то Акико с такого расстояния попала в яблочко — но всего лишь однажды за все время подготовки! Сможет ли она попасть два раза подряд, причем именно тогда, когда от этого столько зависит?

Пока Акико готовилась к выстрелу, шум толпы перешел в негромкое бормотание, словно отступающая волна. Одним плавным движением Акико выпустила первую стрелу. Она полетела ровно и прямо, вонзившись точно в середину мишени. Ученики Нитэн ити рю взорвались восторженными криками.

— Давай, Акико! — завопил Джек, не в силах сдержаться.

Судья призвал зрителей к молчанию, и аплодисменты стихли.

Акико приготовилась ко второму выстрелу — последнему в состязании. Если она попадет в цель, то Нитэн ити рю выиграет первый раунд.

Все взгляды были направлены на Акико. От напряжения ее руки задрожали. Джек видел, что она пытается побороть волнение. В конце концов ее дыхание замедлилось, и руки перестали трястись. Подняв лук над головой, Акико натянула тетиву.

— Подружка гайдзина! — донесся выкрик со стороны Ягю рю, нарушив тишину.

На долю секунды Акико смешалась, оглушенная оскорблением, потеряв хрупкое равновесие духа и тела.

Джек вскипел от злости: ведь Акико должна двигаться плавно, иначе промажет!

Акико выпустила стрелу на мгновение раньше, чем следовало.

Стрела неуклюже завертелась, однако все же попала в мишень — вот только куда именно?

Все зрители затаили дыхание. Судья подбежал к мишени, чтобы проверить попадание: кончик вонзился в самый краешек яблочка.

— Середина мишени! Четыре очка в пользу Нитэн ити рю! — провозгласил удовлетворенный проверкой судья.

Джек и Сабуро ликовали: у Акико получилось!

— В первом раунде одержала верх школа Нитэн ити рю! — объявил судья.

Акико победоносно поклонилась.

36. Демон и бабочка

До полудня было еще далеко, а в Будоку-дэне уже стояла невыносимая жара. Ученики обеих школ выстроились у стен, обмахиваясь веерами, словно стайка бабочек. Те, кому не нашлось места внутри, заглядывали сквозь решетчатые окна.

Вошел Масамото, поздравил Акико с выдающимся результатом в кюдзюцу и нашел для каждого слова ободрения перед состязанием в тайдзюцу.

— Помните вторую добродетель бусидо — храбрость! — произнес он и направился к своему месту в Бутоку-дэн.

— Хорошо ему говорить! — сказал Сабуро Джеку, когда Масамото ушел. — Только нам нужна не храбрость, а чудо!

Джек бросил на Сабуро полный отчаяния взгляд и безнадежно пожал плечами. Он переоделся в синее боевое ги и теперь туго затягивал пояс. Переодевшись, Джек, Акико и Сабуро вошли в Бутоку-дэн и встали перед церемониальным возвышением.

Масамото и Камакура сидели в полукруглой нише, как два императора, ожидающие схватки гладиаторов. Камакура немного погрузстнел, а Масамото, ободренный победой в первом раунде, излучал уверенность.

— Раунд второй, тайдзюцу! — объявил чиновник Императорского совета и, глянув на Райдэна, добавил: — Это не смертельная битва. Победа присуждается по очкам, за удушающий захват или нокаут.

Райдэн пожал плечами: судя по всему, следовать правилам он не собирался.

— Во время каждой схватки очки будут присуждаться за выполнение приема. Иппон — это одно победное очко за безупречную технику. Вадза-ари — половина очка за почти безупречно выполненный прием; два вадза-ари равны иппону. Юко и кока присуждаются за выполнение техник и принимаются в расчет, только если к концу поединка нет явного победителя. Этот раунд выиграет школа, которая победит в большинстве поединков!

Зрители восторженно заревели, и крики эхом отразились от стен.

— Первая схватка: Акико против Морики. Приготовиться!

Услышав свое имя, Акико побледнела.

— Ты справишься! — подбодрил ее Джек. — Помни, что говорил сэнсэй Кюдзо: «Чтобы победить завтра, тренируйся сегодня». Мы ведь еще как тренировались!

Это точно. Крохотный сэнсэй Кюдзо изводил их больше, чем все остальные наставники, вместе взятые. Он будто занимался с ними против воли и потому наказывал чрезмерно жесткими тренировками. Они до изнеможения повторяли один прием за другим: сэнсэй показывал только базовые техники и ничего больше.

— А как же все остальное? Например, рэн-гэри, попеременные удары? — пожаловался Сабуро — и в наказание получил пятьдесят отжиманий.

— Кихон-вадза — это все, что вам нужно, — сказал сэнсэй Кюдзо. — От рэн-гэри слишком легко защититься. Хороший блок или удар куда эффективнее. Повторяю еще раз, для боя нужны базовые техники!

А без боя тут не обойтись: встав напротив Акико, Морики зашипела, показывая черные зубы.

— *Рэй!* — приказал судья, и девочки поклонились Масамото и Камакура, а потом друг другу. В медной чаше зажгли палочку благовоний, чтобы отмерять время.

— *Хагзимэ!** — крикнул судья.

Морики мгновенно бросилась в атаку: маэ-гэри, потом маваси-гэри и, наконец, усиро-гэри. Акико отступала, пытаясь парировать град ударов. Ей удалось отразить маэ-гэри, увернуться от маваси-гэри, но усиро-гэри попал ей в бедро — Акико полетела на пол. Морики прыгнула вперед, чтобы прикончить соперницу, нанеся фуми-коми, топчущий удар пяткой.

* Начали! (яп.)

— Ямэ! — крикнул судья, останавливая жестокую атаку. — Вадза-ари засчитывается Мориико!

Ученики Ягю одобрительно завопили. Джек побагровел. Ему было тяжело наблюдать за Акиико в схватке: хотелось броситься к девочке и защитить ее, как когда-то сделала она.

— Рэй! — приказала судья, и соперницы поклонились. — Хадзимэ!

Мориико снова бросилась в атаку — только в этот раз Акиико не дала поймать себя врасплох. Отступив в сторону, она одной рукой захватила вытянутую для маваси-гэри ногу соперницы, а второй нанесла прямой удар основанием ладони в грудь, одновременно сделав подсечку — простой, но очень действенный блок и защита, однако падающая Мориико схватилась за Акиико, и прием выглядел не совсем удачным.

— Ямэ! — крикнул судья, останавливая схватку. — Вадзи-ари засчитывается Акиико!

Ученики Нитэн ити рю пришли в восторг. Счет сравнялся.

— Рэй! — приказал судья, и девочки поклонились. — Хадзимэ!

Теперь Мориико не торопилась нападать.

Соперницы кружили по залу, делая ложные выпады, и Мориико шипела, как черная кошка. Внезапно Мориико попыталась схватить Акиико за руку. Акиико увернулась, но теперь они вцепились друг в друга, стараясь провести бросок. Акиико первая сумела подставить бедро, чтобы бросить через него соперницу. Сопrotивляясь, Мориико опустила свой центр

тяжести, а потом безжалостно дернула Акико за волосы сзади.

Джек был одним из немногих, кто увидел это. Дергать за волосы запрещалось правилами, и Морико прижалась к сопернице, заслоняя противозаконный прием от судьи. Акико ничего не могла поделать. Тогда Морико подставила ей подножку сзади, потянув за волосы вниз.

— Ямэ! Вадза-ари в пользу Морико! — заявил судья, не заметивший нарушения правил. — Первую схватку выиграла школа Ягю рю!

— Да что же это такое! — вспыхнул Джек, когда Акико опустилась на колени рядом с ним. — Неужели судья ничего не видел?

— О моей схватке забудь — она уже закончилась, — сказала раскрасневшаяся от усилий Акико. — Подумай о своей. Ты обязан победить!

— Вторая схватка: Райдэн против Джека. Приготовиться!

На секунду у Джека замерло сердце. Ему придется сражаться с Райдэном!

— Удачи, Джек! — прошептал Ёри, который сидел позади них вместе с остальными учениками класса.

— Да, Джек, удачи тебе! — доброжелательно сказала Эми.

Акико заметила кокетливые нотки в ее голосе и бросила на Эми настороженный взгляд.

— Спасибо! — Джеку удалось выдавить улыбку. Ну вот, теперь даже Эми обратила на него внимание.

Но тут Джек поймал взгляд Кадзуки, и его дружеское испарилось. Кадзуки полоснул себя пальцем по горлу.

После ханами заклятый враг не переставал дуться: Джек из гайдзина превратился в героя школы. На Кадзуки внимания больше не обращали. И теперь он радовался предстоящему бою: Джеку ни за что на свете не выиграть схватку, а Кадзуки знал, что неудачников не любят.

Джек вышел на середину зала. Жара мгновенно лишила его сил. Дышать было нечем, и горячие лучи солнца обжигали деревянный пол.

Бутоку-дэн внезапно показался гораздо больше, чем прежде: против великана вроде Райдэна невольно почувствуешь себя муравьем. Райдэн ухмылялся, наклоня голову из стороны в сторону и разминая шею — позвонки хрустели.

Джека вот-вот разорвут на кусочки.

Он бросил взгляд на друзей: на их лицах, как в зеркале, отражался его собственный ужас.

А потом он увидел стоявших сбоку наставников: Ямада, Кюдзо и Хосокава. Сэнсэй Ямада слегка поклонился и показал на разницу в размерах Кюдзо и Хосокава. Джек мгновенно понял: для сэнсэя Кюдзо маленький рост никогда не был препятствием в бою. Значит, и для Джека это не имеет значения.

— Рэй! — приказал судья.

Джек и Райдэн поклонились Масамото и Камакура, затем сухо кивнули друг другу. Подождав, когда зажгут еще одну палочку, судья крикнул:

— Хадзимэ!

Джек решил, что терять ему нечего, и, как только Райдэн двинулся вперед, нанес прямой удар маэ-гэри, а затем маваси-гэри. Однако Райдэн только отмахнулся и ударил предплечьем. Джек отлетел и растянулся во весь рост.

— Ямэ! — крикнул судья. — Кока в пользу Райдэна!

Пошатываясь, Джек поднялся на ноги — оглушенный, но невредимый. Акико и Сабуро подбодрили его взглядами, однако за их спинами Кадзуки сидел с довольным видом, а Нобу изобразил, что затягивает на шее удавку.

— Хадзимэ!

Джек не успел приготовиться, как Райдэн наступил ему на ногу. Вскрикнув, Джек попытался вырваться, но не мог высвободить ногу. Райдэн нанес короткий боковой удар слева. Джек пригнулся, и кулак просвистел над его головой. А стоило Джеку выпрямиться, как Райдэн врезал ему кулаком в лицо.

Джек парировал атаку с помощью агэ-укэ, однако долго он так не протянет — нужно найти способ освободиться, и как можно скорее!

Джек упал на колени и, вложив весь свой вес, ударил по внутренней части бедра противника, целясь в болевую точку, которую показывал сэнсэй Кюдзо. Райдэн заревел от боли и выпустил ногу Джека. Отшатнулся назад и все же сумел достать Джека неуклюжим, но безжалостным ударом тыльной стороны ладони по лицу.

Джек второй раз полетел на пол.

— Ямэ! — крикнул судья. — Кока в пользу Райдэна!

— Давай, Джек! Ты можешь его побить! — подбодрила Акико, однако стоны остальных учеников Нитэн ити рю куда точнее отражали шансы Джека на победу.

В третий раз Джек продержался немного дольше — пока не получил от Райдэна предплечьем по шее. И снова повалился на пол.

— Ямэ! — крикнул судья. — Кока в пользу Райдэна!

На этот раз Джек остался лежать, и судья начал отсчет:

— Раз... два...

Удар Райдэна лишил Джека чувств. Лежа на полу, он мечтал лишь о том, чтобы все кончилось. Голова раскалывалась от боли, крики зрителей звучали приглушенно. Сдаться бы сейчас! Все равно нет ни малейшего шанса победить. Можно только надеяться выйти из этой схватки живым и невредимым!

— Три...

И тут бормотание толпы перекрыл звонкий голос:

— Семь раз упасть, восемь подняться!

Джек потряс головой, пытаясь прийти в себя. Мир перестал расплываться перед глазами, и голос послышался яснее.

— Четыре...

— Семь раз упасть, восемь подняться!

Ёри! Это он кричал Джеку:

— Семь раз упасть, восемь подняться!

— Пять...

Ёри просил не сдаваться. Все, чему учили Джека наставники, внезапно слилось в одно целое: поражение недопустимо!

— Шесть...

Он должен взять верх над собственными страхами и сомнениями. В ушах звучали слова сэнсэя Ямада: «Чтобы по тебе топтались, нужно лежать на земле».

— Семь...

— Семь раз упасть, восемь подняться!

Теперь уже Акико, Сабуро и еще несколько учеников присоединились к Ёри.

— Восемь...

Нет уж, без боя он не сдастся!

— Девять...

Джек заставил себя встать. Толпа заревела от нетерпения: а ну, посмотрим, как гайдзин опять полетит на пол! Судья перестал считать, и Джек подошел к черте.

— Хадзимэ! — приказал судья, не давая Джеку возможности окончательно прийти в себя.

Райдэн ринулся в атаку.

Джек парировал первый удар.

Райдэн пронесся мимо, развернулся и снова напал. Джеку удалось врезать противнику по ребрам, однако кулак Райдэн словно кувалдой ударил Джека в грудь — тот полетел спиной вперед и грузно шлепнулся на пол рядом с Акико.

— Ямэ! — крикнул судья. — Кока в пользу Райдэна!

На Акико лица не было, но Джек встал и попытался еще раз.

— Ямэ! — крикнул судья: Джек, словно тряпичная кукла, опять рухнул на пол. — Кока в пользу Райдэна!

Пользуясь тем, что соперник выбился из сил, Райдэн нанес ура-маваси-гэри, чуть не сломав Джеку ребра.

— Ямэ! — приказал судья с явной озабоченностью в голосе. — Юко в пользу Райдэна!

«Хорошо еще, что пол покрыт татами, — подумал Джек. — Хотя падать все равно больно».

Он заставил себя подняться, слегка покачиваясь, как дарума. Теперь Джек начал понимать, как ему повезло, что сэнсэй Кюдзо частенько выбирал его своим укэ. Акико оказалась права: опыт тренировок приучил Джека переносить избиения.

— Палочка сторела наполовину! — объявил судья. — Хадзимэ!

Райдэн уже задыхался от продолжительной схватки: явно привык, что его соперники сдаются после первого же раунда. Он покраснел и обливался потом.

А еще стал двигаться гораздо медленнее — Джек легко парировал его маваси-цуки.

И тут у Джека словно молния в голове сверкнула: покрасневший, истекающий потом и выбивающийся из сил Райдэн и есть тот самый демон! Именно его видел Джек в своем видении.

Райдэн слишком устал, чтобы выполнять приемы, — он просто схватил Джека и, пользуясь только грубой силой, швырнул его через все додзё. Джек упал на

спину, заскользил по полу и остановился как раз у ног сэнсэя Ямада.

— Ямэ! — крикнул судья. — Кока в пользу Райдэна!

Ученики Ягю рю пришли в дикий восторг: еще немного — и победа будет за Райдэном!

Джек посмотрел на сэнсэя Ямада, который склонился над ним, словно в молитве.

— Сэнсэй! Райдэн — тот самый демон из моего видения! — выпалил Джек. — Что это значит?

Сэнсэй Ямада молча открыл и закрыл ладони, как крылышки мотылька. Все ясно: Джек должен стать бабочкой!

Джек встал, поправляя свое синее ги. Синее! Джек засмеялся: смысл его видения так очевиден! В схватке с Райдэном нельзя победить силой, но можно взять выносливостью и искусством.

Джек изменил тактику. Ясно, что Райдэн приемы знает плохо и полагается на свой рост и силу. Если Джек будет проворным и ловким, как бабочка, то сумеет избежать ударов. В конце концов Райдэн выбьется из сил — в точности как демон. Будем надеяться, что оставшегося времени хватит, чтобы довести «демона» до изнеможения.

— Хадзимэ! — объявил судья.

Схватка возобновилась.

Однако сказать куда легче, чем сделать: Джек не мог просто бегать по додзё. Нужно было держаться поближе к Райдэну, заставляя его нападать, вынуждая тратить силы, и в то же время не попасть под удар самому.

Джек дразнил противника, прыгая с места на место. Уворачивался, изгибался и нырял под удары, а тем временем жар поднимающегося к зениту солнца превращал Бутоку-дэн в печку.

Рассерженный Райдэн наносил удары направо и налево, двигаясь все медленнее, а Джек постоянно уворачивался. По лицу Райдэна катились капли пота, заливая глаза. Утираясь, он слегка отвлекся.

Именно этого и ждал Джек.

Джек понимал, что Райдэна не свалить простым ударом рукой или ногой. Чтобы врезать как следует, надо сначала пробиться сквозь громадные кулаки соперника. Оставалось одно — тё-гэри, удар бабочки.

«Во что ты поверишь, то и произойдет», — сказал однажды сэнсэй Ямада, и в этот момент Джек верил, что у него получится.

Не колеблясь, он взлетел в воздух. Долгие тренировки слились в единый миг.

Джек извернулся в полете, выставив руки полукругом, чтобы удержать равновесие, затем махом правой ноги отбил в сторону ослабевшие руки Райдэна, а левой врезал ему в челюсть. Удар тё-гэри получился — и Райдэн его не выдержал.

Зал накрыла странная тишина.

Джек ловко приземлился рядом со стонущим соперником — как раз в тот момент, когда палочка благовоний догорела и последний кусочек пепла упал в чашу.

— Ямэ! — скомандовал изумленный судья. — Иппон в пользу Джека!

Джек не мог прийти в себя от удивления: он сумел выполнить тё-гэри, хотя это казалось абсолютно невозможным!

Зрители на стороне Нитэн ити рю взорвались аплодисментами. Пошатываясь, Джек вернулся на место, оставив Райдэна лежать на полу.

— С ума сойти! — восхищенно воскликнул Сабуро, бросившийся навстречу Джеку.

— Где ты научился такому удару? — спросил кто-то из зрителей.

— А как он называется? — поинтересовался другой. — Летающий гайдзин?

На Джека навалились со всех сторон, требуя научить их удару «летающий гайдзин». Сабуро оттеснил всех назад, напомнив, что им следует держаться на почтительном расстоянии.

Все еще огушенный победой, Джек уселся на место, пока остальные толкались, подбираясь как можно ближе к новоявленному герою.

Судья безуспешно призывал к тишине. В конце концов зрители притихли, восторженно перешептываясь.

Когда все вернулись на свои места, Джек заметил, что загадочно улыбающийся сэнсэй Ямада вежливо разговаривает с сэнсэем Кюдзо, который явно потребовал объяснения внезапно проявившемуся таланту Джека.

— Последняя схватка. Сабуро против Ямато. Приготовиться! — объявил судья, и все уставились на последнюю пару соперников.

Эта схватка будет решающей.

Если победит Сабуро, то Нитэн ити рю выиграет второй раунд. Сабуро был неплохим бойцом и вполне мог взять верх. А на что способен Ямато — кто его знает.

Ямато встал напротив Сабуро.

Сабуро вежливо улыбнулся, но соперник остался непроницаем: пустой взгляд ничем не выдавал, что Ямато узнал старого друга.

— Рэй! — приказал судья. Мальчики поклонились, и служитель зажег палочку. — Хадзимэ!

Ямато не шевельнулся.

Помедлив, Сабуро нанес безупречный маэ-гэри и, развернувшись, сразу же ударил рукой.

Ямато невозможно уклонился от удара ногой и парировал удар рукой. Молниеносно повернулся и бросил Сабуро жестким сэой-нагэ, броском через спину. Сабуро пролетел по воздуху и тяжело рухнул на деревянный пол Бутоку-дэна.

— Иппон! — объявил судья, перекрикивая восторженные вопли. — Во втором раунде победа за Ягю рю!

Палочка благовоний едва занялась, а поединок уже закончился.

37. Нефритовый меч

Джек пристально всматривался в глаза Ямато, подстергая его первое движение.

«Большинство схваток выигрываются еще до того, как меч вытащен из ножен, — сказал Джеку сэнсэй Хосокава на одном из занятий по кэндзюцу. — Одолей ум своего противника, и ты одержишь победу над его мечом».

Разозленная нечестным приемом, Акико сражалась, не зная пощады, и выиграла бой с Морико со счетом три — ноль, сполна отомстив за поражение в тайдзюцу.

А вот Сабуро, потеряв уверенность в себе после схватки с Ямато, проиграл Райдэну со счетом два — один. Результат Тарю-дзай повис в воздухе: любая из двух школ могла победить.

Теперь все зависело от Джека и Ямато.

Джек до сих пор не мог поверить, что Ямато сражается против школы своего отца, однако грозный

взгляд соперника не оставлял сомнений: Ямато дрался именно с Джеком. И только с Джеком.

— Победитель в трех схватках? — поддразнил Джек, припомнив их старый вызов.

Джек знал, как Ямато думает и сражается: ведь тот учил его, тренировался вместе с ним и брал над ним верх. Но в этот раз Джек поклялся себе, что пришла очередь Ямато проиграть.

Ямато презрительно фыркнул и молча поднял боккэн.

— Хадзимэ! — приказал судья.

Ямато ударил со стремительностью кобры. Его боккэн отскочил от меча противника и ударил того в лицо. Джек пригнулся и широким взмахом полоснул мечом по животу нападающего. Ямато мгновенно парировал удар. Джек снова перешел в атаку, но Ямато предвидел его движение и легко отступил в сторону, опустив боккэн на правую руку Джека.

— Ямэ! — крикнул судья. — Очко в пользу Ягю!

— Я видел, как ты думаешь о нападении, прежде чем ты успел ударить, — засмеялся Ямато. — Джек, ты ничуть не изменился.

— Зато ты изменился! — ответил Джек. — Потерял лицо.

Ямато вспыхнул от оскорбления и бросился в атаку еще до того, как судья объявил следующий раунд. Именно на это Джек и рассчитывал. Ямато так и не научился владеть собой и теперь, выведенный из равновесия злостью, наверняка допустит ошибку.

Ямато обрушил на Джека град ударов — и вот она, ошибка! Замахиваясь для удара, Ямато подошел слишком близко. Джек скользнул в сторону и с силой полоснул соперника поперек живота.

— Ямэ! — крикнул судья, когда Ямато повалился на пол. Зрители разразились воплями восторга и насмешками. — Очко в пользу Нитэн ити рю!

Теперь все решал последний бой. Именно от него зависит победа в Тарю-дзай.

Все затаили дыхание. В Бутоку-дэн стало тише, чем в храме. Масамото и Камакура замерли в ожидании, как статуи богов на своих тронах.

На долю секунды время застыло. Джек и Ямато сошлись в невидимой схватке, мысленно ожидая первого движения противника. С поднятыми мечами, они двигались медленно, зеркально отражая стойку друг друга.

— Хадзимэ! — скомандовал судья.

Боккэны ударились друг о друга. Словно танцую, противники атаковали и парировали, парировали и атаковали, затем дружно развернулись на пятках и занесли мечи для смертельного удара.

Их руки столкнулись: боккэны одновременно ударили в шею соперника.

— Ничья! — в изумлении крикнул судья.

Противники не опускали оружия, уставившись друг на друга. Они все еще оставались мальчишками, которые сражались на мостике возле дома Хироко, однако теперь невозможно было отрицать, что они одинаково хорошо владеют мечом.

Зрители растерялись. Разве в Тарю-дзай может быть ничья? Конечно, нет! Тогда как определить победителя?

Судья призвал к тишине.

Джек и Ямато опустили оружие только тогда, когда между ними встал судья. Затем он поспешил к Масамото и Камакуре.

Все вытянули шеи, надеясь поймать обрывки разговора.

После оживленной дискуссии судья торопливо побежал к центру зала.

— Самурай школы Нитэн ити рю! Самурай школы Ягю рю! — с величайшей торжественностью провозгласил он. — Именем Императорского совета я объявляю обряд Нефритового меча!

Зрители оглушительно завопили, и судья почти охрип, пока добился тишины.

— Согласно установлению императора Камму, отца Киото, обряд Нефритового меча может проводиться в случае, когда Тарю-дзай заканчивается вничью. Согласно правилам, самурай, который добудет Нефритовый меч из водопада Отова-но-таки и принесет его основателю своей школы, будет назван победителем. Мы начнем церемонию через четыре палочки возле Зала Будды.

Зрители оживленно загомонили.

Обряд Нефритового меча не проводился уже больше ста лет: надобности не было. Никто не помнил, чтобы Тарю-дзай закончился вничью.

38. Водопад Отова-но-тахи

Поднялась последняя струйка дыма, и палочка погасла.

— Хадзимэ! — крикнул судья.

Джек рванулся к выходу. Ямато наступал ему на пятки.

Когда мальчики выскочили из Дворца Будды, приветственные крики стали громче. Соперники слетели вниз по лестнице, прыгая через две ступеньки. Собравшаяся во дворе толпа, словно гигантская волна, расступилась перед Джеком и Ямато, пропуская их к воротам.

За стенами школы Нитэн ити рю они свернули налево, и зрители бросились следом, выкрикивая слова ободрения.

В конце улицы Ямато вырвался вперед и вдруг свернул в переулок, выбирая кратчайший путь. Джек не отставал, и шум толпы зрителей скоро остался далеко позади. Заблудиться Джек не боялся: Акико объяснила, как найти водопад. Просто не

хотелось сильно отставать в самом начале состязания.

Перед началом обряда Нефритового меча Акико и Сабуро, отчаянно пытаясь подготовить Джека, притащили его во Дворец львов. Пока Джек переодевался в чистое кимоно, лихорадочно глотая воду и набивая желудок, Акико рассказала историю Нефритового меча:

— Нефритовый меч принадлежал самому императору Камму, основателю Киото. Говорят, что самурай, владеющий Нефритовым мечом, становится непобедим. Поэтому император Камму приказал, чтобы меч всегда оставался в Киото — тогда город будет под его защитой. Он передал меч буддийскому монаху Энтину на хранение, и тот положил его над водопадом Отова-но-таки, чтобы меч видел под собой весь город Киото и охранял исток реки Кидзу.

— Так, а где находится водопад? — спросил Джек с набитым рисом ртом.

— В горах, за храмом Киёмидзу-дэра. К нему можно попасть по крутой тропе, начинающейся от главного моста.

— Того самого, по которому мы въехали в Киото?

— Да. Тропа будет слева от тебя. Она петляет по склону горы и приводит прямо к Нио-мон, Воротам Дэвов,* — главному входу в храм, — сказала Акико, завязывая на талии Джека пояс.

— Тропа предназначена для паломников и хорошо размечена. Когда войдешь в храм, иди прямо к

* Дэвы — божества буддийского пантеона.

Сандзю-но-то, это трехъярусная пагода ярко-красного цвета. Затем сквозь Храм дракона и ворота в центре попадешь в Хондо, главный зал. На противоположной стороне увидишь Бутай, площадку для танцевальных церемоний, а слева будет водопад Отова-но-таки и святилище, где лежит Нефритовый меч.

— Похоже, задача совсем легкая!

— Джек, все не так просто! Энтин недаром положил меч именно туда. Водопад очень опасен. Камни мокрые и скользкие, а склон крутой. Не один самурай сорвался вниз, пытаясь добраться до меча, и очень немногие сумели поддержать его в руках.

На расспросы времени не оставалось: Джека торопливо вывели в Буцу-дэн, откуда начиналось состязание.

Теперь ответственность за честь всей школы Нитэн ити рю лежала исключительно на плечах Джека.

— Смотри, куда прешь! — рассерженно закричал торговец, когда Ямато и Джек пронеслись мимо его прилавка, сбив фрукты на землю.

Соперники петляли, пробираясь сквозь толпу недоумевающих покупателей, и вскоре добрались до городских окраин. Джек был рад вырваться из невыносимой духоты города. Стуча деревянными сандалиями, Ямато первым взлетел на мост и свернул налево, куда вела тропа для паломников. Вдалеке Джек заметил Сандзю-но-то: трехъярусная пагода возвышалась над верхушками деревьев.

Акико была права: заблудиться здесь невозможно. К храму непрерывным потоком шли паломники. Лоточники выстроились вдоль пыльной тропы, предлагая талисманы, благовония и бумажки с предсказаниями, а более солидные торговцы продавали изнуренным и проголодавшимся путникам воду, сэпча и лапшу. Джек протискивался вперед, стараясь догнать Ямато.

— Тише едешь — дальше будешь! — крикнул один из лоточников, взмахнув перед лицом Джека бумажкой с предсказанием.

Джек промчался мимо, все увеличивая скорость.

Ямато был уже в лесу, начинавшемся у подножия горы. Тропа петляла по склону, появляясь и исчезая между деревьями. Джек с удовольствием окунулся в лесную прохладу. Сердце отчаянно колотилось, но он не останавливался. Тропа становилась все круче, и на очередном повороте Джек увидел, что Ямато бежит уже не так быстро.

Джек решил, что сможет обогнать соперника, когда тропа снова пойдет прямо, и прибавил ходу. Однако на повороте он с разбегу влетел в огромное мягкое пузо. Отлетел назад и грохнулся на каменистую почву.

— Эй! Полегче, юный самурай! — воскликнул полнотелый монах в ярко-желтой одежде, потирая объемистый живот.

— Извините! — Джек вскочил на ноги и отряхнулся. — Мне нужно догнать... дело чести...

Джек отвесил торопливый поклон и помчался за Ямато.

— Ох уж эта молодежь! Не терпится им получить просветление... Не спеши, Будда подождет! — дружелюбно крикнул монах ему вслед.

За последним поворотом Джек влетел в Нио-мон, Ворота дэвов, — Ямато нигде не было видно. Едва удостоив взглядом громадные статуи дэвов, охраняющие вход от злых духов, Джек помчался вверх по каменной лестнице, мимо ошеломленных паломников и через вторые ворота в Сандзю-но-то: покрашенная киноварью трехъярусная пагода отчетливо выделялась на тускло-коричневом фоне остальных зданий.

Ямато все еще нигде не было видно. Джек поспешил к Хондо, главному залу, — громадному зданию, возвышавшемуся над всем храмовым комплексом. Прошел через маленькое святилище, на потолке которого был нарисован свернувшийся кольцами зеленый дракон, потом через еще одни ворота, тоже охраняемые дэвами, и очутился во внешнем святилище Хондо. Пробравшись сквозь толпу паломников, распростертых в молитве, Джек направился прямоком во внутреннее святилище.

Несколько странного вида монахов безмятежно посмотрели на потного и задыхающегося гайдзина. В святилище было темно и прохладно. В отличие от других храмов, его украшали резные позолоченные изображения Будды, однако Джек торопился и лишь мельком глянул на них.

— Водопад Отова-но-таку? — отчаянно выдохнул Джек.

Маленький загорелый монах, сидевший в позе полулотоса, показал на выход справа от него. Джек торопливо отвесил благодарный поклон и, пролетев сквозь дверной проем, снова выбежал под ослепительные лучи солнца.

Он стоял на большой деревянной платформе, которая нависала над глубоким ущельем, покрытым пышной растительностью. Водопад оглушительно грохотал. Сквозь туманную водяную дымку Джек увидел перед собой Киото — далеко внизу, на дне долины. Похожий на мираж, город блистал во всей своей красе; на Императорский дворец в центре падала призрачная радуга.

Слева от Джека водопад Отова-но-таку стекал вниз по отвесной скале — этажей пять высотой, — впадая в большой каменный водоем, где вода пенилась в водоворотах, прежде чем устремиться вниз по ущелью в долину Киото.

Ямато уже карабкался по скале, направляясь к крохотной каменной часовне над краем водопада.

Джек прикинул, что высота водопада примерно равнялась высоте «вороньего гнезда» на «Александрии». Ямато недалеко ушел от платформы, и ему явно приходилось туго. Даже с такого расстояния Джек видел, как у Ямато дрожат коленки и как он вслепую нащупывает опору.

Джек перелез через ограждение платформы и увидел узкий выступ, с которого можно начинать подъем

на скалу — только сначала нужно туда запрыгнуть. Далеко внизу пенился водоем — единственная страховка на случай падения. Джек сделал глубокий вдох, собираясь с духом, и прыгнул.

Он приземлился точно на выступе, однако тут же беспомощно заскользил вниз. Джек искал, за что можно уцепиться, — сказался опыт лазания по вантам, и пальцы инстинктивно нашли опору, остановив падение.

Джек перевел дух и успокоился. Если он собирается выйти из этой переделки живым, то нужно быть гораздо осторожнее!

Посмотрев вверх, он увидел, что Ямато почти не сдвинулся с места, и с удвоенным рвением полез на скалу: еще есть шанс добраться до Нефритового меча первым!

Когда Джек привык к скользкой поверхности скалы, то смог передвигаться быстрее. Оказалось, что скалолазание мало отличается от лазания по вантам на борту «Александрии». Высоты он не боялся и вскоре догнал Ямато.

— С тобой все в порядке? — спросил Джек: Ямато трясся всем телом.

Ямато молча смотрел на Джека расширенными от ужаса глазами на побелевшем лице.

— Помощь нужна? — Джек вспомнил, как сильно он сам испугался, когда в первый раз полез на мачту.

— Только не от тебя, гайдзин! Одного раза вполне достаточно! — прошипел Ямато, упрямо цепляясь

за скользкие камни так, что костяшки побелели. В его голосе звучал страх.

— Ну и ладно. Тогда падай, — ответил Джек и полез дальше.

Он без труда добрался до самого верха. Глянул на Ямато: тот все еще висел на скале, словно прирос к ней. Джек прошел по большим округлым камням к часовенке посреди потока. Проскользнул внутрь и в тенистой нише увидел Нефритовый меч.

Меч лежал на ярко-красной лакированной подставке, поблескивая в полумраке. На ножнах из черного лакированного дерева был вырезан золотой дракон — меч оказался церемониальным. В глаз дракона был вставлен большой зеленый нефрит. Джек похолодел. Докуган Рю! Глаз дракона!

Дрожащими руками Джек взял меч с подставки. Обхватил ладонью эфес, чувствуя пузырчатую поверхность кожи ската, и вытащил сверкающее лезвие — такое острое, что на него даже смотреть было больно. Заметив выгравированного на клинке дракона, Джек торопливо вложил меч обратно в ножны. Потом сунул его за пояс, тщательно привязал и вышел наружу.

Глянув вниз, Джек увидел, что Ямато так и не двинулся с места.

Джек быстро спустился к сопернику, дрожащему как осиновый лист.

— По-моему, ты застрял, — произнес он, пытаясь привлечь внимание Ямато.

На борту «Александрии» Джек много раз видел то же самое: испуганные матросы застывали на ме-

сте, парализованные страхом. У них начинала кружиться голова, и в конце концов, не удержавшись, они падали в море — или еще хуже, на палубу.

Джек понял, что сил у Ямато почти не осталось и его нужно как можно скорее спустить вниз.

— Опusti правую ногу...

— Не могу! — слабо отозвался Ямато.

— Можешь! Опusti правую ногу и поставь на выступ прямо под тобой.

— Не могу... Слишком далеко...

— Еще как можешь! И ничего не далеко!

— Тебе-то какое дело? Ты украл моего отца! — злобно выкрикнул Ямато: вспышка ярости привела его в чувство.

— Я украл твоего отца? — в недоумении повторил Джек.

— Да, ты! Пока ты не появился, все было хорошо. Отец уже начинал относиться ко мне по-другому, тень Тэнно больше не заслоняла меня. А потом ты украл его!

— Никого я не крал! Твой отец усыновил меня! Я-то что мог поделаться?

— Подохнуть вместе со всей твоей командой! — с нескрываемой ненавистью ответил Ямато.

— Если бы не я, тебя бы убил ниндзя! — огрызнулся Джек.

— Вот именно! Я бы умер почетной смертью, как мой брат. А тебе вздумалось меня спасти! Из-за тебя я потерял лицо!

— Черт бы побрал вас, японцев, и ваше чувство гордости! — разозлился Джек. — Какое такое лицо?

Я тебе жизнь спас! Мы... были друзьями. Если бы я хотел, чтобы Масамото стал моим отцом, то зачем мне было тебя спасать? Не нужен мне твой отец! Мне нужен мой, собственный, но он умер!

— Тогда, может, и мне стоит умереть! — мрачно ответил Ямато, глядя на залитые водой камни далеко внизу. — Ты получил меч. Вся слава досталась тебе. Теперь отец никогда меня не признает. Я его предал. Хочешь ты или нет, Масамото теперь твой отец!

С этими словами Ямато прыгнул.

39. Извижеце

— Нет! — крикнул Джек, пытаясь схватить Ямато, но тот уже исчез в белой пене водопада.

Джек торопливо слез со скалы и прыгнул обратно на платформу. Протиснулся мимо нескольких паломников, которые наблюдали за происходящим.

— Кто-нибудь его видит? — Джек перегнулся через ограждение, вглядываясь в буруны* далеко внизу.

— Он ушел под воду и еще не показывался, — ответил один из паломников, подозрительно разглядывая Джека.

— Наверное, о камни ударился, — сказал другой.

Еще несколько человек появились из Хондо и побежали к ограждению.

— Да вот же он! — крикнул кто-то, показывая на водоем.

Ямато на мгновение вынырнул на поверхность, глотая воздух ртом, однако течение тут же затянуло его обратно под воду и понесло.

* Бурун — пенистая волна.

— Эй, у этого мальчишки наш Нефритовый меч! — закричал какой-то монах, выходя из внутреннего святилища Хондо. — Держите его!

Джек глянул вниз: платформа была высоко — не ниже, чем нок-рея на «Александрии». Но ему пришлось видеть, как матросы падали в море и с большей высоты и все же оставались в живых. Получится ли?..

— Остановите его! Он забрал наш меч! — кричал монах.

Без дальнейших раздумий Джек бросился вниз.

Воздух засвистел в ушах; на мгновение он почувствовал невесомость и почти полное спокойствие. Сквозь водяную дымку виднелся Киото.

Джек окунулся в ледяную воду. Удар вышиб из него весь дух и заставил наглотаться воды. Тяжелый меч тянул вниз, приходилось изо всех сил работать ногами. Джек вынырнул на поверхность и откашлялся, потом пришел в себя. Огляделся в поисках Ямато, но нигде его не увидел.

Тогда Джек сделал несколько глубоких вдохов и нырнул в бурлящую воду. Поплыл к водопаду, однако Ямато так и не нашел. В мутной воде торчали камни, течение тянуло вниз, угрожая не выпустить на поверхность.

Легкие горели, и Джек уже собирался вынырнуть, когда руку задело что-то гладкое. Он вслепую вцепился, подтаскивая предмет поближе к себе. Обхватил его покрепче и что есть сил заработал ногами, пробиваясь на поверхность.

Джек и Ямато вынырнули одновременно — и тут же течение перенесло их через край водоема и бурлящая река потащила вниз по ущелью.

На берегу кричали. Джек пытался удержать Ямато, меч и самого себя на поверхности. Река неслась вниз и безжалостно тащила ребят за собой. Выбываясь из сил, Джек отчаянно греб к берегу.

Их уже унесло далеко от Хондо, река повернула, и храм скрылся за поворотом. К счастью, течение замедлилось, и Джек кое-как сумел добраться до берега. Из последних сил он вытащил из реки безжизненное тело Ямато и повалился рядом с ним.

Какое-то время Джек лежал под палящим солнцем, глотая воздух, как выброшенная на берег рыба. Придя в себя, он смутно забеспокоился, что его помощь запоздала, но тут Ямато громко закашлялся, выплевывая воду, и открыл глаза.

— Дай мне умереть! — простонал он, отбрасывая с лица мокрые волосы.

— Не дам, пока в состоянии спасти тебя, — задыхаясь, ответил Джек.

— Но почему?! Я всегда очень плохо к тебе относился.

— Мы должны быть братьями. Во всяком случае, именно так приказал твой отец, верно? — с язвительной улыбкой спросил Джек. — Кроме того, это ты научил меня обращаться с боккэном.

— И что?

— Ты помог мне понять, что я не беспомощный гайдзин.

Ямато в изумлении уставился на Джека:

— Когда это ты был беспомощным?

— Когда убили моего отца, я не мог ему помочь.

Против ниндзя я был беззащитен, — признался Джек. — Я атаковал Докугана Рю, а он расхохотался мне в лицо. Ты показал мне Путь воина. Дал мне смысл жизни, и за это я тебе благодарен.

— Я тебя не понимаю, гай... Джек. — Ямато сел и стиснул голову руками. — Я не обращал на тебя внимания, презирал, однако, когда ниндзя собрался убить меня, ты, не колеблясь, бросился в атаку — храбро и с достоинством. Я бы так не смог. Ты вел себя как брат. Как самурай.

— Ты бы сделал то же самое.

— Нет... не сделал бы... — Ямато сглотнул, как будто слова застряли в горле. — В тот вечер, когда Кадзуки побил тебя, я слишком испугался. Знал, что он дерется лучше меня. И он тоже это знал. У меня не хватило смелости схватиться с ним...

Ямато отвернулся, но Джек заметил, как он провел ладонью по глазам и как у него трясутся плечи от всхлипываний.

— И близнецы Сэто... я ведь опять струсил и не помог тебе. Не хотел, чтобы меня дразнили другом гайдзина. А после того вечера мне было слишком стыдно оставаться твоим другом. Вот почему... Извини...

С растерянным видом Джек склонился над Ямато:

— Не понял... За что ты извиняешься?

— Джек, ты показал мне, какой я на самом деле, и то, что я увидел, мне не понравилось. Отец прав.

Я недостойн быть самураем, а тем более принадлежать к семье Масамото. Ты для него лучший сын, чем я. Ты не украд моего отца — я сам его потерял.

— Не будь идиотом! — укоризненно сказал Джек. — Никого ты не потерял. В отличие от моего, твой отец еще жив. Масамото, конечно, разозлен, но у него нет причин стыдиться тебя. Особенно после сегодняшнего состязания. А если все дело в гордости, то и черт с ней. Нашел из-за кого расстраиваться, из-за Кадзуки! Да он надутая самовлюбленная свинья!

Джек улыбнулся Ямато, и тот выдавил улыбку в ответ.

— Кроме того, ты ведь передо мной извинился. Разве это не означает, что твое лицо опять при тебе?

— Пожалуй, но...

— Никаких «но»! Я каждый день извиняюсь перед Акико то за одно, то за другое! И от нее я узнал, что такое японское великодушие: Акико каждый раз меня прощает, а теперь я прощаю тебя. Мир? — Джек протянул руку.

— Спасибо, Джек, — ответил Ямато, пожимая руку Джека по английской традиции и от этого чувствуя себя неловко. — Хотя я все равно не понимаю, как ты мог меня простить.

— Ямато, твоя неприязнь мне понятна. Когда родилась Джесс, отец обратил все внимание на нее, и я ее возненавидел! А ведь она моя родная сестренка! Я даже представить себе не могу, что бы я чувствовал, если бы отец усыновил какого-нибудь француз-

ского мальчишку! — Джек поморщился. — Я не виню тебя за то, что ты на меня злишься. Только злиться ты должен не на меня, а на Докутана Рю: если бы он не убил Тэнно и моего отца, все было бы совсем иначе! И мы бы здесь не сидели — едва живые и с краденным мечом в руках!

Они внезапно осознали всю абсурдность ситуации и расхохотались. Напряжение между ними исчезло, словно смытое водопадом.

Отсмеявшись, они молча бросали камешки в реку, не зная, что теперь делать.

— Пора возвращаться, — наконец сказал Ямато. — Солнце уже садится, и школа Нитэн ити рю должна знать, что она победила.

— Ты понесешь его, — ответил Джек, отвязывая меч и передавая его Ямато.

— Почему я? Ведь это ты добыл меч!

— Твоему отцу вовсе незачем это знать!

40. Путь воина

Джек и Ямато вместе влетели в Буцу-дэн.

Увидев Нефритовый меч в руках Ямато, ученики Ягю рю разразились дикими воплями восторга. Камакура раздулся от гордости и разгладил кимоно, готовясь принять меч — а с ним и победу.

Рядом, скрестив ноги, сидел Масамото. На его лице застыло отстраненное выражение: когда в Буцу-дэн вошел Ямато с мечом в руках, Масамото словно превратился в фигурку из папье-маше, став безжизненной оболочкой.

Приблизившись к возвышению, Джек и Ямато поклонились, и приветственные крики зрителей перешли в уважительный гул.

Справа от возвышения сидели на коленях Акико и Сабуро, а слева — Морико и Райдэн. Акико грустно улыбнулась: она была рада увидеть Джека целым и невредимым и в то же время расстроена поражением.

Ямато сделал шаг вперед. Камакура приготовился взять Нефритовый меч.

Джеку с огромным трудом удалось убедить Ямато нести меч. В конце концов Ямато согласился, признав, что это лучший способ помириться с отцом. Джек не гнался за славой победы в Тарю-дзай: Масамото великодушно принял его в свою семью и Джек не хотел, чтобы из-за него эта семья распалась.

Ямато еще раз поклонился и встал на одно колено, обеими руками подняв над головой Нефритовый меч. Камакура протянул руки, чтобы принять его и официально закрепить победу своей школы. Однако прежде чем Камакура успел коснуться трофея, Ямато повернулся и протянул меч отцу:

— Отец, умоляю простить меня и подношу тебе то, что по праву принадлежит Нитэн ити рю. Не я добыл меч. Это сделал Джек.

Все замерли в полном недоумении.

Джек ушам своим не поверил: они так не договаривались! Ямато должен был передать меч Масамото, ничего не объясняя! Вся слава должна была достаться Ямато! Таким образом Масамото убедился бы, что его сын достоин звания самурая и семейного имени.

Акико широко открытыми глазами уставилась на застывшего в поклоне Ямато, потом посмотрела на Джека, который молча качал головой.

Масамото смерил сына недоверчивым взглядом:

— Это правда?

— Да, отец. Но Джек настоял на том, чтобы меч тебе вручил я.

Не обращая внимания на протесты Джека, Масамото коротко кивнул, показывая, что ему все ясно. Поднялся на ноги и принял меч из протянутых рук Ямато.

— Победа в Тарю-дзиай присуждается школе Нитэн ити рю! — объявил изумленный судья.

На стороне Нитэн ити рю Буцу-дэн взорвался криками восторга. Со стороны Ягю рю слышались вопли протеста. Разозленный Райдэн затопал ногами, а Мориико оскалила черные зубы, зашипев на Акико.

Камакура побагровел от ярости, его горло затряслось, словно он подавился жабой.

— Это черт знает что! — в конце концов завопил Камакура, толкнув судью. — Черт знает что!

С кислым видом кивнув Масамото, разъяренный Камакура вышел из зала, и его самураи торопливо последовали за ним. Судья призвал к тишине; когда гомон затих, он передал слово Масамото.

— Ученики Нитэн ити рю! — начал Масамото, торжественно взмахнув Нефритовым мечом. — Сегодня мы увидели, что означает быть самураем нашей школы!

Раздался взрыв аплодисментов. Масамото поднял левую руку, призывая к тишине, спустился с возвышения и подошел к Джеку.

— В начале учебного года я сказал вам, что каждый юный самурай должен победить себя, вынести боль изнурительных тренировок и научиться сохранять присутствие духа в опасности. Этот мальчик, Джек-кун, — живой пример моих слов. Сегодня он

сражался доблестно и храбро. Одержал победу над противником и не уронил честь школы!

Раздался новый взрыв аплодисментов.

— Однако бусидо — не только смелость и честь, а цель бусидо — не в сражениях и войне. Хотя вам необходимо овладеть искусством боя, не к этому вы должны стремиться. Истинная сущность бусидо — это честность, благородство и преданность.

Повернувшись к Ямато, он положил руку на плечо сына.

— Именно эти качества проявил Ямато. Признать такую правду в присутствии множества людей требует исключительной смелости. Возможно, даже большей смелости, чем потребовалось, чтобы добыть Нефритовый меч.

Масамото поднял сверкающее лезвие, и ученики снова захлопали.

— Ямато, ты ответил на мой вопрос, — продолжал он, глядя на сына с такой теплотой, которой Джек ни разу не замечал раньше. — Я спросил у тебя, что означает быть Масамото. Ты только что показал мне истинный дух Масамото. Ты с уважением отнесся к Джеку. Ты проявил кристальную честность и показал себя настоящим Масамото. Я принимаю твое извинение и прошу вернуться в Нитэн ити рю.

Масамото опустился на колени, чтобы не смотреть на сына сверху вниз.

Джек глазам своим не поверил. Судя по лицу Акико, и она пришла в полное изумление. Несмотря на все происшедшее, Масамото публично и официально

но признал Ямато. Остальные ученики тоже поняли всю необычность момента и почтительно склонились перед Масамото и Ямато — в зале наступила тишина.

Отец и сын поклонились друг другу.

— Бусидо — это не увеселительная прогулка, — провозгласил Масамото, вставая. — Я говорил вам, что путь воина длится всю жизнь, а мастерство заключается именно в том, чтобы не свернуть. Ученики Нитэн ити рю, не сворачивайте с пути!

Буцу-дэн взорвался неистовыми аплодисментами.

47. Гион мацури

Маленький мальчик в белоснежной одежде и черной шапочке синтоистского жреца поднял над головой короткий вакидзаси и изо всех сил опустил его.

Одним ударом малыш перерезал веревку, возвещая начало Гион мацури.

— С ума сойти! В жизни ничего подобного не видел! — восторгался Джек.

Мимо проходила нескончаемая процессия: громадные деревянные паланкины и колесницы, украшенные красивыми тканями и белыми фонарями, которые напоминали наполненные ветром паруса. Паланкины несли на плечах, а повозки — некоторые размером с баржу, полные изысканно одетых гейш с набеленными лицами, — толкали.

Когда первая колесница достигла перекрестка, толкавшие ее мужчины громко закричали: «Ёй! Ёй! Ёй то сэй!», а музыканты на крыше принялись отбивать ритм на больших барабанах тайко. Огромное сооружение начало поворачивать и постепенно ис-

чезло за углом, словно гигантский разукрашенный дракон.

— А что это за праздник? — спросил Джек, перебивая шум.

— Это очистительный ритуал, — ответила стоявшая рядом Акико. Она была одета в кимоно цвета морской волны, украшенное яркой хризантемой. — Семьсот лет назад в Киото началась чума, и мацури проводится, чтобы предотвратить ее возвращение.

— В Англии тоже была чума, — сказал Джек. — У нас ее называли Черной смертью.

Окружавшая их толпа ринулась вперед: каждому хотелось получше разглядеть проходившие мимо паланкины и колесницы. В неразберихе Эми с двумя друзьями подошла к Джеку, Акико и Ямато.

— Как поживает наш победоносный самурай? — спросила Эми, обмахиваясь красным бумажным веером, и втиснулась между Джеком и Акико. Акико бросила на нее неприязненный взгляд.

— Спасибо, хорошо! — ответил Джек. — Замечательный праздник...

— Пойдемте! — позвал Ямато, увидев недовольство Акико, и схватил Джека за руку. — Я знаю местечко получше.

— Извини, мне пора. Еще увидимся!

Джек помахал разочарованной Эми — Ямато и Акико потащили его сквозь толпу туда, где их ждали Сабуро, Ёри и Кику.

— На вот, попробуй! — сказал Сабуро и сунул Джеку пирожок в виде рыбки.

— Что это? — подозрительно спросил Джек.

— Тайяку... — выдавил Сабуро с набитым ртом.

— Позже. Днем наедемся! — вмешался Ямато. —

Надо опередить процессию, чтобы увидеть ее всю целиком. Пошли!

Ямато повел друзей по какому-то переулку, и, петляя по безлюдным улочкам, они вышли на главную улицу перед дворцом императора.

Там уже собрались сотни людей, повсюду стояли лотки с непривычного вида сладостями, жареной курицей, сэнча и разнообразными безделушками — от красочных бумажных вееров до жутких масок из папье-маше: все было готово к вечернему празднику.

— Ну вот! Что я вам говорил? Отсюда можно увидеть всю процессию! — Ямато стал нетерпеливо проталкиваться вперед.

После вчерашней победы в Тарю-дзай и примирения с отцом Ямато сильно изменился: он больше не вел себя с Джеком холодно и отстраненно. Больше того, Ямато так серьезно воспринял дружбу с Джеком, что почти превратился в его телохранителя, набрасываясь на любого, кто посмел назвать Джека гайдзином.

Правда, мало кто его так называл. Вместе с Акико и Сабуро Джек и Ямато стали героями школы. Только Кадзуки с дружками по-прежнему терпеть не могли Джека, однако они сидели тише воды, ниже травы, пока вся школа праздновала победу над Ягю рю.

— Смотрите! — закричала Кику. — Масамото!

— Куда это он? — спросил Джек.

— На аудиенцию с императором, разумеется! — с почтительным восхищением ответила Кику. — Император — наше живое божество.

— Хотя Тарю-дзай выиграл ты, честь личной встречи с императором предоставляется основателю школы, — объяснила Акико.

Масамото с Нефритовым мечом и в сопровождении парадно разодетых наставников — Ямада, Кюдзо, Хосокава и Ёса — вошел в громадные ворота дворца и исчез за высокими стенами.

«Интересно, каково встретиться с живым божеством?» — подумал Джек.

Остаток дня ребята провели, разглядывая процессию паланкинов и колесниц с гейшами и музыкантами, а заодно знакомя Джека с японской кухней. Сабуро определенно нравилось экспериментировать с желудком Джека, насильно скармливая ему все подряд — с большим или меньшим успехом. Такояки, шарики из теста с имбирем и жареным осьминогом, Джеку понравились, а вот обаняки, круглые булочки со сладкой начинкой, на его вкус были приторно-сладкими. Ребята бродили по улицам, и Сабуро постоянно угощал Джека разными жареными пирожками.

— Они называются окономияки, то есть готовь, что вздумается, когда захочется, — объяснила Акико с отвращением во взгляде, когда Джек жевал четвертый. — Но я бы не стала это есть: кто знает, что туда положили!

— Скорее, идите сюда! — закричал Ямато, размахивая руками и показывая на лоток в переулочке. — Здесь продают замечательные маски, я таких еще не видел!

— Смотри, Джек, как раз для тебя! — Сабуро вручил ему маску уродливого красного демона с четырьмя глазами и золотыми зубами. — Ты в ней просто красавчиком станешь!

— А вот эта тебе — учитывая, что ты именно так дерешься! — парировал Джек и протянул ему маску сморщенной старухи.

— Очень смешно! — ответил Сабуро, но маску все же взял. — Ямато, а как тебе эта?

— Почему бы нет? Выразительная штучка, — сказал мальчик, рассматривая золотую маску сумасшедшего с пучками черных волос.

— Акико, а ты какую возьмешь? — спросил Джек.

— Наверное, эту. — Акико показала на красную с золотом маску бабочки.

— Да, тебе она будет очень к лицу... — Джек запнулся, заметив, что его неожиданно нежный комплимент удивил Сабуро и Кику. — Ну... она подойдет тебе куда больше, чем вон та, — неуклюже поправился он, небрежно махнув рукой на маску демона.

— Спасибо, Джек, — мило улыбнулась Акико, поворачиваясь к торговцу.

Джек облегченно вздохнул: хорошо хоть она не видела, как он покраснел! Зато Ямато заметил и многозначительно приподнял брови.

...

Вскоре после заката зажгли все фонари на паланкинах и колесницах, и Киото превратился в сказочный город. Фонари плыли над улицами, словно облака, освещенные изнутри крохотными солнышками. Все надели маски, повсюду звучала музыка и царило веселье.

Многие паланкины и колесницы остановились: носильщики стали прикладываться к большим бутылкам сакэ, и скоро на каждом углу шумно веселились.

Джек, Акико, Ямато и остальные шли обратно на главную улицу, чтобы посмотреть фейерверк, когда группа пьяных самураев, шатаясь, прошла мимо, заставив Джека отскочить в сторону. Он столкнулся с человеком в черной одежде и дьявольской маске с красными рожками и маленьким белым черепом посреди лба.

— Пошел прочь! — прошипел черный дьявол.

Джек посмотрел на него сквозь свою маску и застыл на месте.

Прохожий раздраженно отшвырнул мальчишку с дороги и торопливо пошел по улице, а потом свернул в узкий переулок.

— Джек, ты чего? — Акико подбежала к нему.

— Кажется... я только что видел Докугана Рю!

42. Докуган Рю

— Наверное, ты ошибся! Докуган Рю никогда бы не посмел появиться на празднике! — на бегу сказала Акико: они все уже бежали по переулку вслед за черным дьяволом.

— Я не мог ошибиться! — ответил Джек. — У него был всего один глаз — причем зеленый! Сколько одноглазых с глазом зеленого цвета японцев ты видел?

— Одного, — признался Ямато.

— Вот именно! Надеюсь, он меня не узнал! — Джек на ходу снял маску с лица. — Так куда ведет этот переулок?

Не успел Ямато ответить, как они уже завернули за угол и оказались напротив замка Нидзё — возле одного из боковых входов, перед узким мостиком, перекинутым через ров.

— Думаешь, твой ниндзя вошел в замок? — с беспокойством спросил Сабуро.

— Похоже на то. — Джек оглянулся на пустынную улицу. — А куда все подевались?

— Смотрят фейерверк возле дворца императора, — ответила Кику.

Джек всматривался в темноту в поисках Докугана Рю. Ничто не шевелится. Как тут его найдешь?

— А охрана где? — спросил Джек. — Я думал, здесь живет отец Эми. Ведь это же дворец Такатоми, даймё Киото, верно? Здесь на каждом шагу должны быть стражники!

— Так ведь сегодня Гион мацури! — напомнил Ёри. — Даймё на празднике, и большинство его стражников тоже.

— Ну разумеется! Лучшее время для ниндзя, чтобы проникнуть в замок! — сказал Джек.

— Да зачем ему это? — не поверила Кику.

— Кто знает, — пожал плечами Джек. — Но уж наверняка не за тем, чтобы фейерверк посмотреть! Пошли! Надо его найти и остановить!

— Да это же ниндзя! — воскликнул Сабуро.

— А мы самураи!

Джек помчался к мостику. Помедлив, остальные побежали за ним — позади всех неохотно тащился Сабуро.

— Сабуро, вы с Ёри лучше посторожите здесь, — предложил Джек к явному облегчению Сабуро.

Четверо остальных осторожно пробрались по узкому деревянному мостику к воротам.

— Ты думаешь, они открыты? — спросила Акико. — А если он залез через стену?

— Сейчас узнаем, — отозвался Джек и налег на тяжелую дверь.

Она открылась.

Джек взгляделся в непроницаемый мрак: ничего не видно, хоть глаз выколи. Глубоко вдохнув и приготовившись нарваться на засаду, он влетел вовнутрь.

Не успел Джек и двух шагов пройти, как потерял равновесие и упал лицом вниз на каменные плиты.

— Джек, что с тобой? — спросила Акико, обеспокоенная его приглушенным стоном.

— Все нормально, — прошептал Джек. — Заходите. Я всего лишь споткнулся об охранника — он мертв.

Вошедшие друзья нашли Джека склонившимся над телом мертвого самурая.

— Там, за дверью, еще один, — сказал Джек.

Кику сдавленно вскрикнула при виде обезглавленного тела второго стражника. Акико прижала подругу к себе.

— Похоже, беднягу убили его собственным мечом, — заметил Ямато.

— Кику, иди расскажи все остальным, — резким шепотом приказала Акико. — Поднимите тревогу и позовите Масамото!

Молча кивнув, Кику обошла обезглавленного стражника, выскользнула за ворота и помчалась к императорскому дворцу.

— А теперь что будем делать? — спросил Ямато.

— Найдем его и остановим! — сказал Джек со злобной решительностью в голосе, внимательно осматривая двор.

— Или поищем живого стражника, который может поднять тревогу, — предложила Акико, обеспокоенная намерениями Джека.

— Слишком поздно! — Джек показал на черную, едва заметную тень на парапете. — Вот он! Возле стены, на той стороне двора.

Оглядевшись, Джек заметил принадлежавший обезглавленному самураю окровавленный меч. Схватил его и помчался навстречу Докугану Рю. Ямато и Акико уставились ему вслед.

— Да он спятил! — воскликнула Акико. — Его же убьют!

— Не убьют, если в моих силах этому помешать! — ответил Ямато, принимаясь искать в темноте катану второго самурая.

— Вы ведь никогда раньше не пользовались настоящим мечом!

— Не важно! Тот, кто овладел боккэном, наверняка справится и с катаной. Ага, нашел! — Ямато подобрал второй меч. — Пошли! Джек уже на другой стороне двора!

— Прелестно! А мне, значит, только короткий меч оставили! — пробормотала Акико, вытаскивая вакидзаси из-за пояса ближайшего стражника, и помчалась вслед за Ямато.

Джек уже был возле стены замка и видел прячущегося в тени Докугана Рю: тот направлялся к группе из пяти зданий в центре крепости. Судя по тому,

как замысловато они были украшены, именно там жил даймё Такатоми.

Докуган Рю, слишком занятый осторожным продвижением вперед, не замечал Джека.

Теперь или никогда!

Джек поудобнее взялся за рукоять катаны. Настоящий меч весил куда больше боккэна, и приходилось все время следить, чтобы киссаки не опускался, иначе противник легко достанет Джека.

Докуган Рю все еще не заметил Джека, и тот подкрался поближе.

В десяти шагах от ниндзя Джек почувствовал, как спрятанные глубоко внутри ярость и боль, вызванные смертью отца, вдруг вырвались на поверхность, как лава из вулкана.

Пора! Докуган Рю наконец-то заплатит за смерть отца!

Однако Джек колебался.

Ну как же можно вот так напасть?

— Колебаться нельзя! — не оборачиваясь, прошипел Докуган Рю.

Он резко обернулся, и в темноте блеснула серебристая звездочка сюрикэна.

— Берегись! — крикнул Ямато, прикрывая Джека собой.

Сюрикэн вонзился Ямато в грудь — обливаясь кровью, тот упал на пол.

Джек словно взбесился от ярости. Завопив во все горло, он налетел на Докугана Рю с поднятым мечом и изо всех сил ударил своего заклятого врага.

Докуган Рю вытащил ниндзято из ножен на спине и с легкостью отбил удар. А затем перешел в атаку, полоснув по животу Джека.

Предугадав это движение, Джек блокировал удар и сразу же ударил сам, направив меч в лицо противника. Докуган Рю кувыркнулся назад, чтобы уклониться от лезвия. Уже в воздухе он пнул Джека по рукам, заставив выронить катану. Докуган Рю приземлился на ноги, и в то же время меч Джека с грохотом упал, оставив его безоружным и беззащитным.

— А для гайдзина у тебя уже неплохо получается, юный самурай! — с искренним уважением сказал ниндзя. — В один прекрасный день ты и впрямь можешь стать хорошим бойцом. Сегодня меня не за тобой послали, так что будь послушным мальчиком, иди домой!

— У меня нет дома. Ведь ты убил моего отца! — ответил взбешенный Джек. — Или к отцу тебя тоже послали?

— На твоего отца мне было наплевать! Меня послали за картой!

Джек недоверчиво уставился на ниндзя:

— И кто же тобой командует?

— Да ты все никак не уймешься! — раздраженно прошипел Докуган Рю. — Надеюсь, без руки ты выживешь, хотя меч держать будет нечем!

Докуган Рю поднял ниндзято и ударил, собираясь отсечь мальчишке правую руку.

Словно падающая звездочка, в темноте блеснул брошенный Акико вакидзаси. В последний момент

ниндзя инстинктивно повернулся, его меч ушел в сторону, пройдя на волосок от плеча Джека. Вакидзаси воткнулся в бок Докугана Рю, однако, несмотря на глубокую рану, ниндзя даже не пикнул. Слегка покачнувшись, он посмотрел на торчащий в боку меч.

— А ты где этому научилась? У Масамото? — с отвращением спросил он, увидев появившуюся рядом с Джеком Акико.

Не сводя хмурого взгляда с Джека и Акико, ниндзя осторожно вытащил окровавленное лезвие и перехватил рукоятку поудобнее, собираясь метнуть вакидзаси в беззащитную Акико.

Тут настужь распахнулись главные ворота, и Масамото ворвался во двор, а за ним его самураи с факелами в руках.

— Рассыпаться! — приказал Масамото. — Найти их и убить ниндзя!

— В другой раз, гайдзин! — прошипел Докуган Рю. — Я не забыл про карту.

Он бросил вакидзаси, влез по стене, словно злобный четырехногий паук, и скрылся в темноте.

Вдалеке взрывались фейерверки, и яркие разноцветные звездочки падали с ночного неба, будто метеоры.

43. Кэндо — Путь меча

Очевидно, Докугана Рю послали, чтобы отравить даймё Такатоми, — объяснил Масамото следующим вечером, когда они собрались в Хо-о-но-ма, Зале феникса.

Масамото сидел на возвышении, за его спиной виднелся величественный феникс. Слева от Масамото расположились Кюдзо и Ёса, а справа — Хосокава и Ямада.

Акико, Джек и забинтованный Ямато сидели на полу. Ямато невероятно повезло: сюрикэн не был отравлен и рана в груди, хотя и глубокая, опасности не представляла.

— Но кто его послал? — спросил Джек.

Масамото пригубил сэнча и задумчиво уставился на чашку.

— Мы не знаем. Возможно, что-то затевается, — озабоченно сказал он. — Поэтому даймё Такатоми усилил свою личную охрану и принял дополнительные меры безопасности в замке. Он просит извинен-

ния, что не смог присутствовать на нашей встрече сегодня, поскольку его отозвали в Эдо. Но он очень благодарен вам за то, что вы помогли остановить ниндзя. И попросил меня передать вам это в знак благодарности.

Служанка внесла три коробочки и поставила одну перед каждым из трех юных самураев. Джек посмотрел на свою: маленькая прямоугольная коробочка из лакированного дерева, искусно украшенная золотом и серебром. На поверхности виднелась едва заметно выгравированная сакура, цветок которой был выложен слоновой костью. Сверху к коробочке был привязан шнурок с маленьким брелоком в форме головы льва, тоже вырезанный из слоновой кости. Джек с любопытством посмотрел на подарки, полученные друзьями.

Все три коробочки были похожи, отличаясь только украшениями и брелоками: Ямато достался брелок в форме обезьяны, а Акико получила орла.

— Это *инро*, — объяснил Масамото, заметив недоумение Джека. — В них носят разные мелочи, вроде лекарств, денег и письменных принадлежностей. Брелок из слоновой кости называется *нэцкэ*: с его помощью инро закрепляется на поясе.

Джек взял в руки изящно сделанную вещицу. Он всегда недоумевал, как японцы обходятся без карманов. Положенные одна на другую коробочки инро тесно прилегали друг к другу. Джек пропустил шнурок через пояс и с помощью *нэцкэ* закрепил инро.

— Такатоми-сама также согласился бессрочно финансировать Нитэн ити рю и подарил нам новый зал для тренировок, — продолжал Масамото. — Он будет называться Така-но-ма, Зал сокола. И за это я очень вам благодарен. Вы снова принесли великую славу школе. В знак признания ваших заслуг я хотел бы кое-что подарить каждому из вас.

Служанка внесла три коробки, поставив их рядом с Масамото.

— Ямато, ты проявил себя истинным Масамото. И доказал это собственной кровью. Я горжусь таким сыном. В знак моего уважения, прими от меня *гайсё*.

С трудом поклонившись — повязки мешали, — Ямато опустил перед отцом на колени. Масамото открыл первую коробку.

— Ямато, ты, наверное, узнал эти мечи. Они принадлежали Тэнно. Ты, вне всякого сомнения, доказал, что достоин их носить.

Морщась от боли, Ямато протянул руки, принимая от отца катану и вакидзаси. Вместе эти два меча составляли дайсё — символ общественного положения и личной чести самурая. Получить в подарок дайсё было исключительно почетно.

На мгновение Ямато замер, не сводя глаз с черных лакированных ножен, скрывающих блестящие клинки. Потом сел на свое место рядом с Джеком и Акико. Джек невольно обратил внимание на сияющие от гордости глаза друга.

— Акико, подойди, пожалуйста, к сэнсэю Ёса. Именно она хотела бы вручить тебе подарок.

Девочка встала и низко поклонилась сэнсэю Ёса.

— Акико, ты обладаешь глазом орла и стремительностью сокола, — сказала сэнсэй Ёса, подвигая коробку поближе и бережно вытаскивая из нее несколько предметов. — Ты достойна носить мой лук и стрелы. Прими их в знак признания твоего искусства в кюдзюцу.

Потрясенная Акико едва сумела выразить свою благодарность. Дрожащими руками она взяла большой бамбуковый лук и колчан, полный стрел с оперением из ястребиных перьев.

— Акико, мой лук многому тебя научит. Как известно, лук содержит в себе часть души мастера, который его сделал. Теперь мой лук принадлежит тебе и, я надеюсь, будет защищать тебя, как защищал меня.

— Аригато годзаимасита, сэнсэй, — выдохнула Акико, с величайшей почтительностью держа перед собой лук и стрелы, и вернулась на место.

— И наконец, ты, Джек, — торжественно провозгласил Масамото. — Кто бы мог подумать, что едва не утонувший мальчишка-гайдзин сумеет достигнуть таких успехов? Твой отец, если бы он был жив, наверняка очень гордился бы тобой.

Глаза Джека внезапно наполнились горячими слезами. Неожиданное напоминание об отце причинило невыносимую боль, и пришлось изо всех сил прикусить губу, чтобы не расплакаться.

— Ты спас жизнь Ямато. Дважды, если я не ошибаюсь, — продолжал Масамото. — Выучил наш язык

и следуешь нашим обычаям. И ты не дал Докугану Рю сделать его черное дело — причем не один раз, а трижды! Если бы у моего даймё была армия из таких мальчишек, как ты, то он мог бы покорить любую страну в мгновение ока. Подойди ко мне.

Джек подошел к Масамото и склонился в почтительном поклоне.

Все наставники поклонились в ответ. Сэнсэй Хосокава и сэнсэй Ёса одобрительно кивнули. Сэнсэй Кюдзо, как всегда, смотрел на Джека пренебрежительным взглядом. Зато сэнсэй Ямада тепло улыбался.

— Джек, тебе еще предстоит многому научиться. — Масамото вдруг посерьезнел. — Ты всего лишь росточек. Ты заложил первый камень, сделал первый шаг. Тебя ждет долгое путешествие по Пути война, но, как я уже говорил вам, мы здесь для того, чтобы помочь вам пройти этот путь. И я дарю тебе свои первые мечи.

Акико и Ямато ахнули. Судя по ошеломленным лицам наставников, Джек понял, что ему оказана невероятная честь. Масамото открыл последнюю коробку и достал два внушительных меча.

В отличие от Нефритового меча, дайсё Масамото не отличались изысканностью: единственным украшением черных лакированных ножен был золотой феникс возле рукояти. Эти мечи сделали не для того, чтобы ими любоваться или хвастаться, — это было оружие война.

— Джек, душа самурая — его меч, — внушительно произнес Масамото, передавая ему дайсё и суро-

во вглядываясь в лицо золотистыми глазами. — Обладание таким оружием несет в себе огромную ответственность, — сказал Масамото, не выпуская мечи, так что они с Джеком вместе держали их. — Они не должны попасть в руки врага. А ты всегда обязан соблюдать заповеди бусидо: порядочность, храбрость, доброта, уважение, честность, благородство и преданность. Понимаешь?

— Хай, Масамото-сама! Аригато годзаимасита, — искренне ответил Джек.

Приняв мечи из рук Масамото, Джек немедленно почувствовал всю тяжесть ответственности, которую они принесли с собой. Он низко поклонился и занял место между Акико и Ямато, положив дайсё рядом.

— Теперь, когда мы закончили, я хотел бы попросить вас оставить меня наедине с моим сыном Ямато. Нам нужно о многом поговорить. — Улыбка осветила неповрежденную половину лица Масамото.

Все почтительно поклонились и вышли из Зала феникса.

В ожидании Ямато Джек и Акико зашли в Южный сад дзэн. Встали между двумя валунами, молча разглядывая ночное небо. До полнолуния оставалось всего два дня, и луна ярко сияла. Поблескивали звездочки.

— Посмотри, вон самая яркая звезда. Это Спика, — наконец нарушил молчание Джек.

— Которая? Для меня они все выглядят одинаково.

— Начни с ручки ковша Большой Медведицы прямо над нами, потом проведи дугу до Арктура и продолжи до Спики. — Джек показывал пальцем, помогая Акико найти звезду. — Вон та слева называется Регул, а рядом с ним — Беллатрикс. Та, которая мигает, называется Юпитер, только это не звезда, а планета.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила Акико, поворачиваясь к Джеку.

— Отец научил. Он сказал, что если я хочу стать штурманом, как он, то должен уметь находить путь по звездам.

— И ты умеешь?

— Достаточно, чтобы привести корабль обратно в порт, — ответил Джек и тоскливо добавил: — Может быть, даже домой вернуться...

— Ты все еще хочешь вернуться?

Джек посмотрел в черные глаза Акико: в них отражался лунный свет, и по спине Джека побежали мурашки.

Да, он по-прежнему хотел бы вернуться домой. Тосковал по зеленеющим весной полям Англии, по уютному теплу родительского очага зимой, где отец частенько рассказывал захватывающие истории о своих путешествиях. Скучал по шумному беспорядку Лондона: крикам уличных торговцев, мычанию коров и стуку кузнечных молотов. У него текли слюнки при одном воспоминании о говядине, пирогах и куску хлеба с толстым слоем масла, и невыносимо хотелось поговорить с кем-нибудь по-английски. Но

больше всего Джек скучал по своей семье: теперь у него осталась только сестренка. Он должен найти Джесс и убедиться, что с ней все в порядке.

И все же, впервые за все время пребывания в Японии, стоя рядом с Акико под звездным небом, Джек почувствовал, что может стать здесь своим.

«Где бы ты ни был, твой мир — это твои друзья», — сказала мама, когда им пришлось переехать из Роттердама в Лаймхауз, где получил работу отец. Джеку в то время было всего семь лет, и он очень не хотел переезжать, однако теперь понимал, что имела в виду мама. Здесь, в Японии, он нашел настоящих друзей: Сабуро, Ёри, Кику, Ямато, а самое главное — Акико.

— Акико! — позвал кто-то.

Это оказалась сэнсэй Ёса.

— Можно тебя на минутку? Мне нужно объяснить тебе особенности твоего лука.

— Хай, сэнсэй, — ответила Акико и повернулась к Джеку: — Джек, я знаю, что ты скучаешь по своему дому в Англии, но ведь Япония тоже может стать тебе домом.

Тепло улыбнувшись, Акико поклонилась и ушла по тропинке, растворившись в темноте.

Джек уставился на ночное небо, мысленно повторяя названия звезд, пытаясь справиться с чувствами и не заплакать. Он рассеянно задел рукой меч, и ладонь задержалась на рукояти.

Поддавшись внезапному порыву, Джек вытащил катану из ножен и поднял, разглядывая меч в лунном свете. Любуясь изящным изгибом клинка, повер-

нул его в воздухе, оценивая вес и центр тяжести. Еще слишком рано для катаны так же привычно лежать в руке, как более легкий деревянный боккэн, но Джек чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы попробовать несколько простых ударов.

Джек разрезал луну пополам, насадил на острие Беллатрикс и срезал падающую звезду. Резко обернувшись, поднял меч, готовясь отразить новую атаку, и увидел Докугана Рю: стоит в темноте, неподвижно, выжидает момента для нападения.

«Нельзя колебаться!»

И на этот раз Джек не стал медлить: поднял меч над головой и бросился на Докугана Рю, чтобы нанести смертельный удар.

— Джек! — закричал сзади сэнсэй Ямада.

Докуган Рю обратился в камень, и Джек бросил взгляд назад.

— Что ты делаешь? — Сэнсэй Ямада стоял в темноте, опираясь на трость и с любопытством рассматривая Джека.

— Я... — Джек оглянулся на камень, — тренировался.

— На камне?

— Ну, не совсем. — Джек съежился. — Я представил, что это Докуган Рю, и собрался его убить. Из мести.

— Мечь приводит к поражению: она грызет тебя, пока не сглодает дочиста, — заметил сэнсэй Ямада таким тоном, словно говорил очевидную истину — такую же очевидную, как луна на небе.

— Но он убил моего отца!

— Да. И наверняка заплатит за свой грех — если не в этой жизни, то в следующей. Однако не вздумай поверить ни на секунду, что обладание мечом сделает тебя всесильным. Никогда не забывай о бусидо: порядочность, способность отличать хорошее от плохого — вот что делает тебя самураем.

Сэнсэй взял Джека за руку и медленно повел по тропинке к старой сосне в углу сада, тяжело опирающейся на деревянную подпорку.

— Благородство и сострадание — основа всего. На Пути война нет места ярости или гневу. В истинном будо нет врагов. Истинное будо основано на любви. Путь война состоит не в убийствах и уничтожении, а в том, чтобы способствовать жизни*. Защищать ее.

Остановившись возле старой сосны, Ямада повернулся к Джеку:

— Масамото-сама сказал, что ты сделал первый шаг по Пути война, однако ты еще должен изучить Путь меча, *кэндо*.

Сэнсэй Ямада загадочно улыбнулся, в его глазах блеснули искорки, и он исчез в темноте позади дерева, оставив Джека одного под небом Японии.

Джек поднял взгляд: с неба упала звездочка. Ярко вспыхнув, она погасла, а ее след постепенно затухал, словно уголи костра.

В это мгновение Джека осенило: он испытал сатори, такое же яркое, как звездочка.

* Уэсиба Морихэй, основатель айкидо (цит. по книге Джона Стивенса «Секреты будо»). — *Примеч. авт.*

Ведь он тоже шел по пути к какой-то неведомой цели, не зная, что из этого выйдет. Однако он уже выбрал свой путь, и дороги назад нет.

Он выбрал... Путь воина.

Круг трех (начало следующей книги)

- Юные самураи! — Голос Масамото разнесся по всему Тё-но-ма, церемониальному обеденному залу, стены которого украшали изображения бабочек.

Услышав обращение Масамото, ученики, сидевшие аккуратными рядами на полу, выпрямились. Джек, давно привыкший сидеть по-японски, слегка передвинулся, чтобы лучше видеть.

Как обычно, Масамото восседал за низким лакированным столиком из черного кедра, стоявшим на возвышении. На столике были расставлены чашечки горячего сэнча, горького зеленого чая, который предпочитал самурай.

Масамото неторопливо пригубил сэнча в ожидании, пока наступит полная тишина.

— Почетный гость на нашем ужине сегодня — даймё Такатоми Хидэяки, правитель провинции Киото. — Масамото почтительно поклонился сидевшему слева от него гостю.

Все ученики и наставники немедленно склонились в поклоне.

Даймё, добродушный большеглазый мужчина с редкой бородкой и весьма округлым животиком, был одет в цветистое парадное кимоно, украшенное пятью гербами с белым журавлем: по одному на каждом рукаве, два на груди и один на спине. Он коротко кивнул в ответ, вежливо отвечая на почтительный поклон Масамото.

Масамото выпрямился, и его примеру последовали все остальные — в порядке старшинства: последними подняли головы новички.

— Такатоми-сама почтил нас своим присутствием в честь нашей победы в Тарю-дзиай. Кроме того, наши ученики пресекли попытку покушения на Такатоми-саму, и он великодушно взял на себя обязательство содержать школу Нитэн ити рю — бессрочно.

— Такатоми! Такатоми! Такатоми! — дружно крикнули ученики, хлопая в такт.

Даймё благожелательно улыбнулся и едва заметно кивнул в ответ.

— Более того, Такатоми-сама дарит нам новый зал для тренировок — он будет называться Така-но-ма, Зал сокола!

Ученики взорвались аплодисментами и оживленно загомонили. Так, значит, не зря ходили слухи, что построят новый зал! Интересно, где именно? И кто будет там преподавать? И чему там будут учить?

Масамото поднял руку, призывая к молчанию. Все немедленно затихли, и он продолжил:

— Как вы знаете, прошло уже три года с тех пор, как Круг трех проводился в последний раз...

Взбудораженные этими словами, ученики напряженно выпрямились. Только Джек ничего не мог понять: какой еще Круг трех? Он глянул на Акико в надежде получить объяснение, но она, как и все остальные, не сводила глаз с Масамото.

— Для тех, у кого хватит смелости и умения, пришло время доказать, что вы достойны звания ученика школы Нитэн ити рю. И те, кто справится с этой задачей, смогут перейти к изучению техники «Двух небес».

По крайней мере, хоть что-то понятно: Джек знал, что техника «Двух небес» — это какой-то секретный прием Масамото, который позволено изучать лишь самым лучшим ученикам. Все остальное осталось для него загадкой.

— Те из вас, кто считает, что их ум, тело и дух подготовлены к этому испытанию, запишитесь у сэнсэя Кюдзо после ужина, — продолжал Масамото. — Отборочные тесты будут проводиться, когда выпадет первый снег.

Масамото развел руки в стороны так, что ярко-красные рукава кимоно сделали его похожим на горящего феникса, изображенного на гербе.

— Предупреждаю, что к такому испытанию нельзя относиться легкомысленно. Чтобы выжить в нем, вы должны понимать семь добродетелей бусидо. — Великий воин замолчал, внимательно вглядываясь в учеников. — Скажите мне, что такое бусидо.

— Порядочность! Храбрость! Доброта! Уважение! Честность! Благородство! Преданность! — дружно закричали ученики.

Масамото удовлетворенно кивнул.

— И больше всего вам понадобится храбрость, — предупредил он. — Поэтому все последующие месяцы тренировок помните девиз нашей школы: «Учись сегодня, чтобы дожить до завтра!»

На этом Масамото закончил свое обращение к ученикам, и они оглушительно закричали в ответ:

— Масамото! Масамото! Масамото!

Когда приветственные крики затихли, слуги внесли шесть длинных лакированных столиков и расставили их в два ряда по всей длине Тё-но-ма. Джек уселся между Акико и Ямато. Торжественные ужины ему всегда нравились: в честь гостя готовили целый пир. На этот раз главным блюдом был жареный угорь в липком красном соусе.

— Итадакимас! — произнес Масамото.

— Итадакимас! — отозвались ученики и, вооружившись хаши, накинулись на угощение.

— Ну что, кто собирается принять участие в Круге трех? — выпалил Сабуро, озвучивая вопрос, который вертелся на языке у всех остальных.

— Да уж не я! — ответила Кику. — Говорят, в прошлый раз один мальчишка погиб.

— Ерунда! — отмахнулся Ямато и ободряюще подмигнул испуганному Ёри. — Эти слухи распускают сэнсэи, чтобы нас напугать.

— И вовсе не ерунда! Отец запретил мне принимать в этом участие, — сказала Кику. — Он говорит, что незачем подвергаться такой опасности.

— А что это вообще такое? Что за Круг трех? — спросил Джек, все еще ничего не понимая.

— Круг трех — это три вершины хребта Ига, где ученики-самураи подвергаются трем испытаниям: ума, тела и духа. — Сабуро положил свои хаси.

— И что это за испытания? — продолжал спрашивать Джек.

Сабуро недоуменно посмотрел на него:

— Не знаю.

— Как это не знаешь? — воскликнул Ямато. — Твой брат Таро учился в школе три года назад! Разве он тебе не рассказывал?

— Все верно, — отозвался Сабуро. — Только Таро сказал, что каждый раз испытания меняются.

— Ну, мне выбирать не приходится. Отец ждет, что я приму участие, так что я запишусь в любом случае, — заявил Ямато. — А ты, Сабуро?

— Я подумаю, — ответил тот.

— Стало быть, ты не участвуешь. Ясное дело, испугался! А ты, Джек? — спросил Ямато, не давая Сабуро возможности запротестовать.

Джек задумался:

— Не знаю. А оно того стоит? Понятно, что тех, кто справится, научат технике «Двух небес», но я все еще понятия не имею, что это за техника такая.

— Джек, да ведь ты ее видел! — вмешалась Акико.

— Когда это? — Джек удивленно посмотрел на Акико.

— На пляже в Тоба. Помнишь, как Масамото-сама сражался с Годаем? Тогда он использовал не только катану, а применил свою уникальную технику двух мечей: катаны и вакидзаси. Это и есть техника «Двух небес».

— Всего-то? А я думал, что это тайное искусство, волшебство какое-нибудь! — воскликнул Джек.

— Так и есть. Техникой «Двух небес» овладеть очень сложно, однако тот, кто сумеет это сделать, становится непобедим, — ответила Акико.

— Когда отец совершал паломничество, он дрался на тридцати с лишним дуэлях и ни разу не проиграл! — гордо объяснил Ямато.

Джек задумался. В таком случае техника «Двух небес» несомненно решит его проблему. Если он сможет ей научиться, то станет непобедим или, уж по крайней мере, сумеет защитить себя, когда Докуган Рю исполнит свое обещание вернуться. Драгоценную карту отца Джек без боя не отдаст!

— И что, все ученики, прошедшие Круг трех, допускаются к изучению «Двух небес»? — поинтересовался Джек.

— Конечно, все! — ответила Акико.

— Тогда я записываюсь, — решительно заявил Джек.

Словарь японских слов

В японском языке используются специальные знаки: кандзи — иероглифы, заимствованные из Китая, и две слоговые азбуки, хирагана и катакана, созданные на основе иероглифов. В данной книге японские слова переданы русскими буквами в соответствии с системой Поливанова (знак долготы гласных опущен). Следует помнить, что кириллица лишь приблизительно передает звучание японских слов.

Для японского языка нехарактерно скопление согласных и конечные согласные, поэтому японцы часто добавляют гласные в иностранные слова. Кроме того, отсутствует звук «л», который заменяется на «р». Поэтому имя «Джек Флетчер» превращается в «Дзэку Фурэтя».

В отличие от русского языка, ударение в японских словах отсутствует, а в предложении используется тональное ударение (повышение/понижение голоса).

В японских именах сначала называется фамилия, потом имя.

К взрослым обращаются по фамилии, к которой добавляют -сан (господин) или -сама (для человека, который гораздо выше по социальному статусу). «Така-сан» означает «господин Така»; «Масамото-сама» — «уважаемый господин Масамото». К учителям и врачам обращаются «сэнсэй». К имени ребенка добавляют -кун (для мальчиков) и -тян (для девочек).

Ниже приводится словарь японских слов, часто встречающихся в книге.

Аригато — спасибо.

Боккэн — деревянный тренировочный меч.

Бонсай — карликовое дерево, декоративное растение миниатюрного размера.

Будо — японские боевые искусства. Термин состоит из двух иероглифов: бу — война, бой, воин или боец и до — путь.

Буси — член воинского сословия, самурай.

Бусидо — (букв. «путь воина»): моральный кодекс воина (самурая) в средневековой Японии.

Вакидзаси — короткий меч.

Вако — японские пираты.

Гайдзин — чужак, варвар (презрительная кличка иностранцев).

-гэри — (употребляется как вторая часть слова) удар ногой: маэ-гэри — удар вперед, ёко-гэри — удар

ребром стопы, усиро-гэри — удар назад, маваси-гэри — удар с разворотом.

Даймё — (букв. «большое имя»): владельцы провинций; крупнейшие военные феодалы, самурайская элита.

Дайсё — пара мечей самурая: дай-то (длинный меч, более 66 см) и сё-то (короткий, 33—66 см). Дай-то использовался как боевое оружие, а сё-то был личным оружием самурая, с которым он никогда не расставался и использовал в ближнем бою и для выполнения сэппуку. В качестве дай-то обычно использовалась катана, а в качестве сё-то — вакидзаси.

Дзабутон — (букв. «футон для сидения»): коврик, подстилка, на которую кладется дзафу.

Дзадзэн — медитация в позе лотоса.

Дзафу — подушка для дзадзэн.

Дзэн, дзэн-буддизм — течение буддизма, широко распространенное в Японии.

Дзюбан — нижняя юбка-брюки.

Додзё — зал для тренировок.

Иро — коробочка для хранения мелких предметов (лекарств, письменных принадлежностей и пр.), сделанная из дерева, кости и т.п.

Ками — дух, божество.

Кандзи — иероглифы, знаки китайской письменности, заимствованные японцами.

Ката — определенная последовательность движений, комплекс упражнений в боевых искусствах.

Катана — слегка изогнутый меч длиной от 66 см.

Ки — жизненная энергия (от китайского «ци»).

Кимоно — свободная японская одежда без пуговиц, похожая на халат с широкими рукавами. Запахивается спереди и затягивается оби (широким поясом).

Киссаки — кончик меча.

Кихон вадза — основные, базовые движения и навыки.

Коан — загадка, головоломка (от китайского «гунъань»), которая используется в дзэн-буддизме для достижения сатори. Классический пример коана: «Удар двумя руками — хлопок, а что такое хлопок одной рукой?» В качестве ответа предполагалось полное молчание.

Кэндзюцу — техника владения мечом, рассматриваемая как набор приемов для боя.

Кэндо — (букв. «путь меча»): искусство фехтования на мечах, конечной целью которого полагается духовное совершенствование.

Кюдзюцу — техника стрельбы из лука.

Кюдо — (букв. «путь лука»): искусство стрельбы из лука, конечной целью которого полагается духовное совершенствование.

Мацури — праздник, фестиваль.

Мисо — паста из ферментированных соевых бобов, а также традиционный японский суп на ее основе.

Нива — сад.

Ниндзя — шпионы, диверсанты и наемные убийцы, которые продавали свои услуги конфликтующим кланам даймё в период феодальной раздробленности и междоусобиц; ремесло ниндзя передавалось по наследству и строго сохранялось в тайне от посторонних.

Ниндзято — меч ниндзя.

Нодати — большой меч, использовался как оружие пехоты против кавалерии.

Нэцкэ — резной брелок, который используется для закрепления инро на оби.

Оби — пояс.

Офуро — японская ванна.

Рандори — вольный бой, тренировочная схватка.

Рэй — поклон; команда «поклониться!».

Ри — мера длины, примерно 3,93 км.

Сакура — японская вишня.

Сакэ — рисовое вино.

Самурай — воин, член военно-феодалного сословия.

Сатори — в дзэн-буддизме: теория и состояние «внезапного озарения», «внезапного постижения смысла бытия», которое достигается внелогическим путем, в результате напряженного размышления над коанами.

Сёдзи — раздвижные перегородки в японском доме.

Синай — бамбуковый меч для тренировок в кэндо.

Сохэй — монахи-воины.

Сумимасэн — «Извините!», «Прошу прощения!».

Суси — рисовые колобки с начинкой из рыбы, мяса, овощей.

Сэйдза! — «Садитесь!» — команда для учеников.

Сэнсэй — учитель, наставник, инструктор.

Сэнча — японский зеленый чай.

Сэппуку — (другое чтение тех же иероглифов — «харакири»): ритуальное самоубийство путем вспарывания живота, которое совершали самураи либо по приговору, либо добровольно, чтобы избежать бесчестия (например, попадания в плен).

Сюрикэн — метательные лезвия разнообразной формы или иглы, иногда отравленные; часто использовались ниндзя.

Сяку — старинная японская мера длины, приблизительно равная 1 футу, или 30,3 см.

Таби — носки с отдельным большим пальцем.

Тайдзюцу — техника безоружной схватки, рукопашного боя.

Танто — кинжал, нож.

Татами — соломенные маты.

Тори — защищающийся (партнер, который выполняет прием).

Тофу — соевый творог, широко используемый в японской кухне.

Укэ — нападающий (партнер, на котором отрабатывается прием).

-ути — *(используется как вторая часть слова)*
удар рукой; нукитэ-ути — рука-копье.

Футон — японская постель: матрас, который на день сворачивается и убирается в стенную нишу.

Хадзимэ! — «Начинайте!», «Начали!».

Хай — Да.

Ханами — праздник любования цветущей сакурой.

Хара — точка чуть выше пупка, где по представлениям японцев находится центр жизненной энергии ки.

Хаси — палочки для еды.

Ямэ! — «Прекратить!», «Стоп!».

Словарь морских терминов

Бак — носовая часть верхней палубы судна до передней мачты.

Бизань-мачта — самая задняя, третья от носа мачта парусного судна.

Блок — колодка с проемом и каточком внутри, через которую протягиваются снасти.

Боцман — старший унтер-офицер, который отвечает за чистоту на корабле, общесудовые работы и обучение команды.

Ванты — снасти судового стоячего такелажа, укрепляющие мачту в обе стороны к бортам судна. Состоят из вантин, между которыми ввязываются ступеньки из тонкого троса.

«Воронье гнездо» — наблюдательный пункт в виде бочки, расположенной высоко на мачте для улучшения обзора.

Впередсмотрящий — матрос-наблюдатель.

Гальюн — уборная на корабле.

Грот-мачта — вторая от носа мачта на корабле.

Грот — самый нижний парус на грот-мачте.

Грота-рея — см. Рей.

Кубрик — внутреннее жилое помещение для команды корабля.

Марс — площадка на верху нижней части составной мачты, которая на парусных судах служит для работ по управлению парусами.

Марсовой — матрос, работающий на марсе.

Мачта — высокий деревянный столб для крепления парусов. Составная мачта имеет две или три части: собственно мачта, стеньга и брам-стеньга, в местах соединения которых расположены площадки — марс (между мачтой и стеньгой) и салинг (между стеньгой и брам-стеньгой).

Нок — оконечность горизонтального или наклонного рангоутного дерева (например, оконечность реи — нок-рея).

Палуба — горизонтальное перекрытие на судне.

Парус — полотнище парусины специальной формы и размеров; паруса бывают прямые и косые. Прямые паруса прикрепляются к реям и расположены поперек длины корабля. Название паруса определяется его положением на мачте.

Полуют — задняя приподнятая часть юта.

Помпа — насос для откачки воды.

Прикол — свая, кол, укрепленные в земле (для причала, привязи).

Рангоут — или «рангоутное дерево» — все деревянные части, предназначенные для несения парусов (мачты, гафели, бушприт и пр.).

Рей (рея) — деревянный брус на мачте, предназначенный для крепления прямых парусов. Реи называются по мачтам и по ярусам: например, грот-рея — рея, на которой крепится грот.

Риф — подводная или невысоко возвышающаяся над водой скала.

Рундук — большой ларь с поднимающейся крышкой для хранения личных вещей экипажа; на рундук кладется матрас.

Сезень — мягкая, плетеная или с плетеным концом снасть для прихватывания парусов к реям.

Склянка — песочные часы на судне, измерявшие время получасовыми интервалами. «Бить склянки» — звонить в корабельный колокол, отсчитывая время. На современных судах склянки давно не используются, однако выражение осталось и обозначает получасовой промежуток времени.

Снасть — веревки и тросы на корабле для управления парусами и постановки рангоута.

Стеньга — вторая снизу часть составной мачты; в зависимости от мачты, называется фор-стенгга (на

фок-мачте), грот-стенга (на грот-мачте), крюйс-стенга (на бизань-мачте).

Такелаж — все снасти на судне: стоячий такелаж — неподвижно закрепленные снасти для крепления мачт и рангоута; бегучий такелаж — подвижные снасти для управления парусами.

Трап — лестница на судне.

Трюм — пространство между нижней палубой и днищем.

Фал — снасть для подъема парусов, флагов, сигналов и пр.

Фок — самый нижний парус на фок-мачте.

Фок-мачта — носовая мачта на многомачтовых парусных судах.

Фор-марсель — парус на фок-мачте, расположенный выше марса.

Шпангоут — ребра судна, к которым крепится наружная обшивка.

Шпигат — отверстие в борту или палубном настиле для удаления с палубы воды.

Штаг — канат от верхней части мачты или стеньги до носа, поддерживающий мачту спереди.

Штурвал — рулевое колесо.

Штурман — специалист по кораблевождению; прокладывает курс, отмечает движение судна и т.п.

Ют — кормовая часть верхней палубы судна.

Содержание

Благодарности	5
Пролог. Масамото Тэнно	11
1. Огненный шар	15
2. Марсовой	20
3. Между акулами и иезуитами	26
4. Страна восходящего солнца	32
5. Тени в ночи	40
6. Лихорадка	45
7. Самурай	50
8. Офуро	55
9. Кимоно и палочки для еды	60
10. Абунай!	66
11. Сэнча	72
12. Поединок	79
13. Отец Люций	85
14. Послание	95
15. Ямато	100
16. Боккэн	105
17. Гайдзин	115
18. Победитель в трех схватках	123
19. Возвращение Масамото	130

20. Акико	135
21. Нитэн ити рю	142
22. Токайдо	147
23. Бутоку-дэн	159
24. Наставники	166
25. Сияющий	173
26. Победить меч	182
27. Стимул для тренировок	191
28. Дарума	195
29. Сэнсэй Кюдзо	204
30. Стрельба по мишеням	211
31. Война с Кадзуки	219
32. Ханами	228
33. Тарю-дзиай	236
34. Тайна сэнсэя Ямада	245
35. Замена	259
36. Демон и бабочка	269
37. Нефритовый меч	283
38. Водопад Отова-но-таки	287
39. Извинение	297
40. Путь воина	303
41. Гион мацури	308
42. Докуган Рю	314
43. Кэндо — Путь меча	321
Круг трех (начало следующей книги)	332
Словарь японских слов	338
Словарь морских терминов	345

ПРИБОРАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Для старшего школьного возраста

Брэдфорд Крис

ЮНЫЙ САМУРАЙ: ПУТЬ ВОИНА

Ведущий редактор Е. Ю. Овчинникова

Редактор О. Кутуев

Художественные редакторы

О. Н. Адаскина, И. А. Сынкova

Технический редактор Н. Н. Хотулева

Корректоры И. М. Башлай, Н. М. Пуцина

Компьютерный дизайн переплета Н. А. Хафизовой

Компьютерная верстка Р. В. Рыдалина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл.,

г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Наши электронные адреса:

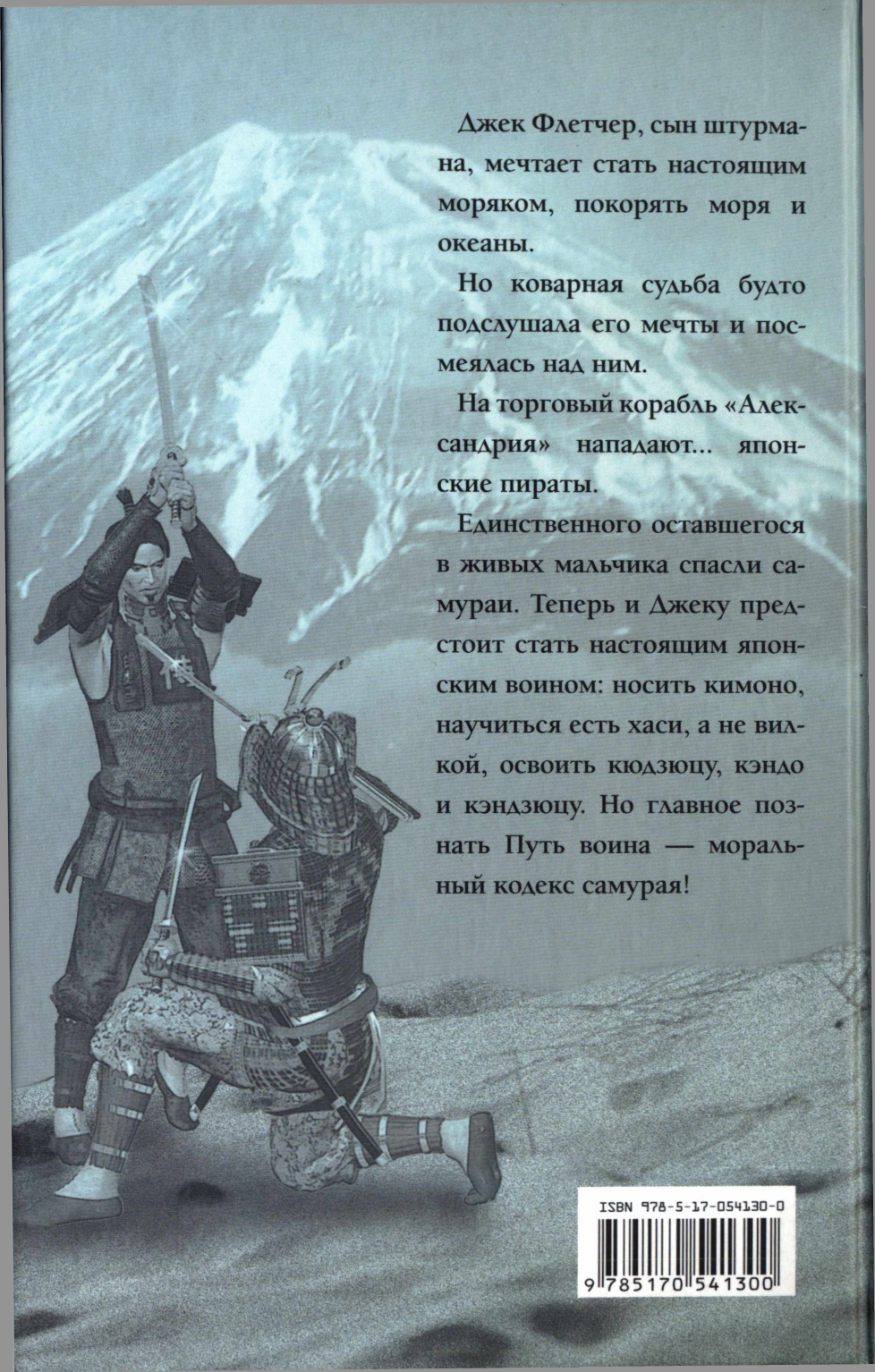
www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Джек Флетчер, сын штурмана, мечтает стать настоящим моряком, покорять моря и океаны.

Но коварная судьба будто подслушала его мечты и посмеялась над ним.

На торговый корабль «Александрия» нападают... японские пираты.

Единственного оставшегося в живых мальчика спасли самураи. Теперь и Джеку предстоит стать настоящим японским воином: носить кимоно, научиться есть хаси, а не вилкой, освоить кюдзюцу, кэндо и кэндзюцу. Но главное познать Путь воина — моральный кодекс самурая!

ISBN 978-5-17-054130-0

9 785170 541300